

POZNÁMKY

Vydáno Publishing House «Education and Science»,
Frýdlanská 15/1314, Praha 8
Spolu s DSP SHID, Berdianskaja 61 B, Dnepropetrovsk

**Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference
«Dny vědy - 2012».** - Díl 55. Historie: Praha. Publishing House
«Education and Science» s.r.o - 112 stran

Šéfredaktor: Prof. JUDr. Zdeněk Černák

Náměstek hlavního redaktor: Mgr. Alena Pelicánová

Zodpovědný za vydání: Mgr. Jana Štefko

Manažer: Mgr. Helena Žáková

Technický pracovník: Bc. Kateřina Zahradníčková

VIII sběrné nádobě obsahují materiály mezinárodní vědecko - praktická
konference «Dny vědy» (27 březen - 05 dubna 2012 roku) po sekcích
«Historie»

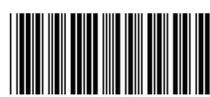
Pro studentů, aspirantů a vědeckých pracovníků

Cena 270 Kč

ISBN 978-966-8736-05-6

© Kolektiv autorů, 2012

© Publishing house «Education and Science» s.r.o.

HISTORIE

CELKOVÁ HISTORIE

К.и.н. Абдилдабекова А.М.

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, Казахстан

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ КАЗАХСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – XIX ВЕКА В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX ВЕКА

Может ли историк быть беспристрастен в своих исследованиях? Этот вопрос был всегда актуальным как для современных историков, так и для предшествующих исследователей. Многие проблемы интересны для ученых с точки зрения сопоставления с его современным периодом. Проводя, какие либо параллели, нельзя прямо отождествлять прошлое и настоящее, необходимо учитывать историческую геополитическую ситуацию. Сегодня историография выдвигает на первый план многие проблемы, достаточно изученные, но в параметрах определенных заданных концепций. Одной из таких проблем является – проблема казахско-русских отношений- которая в своем развитии прошла долгий и достаточно сложный путь. В статье мы хотим рассмотреть современную российскую историографию этого важного вопроса, определить есть ли изменения в концептуальных подходах.

Прежде всего, надо отметить, что проблематика исторической науки России, по нашему мнению, направлена в основном на изучение истории самой России, на те вопросы, которые были неактуальны в советское время. Проблемы взаимоотношения с казахским народом, рассматривается под углом зрения, современных межнациональных отношений, или, в контексте проблемы «Россия и Восток», присоединение Казахстана к России в учебниках для вузов, трактуется по-прежнему концептуальному подходу добровольности, при этом не заостряется внимание на последствиях колониальной политики царизма. Так в учебном пособии «Отечественная история» под редакцией Ш.М.Мунчаева, отмечается, что со второй четверти XVIII века усиливается влияние России на Казахстан, «до этого времени казахские земли являлись ареной междоусобных войн, они подвергались набегам со стороны более сильных соседей»/1/. В «Истории России» под редакцией М.Н.Зуева, активизацию военных действий царизма в Казахстане, связывают с соперничеством России и Англии за влияние в Средней Азии. Колониальная политика оценивается, «сглажено»: «В присоединенных среднеазиатских государствах русская администрация проводила политику с учетом местных традиций, не отнимая власть у местных владык и духо-

венства и в то же время, улучшая положение крестьянства»/2/. Вместе с этим наблюдается тенденция преподнести колониальные стремления России, как вынужденные шаги. Например, в одном из учебников проводится мысль, что «суть русского империализма, отличавшая его от империализма римского, британского, немецкого и т.п., заключалась в том, что Российская империя была великой жертвой и великим бременем народа, не приносивших ему никаких выгод, не дававших «коренной» нации никаких преимуществ перед завоеванными нациями» /3/.

Вызывает интерес коллективная монография «Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху», где есть глава «Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI – начало XX века)», которую подготовил известный ученый Т.И.Султанов. Мы считаем, в работе справедливо отмечается, что предложение Абулхаир-хана о принятии его в добровольное подданство не просто соответствовало политическим интересам России на Востоке, но «оно льстило славе Российского государства, ибо представляло, как казалось уникальную возможность присоединить к нему одним росчерком пера, без единого выстрела и кровопролития многочисленный народ и огромные степные просторы на юго-востоке страны» /4/. Автор, на наш взгляд, абсолютно правильно подчеркивает, что понятие добровольное «подданство» по разному понималось двумя сторонами, например, для казахов, это был военный и политический союз с Россией. Россия же вначале, использовала институт протектората, с элементами вассалитета, а затем в 1830–1860 годы приступила к фактическому присоединению и колониальному подчинению: «С уничтожением в степи таких традиционных органов управления, как ханская власть, народное собрание (курултай), суд биев и т.п., и введением там колониальных органов управления была окончательно ликвидирована собственно казахская государственность: Казахские степи превратились в обычную окраинную провинцию Российской империи» /5/. Т.И.Султанов считает, что период российского подданства казахских жузов четко разделяется на два основных этапа: первый – период номинального подданства (1731 г.– 20-е гг. 19 в.); второй – период фактического присоединения и колониального подчинения (30-60-гг. 19 в.). Как известно проблема номинальности, поднималась и в русской дореволюционной историографии, где исследователи ставили перед собой задачу реализовать номинальное в фактическое подданство, – иначе говоря, полностью подчинить казахов своей воле.

Мы считаем, что в монографии правильно отмечаются неизбежные последствия насильственного и неумелого вмешательства русского правительства в жизнь кочевников:

- трагическое разрушение устоявшегося общественного строя и порядка – в результате проведения жесткой колониальной политики;
- резкое ухудшение благосостояния казахского народа – в результате сокращения пастбищ и количества скота;

Жумадил М.Т. Деятельность по сохранению культурного наследия казахского народа в 20-30-е годы	81
Жумадил А.К. Казахско-ойратские отношения в конце XVI – 20-х годах XVII веков	88
Vasylenko D., Shapoval L. The Dominance of Gender Factor in Primeval System of Ancient Slavs and in Social Relations of Kyiv Rus Epoch	94
Симонян В.Р. Ростовщичество в Древнем Риме в V-III вв. до н.э.	97
Ахметшина А.В. О земской медицине Уфимской губернии (1875 – 1900 гг.)	100
Лобченко Л.Н. Депортация раскулаченных крестьянских семей Северо-Кавказского края в спецпоселения Северного региона 1930-е г. XX в.	103

OBSAH

HISTORIE

CELKOVÁ HISTORIE

Абдилдабекова А.М. Основные тенденции в изучении казахско-русских отношений XVIII – XIX века в российских исследованиях конца XX века	3
Жумадил А.К. Некоторые проблемы военно-политической истории кочевников Евразии в трудах российских ученых в первой трети XX века.....	8
Абиль Е.А. Суфизм в национально-освободительном движении казахов второй четверти XIX века	12
Shavlohnova E.S. Vladikavkaz in the Eyes of Travelers.....	16
Серёгин А.В. Русские монархисты-легитимисты в эмиграции и консервативная реакция в Европе начала 1920-х годов.....	18
Николаева А.С. Е.Д.Николаев.Годы учебы	23
Максимов И.П. Финансовая реформа 1906 г. в Германской империи	25
Кубасов А.В. Точки бифуркации российского исторического пространства и аттракторы интеллектуальной интеллигенции	28
Маложон О.І. Джерела дослідження правової культури Литовсько-Польського періоду (XIV-XVI ст.).....	33
Минеева Е.К. К вопросу о зарубежной историографии по национальной политике советской России в 20-30-е гг. XX века	36
Картаева Т.Е. «Туркестанские ведомости» – первая газета в Средней Азии ...	40
Зыкова Н.Л. Первая мировая война в русском фольклоре.....	47
Латыш Ю.В. Перестройка и межнациональные конфликты в СССР: дискуссионные вопросы историографии.....	53
Байгунаков Д.С. А.Н.Бернштам – исследователь древней истории Казахстана	57
Герман М.В. Социально – экономическое развитие Казахской ССР в послевоенное время 1946 – 1958гг.Методология проблемы	65
Григорьева А.А. Актуальность исследования панславизма в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе	68
Походеева Л.А., Скворцова Г.А. Основные направления развития высшего образования в России во второй половине XIX века	70
Хамзин С.Н. История дипломатических отношений России и Республики Корея	73
Ибрагимов М.И. Создание Дагестанского Медицинского института.....	78

- заметное уменьшение численности коренного населения – в результате массового голода и тягот переходного периода.

С этими фактами нельзя не согласиться, но вместе с отрицательными последствиями присоединения Казахстана к Российской империи авторы выделяют и положительные стороны: вступление казахов в русский протекторат спасло их от массового порабощения отсталой Джунгарией и полного физического истребления; положило начало разложению в казахских степях родового быта и переходу от кочевой жизни к оседлости; приобщило их к передовой европейской культуре и науке. «Слияние интересов России и Казахстана отражает исторически позитивную, а экономически неизбежную геополитическую направленность» /6/, по мнению авторов российский-казахстанское объединение не историческая случайность, а историческая переориентация внешних связей. В исследовании совершенно верно подчеркивается, что в течение трех столетий (17-19 вв.) взаимоотношения России и Казахстана претерпели серьезную эволюцию – от обычных соседских отношений и поисков военно-политических союзов до присоединения казахских земель к Российской империи, но казахи сохранили себя как нация. Авторы считают, что «есть все основания надеяться на то, что взаимоотношения обновленного Казахстана и обновленной России, двух ближайших соседних стран, будут основаны впредь только на принципах взаимного уважения государственного суверенитета и соблюдения прав свобод каждого отдельного человека» /7/.

В другой коллективной монографии «Национальная политика России: история и современность» также затрагивается проблема присоединения Казахстана к России. Авторы отмечают, что народы и государства не существуют вне исторического времени и географического пространства: «История народов и государств протекает не только под воздействием географической среды, она связана с их геополитическим положением, взаимоотношениями с соседствующими этносами и государствами...» /8/. Исследователи выделяют геополитический фактор – как фактор исторического процесса. Хотелось бы отметить, что данное направление, мы встречали и в дореволюционной историографии. В монографии отмечается, что расовые и этнические особенности народов не мешали вовлечению их разноукладных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. Заслуживает внимания тот факт, что показывается различный характер присоединения. Авторы подчеркивают благоприятную в то время для расширения русского влияния обстановку на Кавказе и Средней Азии, эти территории представляли собой феодальные владения с наличием в них кровавых междоусобиц. «В ряде случаев вопрос стоял о выживании целых народов из-за угрозы нападения более сильных соседей. В этих условиях многие правители и население не только не оказывали сопротивления русскому проникновению, но и сами стремились перейти в русское подданство» /9/. Далее исследователи заостряют внимание на том, что сущность «имперства» России не похо-

жа на колониальные империи Запада, среди доводов приводятся следующие аргументы: «Ни один народ российских окраин не исчез с лица земли под русским владычеством... В России же практически стирались различия между завоевателями и завоеванными» /10/, чего не наблюдалось ни в одной колониальной державе. С этим доводом мы абсолютно не согласны, потому что, во-первых, народы вошли в состав Российской империи разными путями. Во-вторых, физическое истребление целых народов не наблюдалось, но мы видим, как сейчас на современном этапе почти исчезла культура и язык северных малых народов России, исчезает и их традиционное хозяйство. Политика русификации в отношении казахского народа, начатая царской администрацией и продолженная после Октября 1917 года, едва не привела к потере родного языка, с последствиями которой мы сталкиваемся сегодня. В третьих, территория самого Российского государства была большая, а плотность населения низкая, поэтому, когда остро стал вопрос нехватки плодородной земли, российское правительство обратило внимание на свои колонии. Как известно, российская администрация, проводя переселенческую политику, изымала у казахов наиболее плодородные земли, вынуждая коренное население мигрировать и ломать традиционную структуру хозяйства. В данной монографии встречается еще одна тенденция, имевшая место в дореволюционных работах, что Россия, присоединив преимущественно экономически слабо развитые районы, не могла извлечь существенных хозяйственных выгод /11/. Обоснование этого дается на примере Средней Азии:

- регион не служил для России сырьевой базой, в том числе хлопковой, так как в метрополию в основном везли ткани, фрукты и предметы роскоши;
- регион не сразу стал рынком сбыта российских товаров из-за отсутствия удобных путей сообщения;
- первоначально царизм вынуждено сдерживал колонизацию из-за отсутствия достаточного количества орошаемых земель;
- финансовые и материальные затраты по освоению региона, легли тяжким бременем на экономику России.

Авторы ставят вопрос: «Что же толкало Россию в эти отдаленные районы? Мы уже видели, что отчасти это был стихийный процесс... Вместе с тем Россия получала некоторые выгоды геополитического, военно-стратегического характера» /12/, но доминирующими считаются политические причины.

Значимость геополитического фактора в истории Российской империи отмечается и в монографии И.Б. Орловой «Евразийская цивилизация», где автором подчеркивается, что бескрайняя равнина принуждала русский народ к созданию огромного государства, охватывавшего целый мир. Придерживаясь идеи евразийства, И.Б. Орлова показывает, что «география Евразии, отсутствие природных границ на ее территории объективно predeterminedли единение двух различных культурных миров: оседлого и кочевого – часто конфликтующих, но вынужденных взаимодействовать, защищая регион от внешних врагов» /13/.

таристские установки центральных и местных органов нанесли громадный ущерб всему сельскому хозяйству Северо-Кавказского края. Были разрушены основные производительные силы деревни, наблюдалась дезорганизация и упадок сельскохозяйственного производства, гибель основного производителя. В результате такой политики произошло отчуждение крестьянина от земли, результатов своего труда, что сделало его безразличным, равнодушным исполнителем команд свыше. По существу произошло отчуждение, разрушение всего жизненного уклада, духовных и нравственных ценностей, присущих именно крестьянству. Потеря крестьянина, хозяина на земле, – самое тяжелое наследство “великого перелома”, последствия которого докатились до наших дней. Только в период перестройки административно – командной системы в деревне основы политики “раскрестьянивания” стали расшатываться и рушиться, но новые процессы развиваются с трудом и крайне медленно, это характерно и для Северо-Кавказского края. Остается только надеяться, что “житница” России, Кубань, еще возродится.

Литература:

1. ГАКК, ф. 1050, оп. 1, д. 8, л. 58.
2. КПСС в резолюциях Т.5 – С. 73-74.
3. Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930-1954 гг. г. Мурманск. 1995. – С.46.
4. ГАКК, ф. 1050, оп. 1, д. 15, л. 2.
5. Архив Ростовского обкома КПСС. Ф, 8, оп. 1, д. 55, л. 50.
6. ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1290, л. 23.
7. ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1304, л. 13.
8. ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1307, л. 100.
9. Осолов Е.Н. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов на Дону 1991 г. – С. 50.

лачивание " проводилось и в дальнейшем. Массовые репрессии обрушиваются на крестьян Северного Кавказа в период хлебозаготовок 1932-1933 гг.

Так в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. отмечалось: "Заслушав доклад секретаря Северо-Кавказского крайкома т. Шеболдаева, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

– выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской, как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников, и заселить эту станицу добросовестными колхозниками – красноармейцами, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых;

– всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева "коммунистов" выселять в северные области наравне с кулаками. "Данное постановление подписано председателем СНК СССР В. Молотовым и секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным (№ П 4751)⁴.

Репрессивная политика выселения крестьян на Северном Кавказе продолжалась и после 1932 г. Так в справке " о выселении жителей из станиц Кубани говорилось: " Бюро С.К. крайкома ВКП(б) 13 ноября 1932 г. приняло решение о выселении из станиц Кубани 2000 единоличных хозяйств, " злостно срывающих хлебозаготовки и сев"⁵.

Секретарь Славянского РК ВКП(б) В. Алексеев докладывал председателю Северо-Кавказского крайисполкома Ларину В.Ф. о том, что 25-26 декабря из станицы Полтавской отправлено 4 эшелона с высылаемым населением.⁶ 7 января 1933 года по решению крайкома ВКП(б) выселению подлежали жители станиц Урупской.⁷

Таким образом, всего было выслано с Кубани в ноябре 1932 г. – январе 1933 г. не менее 63500 человек.⁸ Из этого количества 42404 раскулаченных семей в количестве 191935 человек было депортировано в отдаленные, глубинные районы СССР. Так в Северный край из Северного Кавказа выслано 5566 семей (29211 человек). На Урал 23000 семей.⁹ Такова печальная статистика репрессивной политики правительства против крестьян Северо-Кавказского края 1930-1932 годов .

Таким образом, несмотря на то, что к 1931 году зажиточная часть крестьянства была раскулачена, процесс раскулачивания и депортации в Северокавказском крае продолжался до 1940 года. С 1940-1952 год было выселено 450 человек уже по национальному признаку, эти люди отнесены к категории спецпоселенцев, выселенных навечно. Только к 1954 году будет принято решение о снятии с учета спецпоселения всех бывших кулаков, выселенных из Северного Кавказа и других регионов страны в 1929-1933 годах.

В целом можно с уверенностью сказать, что политика геноцида правительства против народа Северо-Кавказского края продолжалась с 1930 г. по 1954 г. Волон-

Среди современных российских исследователей следует выделить В.А.Моисеева, который изучает проблему взаимоотношений России и Джунгарского ханства в XVIII веке и естественно затрагивает блок вопросов по русско-казахским отношениям. Российский исследователь полагает, что «в трудах Н.Г.Аполловой. В.Я.Басина, Т.Ж.Шоинбаева, А.О.Сабырханова, И.В.Ерофеевой и др., ... высоко оценивалась роль России в защите казахского народа от ойратских вторжений. После распада СССР и провозглашения Казахстана независимым государством оценки политики России центральной Азии изменились на прямо противоположные» /14/.

Таким образом, в современной российской исторической науке, сосуществуют положения как дореволюционной, так и советских концепций проблемы присоединения. Данный вопрос рассматривается учеными не как самостоятельная проблема, а в историческом экскурсе в прошлое для понимания настоящего (распад СССР, национальный конфликт, межнациональные отношения и т.д.).

Литература:

1. Отечественная история: Учебник для вузов под. ред. проф. Ш.М.Мунчаева.- Москва,1999. -С.137.
2. История России: Учебник для Вузов.- Москва, 2000.- С.447.
- 3.Черкасов П.П. Чернышевский Д.В. История имперской России от Петра Великого до Николая II: Москва, 1994. -С.445
- 4.Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. – СПб., 1996. -С.17.
- 5.Россия, Запад и мусульманский Восток... -С.24.
- 6.Россия, Запад и мусульманский Восток... -С.25.
- 7.Россия, Запад и мусульманский Восток ...-С.26.
- 8.Национальная политика России: История и современность. – Москва, 1997. –С.10.
- 9.Национальная политика России ...- С.47.
- 10.Национальная политика России ... –С.176.
- 11.Национальная политика России ... –С.179.
- 12.Национальная политика России ... –С.179.
- 13.Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М., 1998.- С.280.
- 14.Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в 18 веке.-Барнаул, 1998.-С.6.

Жумадил А.К.

доцент кафедры истории Казахстана
КазНУ им. аль-Фараби

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В начале XX века письменные источники дополняются многочисленными данными археологических, этнографических и лингвистических изысканий, что позволило перейти на новый уровень научного исследования военной истории кочевников Евразии. Археологическое изучение Казахстана и других регионов обитания кочевых народов, начавшееся со второй половины XIX века, в послеоктябрьский период стало постепенно приобретать комплексный и системный характер.

Важный вклад в становление новых подходов к изучению истории номадов Евразии внесли представители евразийской школы. Евразийство – общественно-политическое течение, возникшее в среде русской эмиграции после окончания гражданской войны, предложило по-новому взглянуть на историю русско-тюркских взаимоотношений. Евразийцы считали, что русская этничность не может быть сведена лишь к славянскому этносу, в ее образовании большую роль сыграли и тюркские племена. Оценка евразийцами русско-тюркских взаимоотношений в целом, и так называемого татаро-монгольского «ига», в частности, означала не больше не меньше, что «без татарщины не было бы и России» [1, с.123]. Россия мыслилась евразийцами не как прямое продолжение Киевской Руси, а как «наследница великих ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии, в ней сочетаются оседлая и степная стихии» [1, с. 59]. В трудах евразийцев история России рассматривается в рамках истории Евразии в целом, при этом всячески подчеркивается важная роль кочевых тюркских народов.

Ученый-лингвист князь Н.С. Трубецкой считал, что в истории Евразии тюркские («туранские») племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские племена: «Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной Европейской России (царство волжскокамских булгар и царство хазарское) были гораздо более значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами монголами» [1, с. 124].

Евразийцев больше интересовал период монгольских завоеваний и Золотой Орды, «туранский элемент» в русской истории они связывали с «наследием Чингиз-хана», в империи которого евразийский мир впервые предстал как единое целое. Географ и геополитик П.Н. Савицкий всячески подчеркивал пози-

– в плане точно учесть и донести, из каких, районов и какое количество кулацко-белогвардейского элемента намечается для выселения;

– установить места железнодорожных пунктов, где будут концентрироваться выселяемые перед отправкой, и рассчитать количество перевозочных средств и ж/д состава;

Мероприятия органов ОГПУ планировалось развернуть по 2 направлениям:

– Немедленная ликвидация «контрреволюционного кулацкого актива»

– Массовое выселение, в районах сплошной коллективизации наиболее «богатых кулаков» и их семей в отдаленные районы СССР, отнесенных ко второй категории».³

ОГПУ предлагалось для приема, учета бесперебойной отправки выселяемых создать сборные пункты во главе с комендантом. Комендантам сборных пунктов предлагалось немедленно связываться с ячейками органов транспортного отдела ОГПУ (ТООГПУ) на местах, ведающих составлением и отправкой эшелонов.

Сводки с мест, датированные 1930 г., рисуют страшную картину репрессий и принуждений. Официальные органы в начале 1930 года явно занижали общее число жертв «раскулачивания». Прежде всего, неизвестен средний размер семей раскулаченных. В зажиточных семьях 1930 – 1932 г. было от 10 до 12 человек. По данным 1928 г., в стране насчитывалось более миллиона семей, которых относили к кулакам. И нет свидетельств, что хотя бы малая часть их была оставлена на прежних местах. Все были выселены. Выселялись середняцкие семьи, подкулачники. Дело доходило до того, что стали выселять целыми селеньями. Так только на одной Кубани было выселено население 16 станиц, включая колхозников, бедняков – одиночников.

В Северо-Кавказском округе семьи арестованных, заключенных в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, выселялись в северные районы наряду с выселяемыми семьями 1 категории. Имущество семей конфисковывалось. Только в 1930 г. из Северного Кавказа предполагалось выслать 23000 семей на Урал. В феврале – марте 1931 г. начинается новая волна раскулачивания и депортации крестьянских семей. В центре ее внимания были вопросы выселения крестьян и использования их бесплатной рабочей силы. Нажим на крестьян продолжился. Работа по раскулачиванию в Северо-Кавказском крае проводилась с особым энтузиазмом и носила наступательный характер. На Севере, Урале, Сибири и других территориях были определены районы временного и постоянного расселения спецпереселенцев, планы их хозяйственного устройства, порядок и сроки переброски семей.

К началу 1931г. в сельскохозяйственных районах ликвидация кулацких хозяйств в основном завершилась. С весны 1932 г. массовое выселение крестьян было прекращено, комиссия А.А. Андреева в марте распущена. Однако «раску-

В 1929 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев, руководствуясь установкой Ноябрьского Пленума ЦК провозгласил лозунг "большевистских темпов коллективизации". С этого времени в крае начинается нажим на крестьян, который особенно усиливается в период хлебозаготовок.

О том, как проходила реализация директив и распоряжений на практике, можно судить по письму-телеграмме, отправленной Тарасовым в Окружном ВКП(б). В ней говорилось: " На 21.09.29 г. выявлено:

- кулацких хозяйств – 1299, зажиточных – 3491;
- описано кулацких хозяйств – 454 хоз-ва, зажиточных – 64;
- возложено штрафов – 122360 руб.;
- передано суду – 77, осуждено – 53,
- выселено – 28;¹

Дальнейшие события развивались поистине ударными "сталинскими" темпами. 5 января 1930 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) "О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству", в котором зерновые районы были разграничены на 2 зоны по срокам завершения коллективизации. Так Северный Кавказ должен был завершить коллективизацию "осенью" 1930 года или во всяком случае весной 1931 года. 30 января Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". Как гласили инструкции, против крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, надлежало применять следующие меры:

– крупных кулаков, активно выступающих против коллективизации (вторая категория), выселять из мест их проживания в северные и отдаленные районы страны;

– остальную часть кулаков (третья категория) расселять в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях.²

Выселение крестьянских семей в отдаленные районы Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Якутии и внутри краев и областей осуществлялось исключительно органами ОГПУ в репрессивных формах.

Органы ОГПУ проявляли поразительную оперативность и действовали параллельно принятию основных решений партии и правительства. Руководящие работники ОГПУ начали практическую работу по подготовке и непосредственному выселению крестьянских семей. Так в директиве ОГПУ № 775 от 18 января 1930 г., подписанной заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой и направленной полномочным представителям ОГПУ Северо-Кавказского края говорилось: "...В связи с предстоящим решением вопроса массовых выселений кулацко-белогвардейского элемента, в дополнение к общим мероприятиям, согласно телеграфной директиве 775 – приказываю:

тивную роль татарского господства в становлении Российского государства: «Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они (татары) дали России свойство организовываться воедино, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество становиться могущественной ордой» [2, с. 125].

Евразийцы полностью переосмыслили роль Великой степи в истории России. «Евразийцы» первыми отказались от русской составляющей «черной легенды» – идеи о татаро-монгольском иге, господствовавшей в русской историографии с XVIII века в качестве западноевропейского заимствования российских петиметров. Для «евразийцев» Россия являлась просто православной вариацией единой евразийской Империи, возникшей на базе последнего из прошлых евразийских монолитов – Монгольского улуса. Таким образом, свойственный «евразийцам» взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока привел их к закономерному, выводу о безусловно плодотворной, органичной роли кочевников Евразии в становлении России.

Идеи евразийства оказали влияние на творчество таких историков, как Э. Хара-Давана, Г.Е. Вернадского и др. Некоторые положения евразийской школы легли в основу исторических концепций Л.Н. Гумилева.

Важным вкладом в историографию военной истории кочевых тюркских народов стала книга К.А. Инostrанцева «Хунну и гунны». В этой работе дается подробнейший анализ всех существовавших к тому времени теорий о происхождении центральноазиатских хуннов и европейских гуннов. Автор сделал вывод о тюркоязычности самого племени хунну и значительной части других племен, входивших в состав хуннской державы [3]. В вопросе об этногенезе европейских гуннов Иностранцев приходит к мысли о постепенной ассимиляции центральноазиатских хуннов среди местного населения, сначала финского, а позже славянского и германского. Притом преемственность гуннов от хунну не вызывает у автора никакого сомнения: «вторжение грозных завоевателей IV–V вв. находится в связи и вызвано переворотом на крайних восточных пределах Азии» [3, с. 119].

Важнейшую роль в изучении истории кочевников сыграл В.В. Бартольд. Бартольдом было написано большинство обобщающих работ по истории тюркских народов: «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии», «История турецко-монгольских народов», «Тюрки» [4] и др. Отдельным тюркским народам посвящены его небольшие статьи – «Карлуки», «Кимаки», «Кипчаки» и др. Основными источниками трудов Бартольда были тексты орхоненейских памятников, переводы китайских исторических сочинений, сочинения античных и византийских авторов.

В вопросе о наиболее раннем этапе тюркской государственности В.В. Бартольд был далек от безусловного признания факта тюркоязычности хуннов. Историю государственности тюркских народов он начинает рассматривать с эпохи Тюркского каганата.

Проблема причины происхождения государственной власти в кочевом обществе также нашла отражение в ряде трудов В.В. Бартольда. В своих построениях он опирался на концепцию В.В. Радлова о чрезвычайном характере ханской власти в степи. Напротив, точка зрения Н.А. Аристовой была подвергнута им жесткой критике и названа «крупным недоразумением» [4, с. 28]. Как и В.В. Радлов, В.В. Бартольд считал, что при нормальных условиях кочевое общество регулируется традиционными связями и нормами обычного права и поэтому не нуждается в государственной организации. Однако, когда в степи начинает набирать обороты процесс имущественной дифференциации, кочевое общество расслаивается на сословия и классы, появляются признаки классовой борьбы. Под влиянием этой борьбы, по мнению Бартольда, и зарождаются основы политической власти в кочевом обществе. Имущественное расслоение, борьба между бедными и богатыми, «степной аристократией и демократическими элементами», и были, согласно концепции ученого, теми чрезвычайными обстоятельствами, о которых писал В.В. Радлов. Как и В.В. Радлов, В.В. Бартольд исходил из того, что представители государственной власти – ханы захватывали власть сами, никем не назначались и не выбирались. Однако процессы классового образования и политогенеза, по мнению Бартольда, являются обратимыми и кочевое общество со временем может вновь вернуться к доклассовому и догосударственному уровню развития, т.е. «нормальному» для него состоянию. Одним из факторов стабильности кочевой державы В.В. Бартольд считал захват богатств «культурных стран», таким образом, он указывал на экзополитарный (внешнеэксплуататорский) характер кочевых государств.

При обзоре историографии военно-политической истории тюркских народов невозможно пройти мимо вышедшей в 1931 г. книги Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм». В этой работе Владимирцов впервые во всей полноте поставил вопрос о характере общественных отношений у монголов в средние века, показал, насколько монгольские племена эпохи Чингизхана отличались друг от друга по уровню своего общественного развития, и в то же время он отметил, что в чертах родового быта монгол «нет ничего особенного и оригинального, что бы выделяло древних монголов из ряда других народов, живущих или живших родовым строем» [5, с. 39, 41]. Таким образом, закономерности, присущие развитию монгольского кочевое общества, могут быть приложимы и к другим степным народам, в том числе и тюркам. В монографии Владимирцова впервые дана достаточно полная, детальная картина становления основ кочевой государственности на основе подробнейшего анализа социально-экономического развития монгольского общества. Концепция Владимирцова о сложении монгольского государства вкратце выглядит следующим образом. В XII веке в степях Монголии протекают два взаимосвязанных процесса – идет разложение родового строя и начинается переход от куренного к аильному способу кочевания. При аильном кочевании богатый скотовладелец разделяет свои стада по аилам, где скот пасется

Уфимской губернии приобретало всё более совершенный вид. Земства сыграли большую роль в развитии медицинского дела. Так благодаря им была создана стационарная система лечения, открывались больницы, совершенствовались приёмы лечения, проводились санитарно-оздоровительные мероприятия, что значительно повысило уровень жизни населения Уфимской губернии.

Литература:

1. Веретенникова А.И. Записки земского врача. – Уфа, 1984.
2. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М., 1990.
3. Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского Губернского Земства (к 50-летию введения земских учреждений). – Уфа, 1914.
4. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875 – 1917 гг. – Уфа, 1917.
5. Осипов Е.А. Русская земская медицина. – М., 1899.
6. Селезнёва В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. – Молотов, 1955.
7. Труды третьего съезда земских врачей и представителей земств Уфимской губернии. – Вып. I. – Уфа, 1893.

К.и.н. Лобченко Л. Н.

Российский государственный социальный университет филиал в г. Мурманске, Россия.

ДЕПОРТАЦИЯ РАСКУЛАЧЕННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ В СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА 1930-Е Г. XX В.

Раскулачивание в СССР и судьбы раскулаченных крестьянских семей-спецпереселенцев – драматическая недостаточно исследованная проблема в исторической науке России и стран ближнего зарубежья, входивших в состав СССР. В советский период данная проблема в подобной постановке вопроса даже не выдвигалась. Поэтому все работы этого периода, посвященные процессу раскулачивания, выполнены в политизированном, догматизированном духе и раскрывают только один аспект проблемы – “ликвидацию в СССР кулачества как класса”.

Кроме того, данная проблема на региональном уровне (в масштабе союзных республик, краев и областей) и в геополитическом пространстве бывшего СССР недостаточно разработана. Не получила она должной научной разработки и в рамках Северо-Кавказского края.

вышалась и качественно. Постепенно врачи стали оказывать и специальную – более совершенную – помощь. Важным показателем развития медицинского дела в Уфимской губернии является качественное улучшение деятельности участковых врачей. Это видно, из того, что врачи стали производить санитарные осмотры и исследования, участвовали в санитарно-благотворительных попечительствах, устраивали ясли-приюты, народные чтения. Земские участковые больницы, обслуживающие определённое количество жителей на прилегающей ограниченной территории, стали центрами лечебно-профилактической и санитарной помощи. Одним из достижений земской медицины было то, что она провозгласила необходимость и осуществила на практике сочетание лечебной и санитарно-профилактической деятельности.

Изменилось и управление медицинским делом. Управы стали привлекать к нему и врачей, образовывались врачебно-санитарные советы – где все вопросы медицины обсуждались представителями земства совместно с врачами, что вело к более правильному решению вопросов и к более равномерному удовлетворению нужд отдельных участков. Объединение медицинского дела губернии достигалось в значительной степени периодическим созывом губернских съездов врачей и представителей земств.

Отрицательной чертой земской медицины этого периода была платность медицинской помощи. От Приказа общественного призрения к земству перешла первоначально и система платности, которая была обременительна для крестьян. Земские врачи настойчиво ставили перед губернской и уездными управами задачу отмены взимания платы за лечение. Так, в 1899 г. в Белебеевском и Уфимском уездах лечение было бесплатное, в Мензелинском уезде за стационарное лечение взимали по 15 копеек в сутки, с жителей других уездов – по 25 копеек. В Стерлитамакском уезде лечение больных продолжало оставаться платным. Земство, как буржуазно-общественный институт в самодержавной России, оказалось не способным до конца решить вопрос о бесплатном лечении.

Помимо роста уездной медицины мы наблюдаем изменение в учреждениях губернского земства по отделу народного здоровья. Удовлетворяя нужды общественного призрения, губернское земство субсидирует целый ряд других благотворительных учреждений. С 1884 г. губернское земство стало приходить на помощь уездным в деле борьбы с заразными болезнями. Приглашались эпидемические врачи, фельдшера и сёстры милосердия, которые посылались в те уезды, где местные врачи и фельдшера не могли справиться с эпидемией. Для руководства этим делом в 1886 г. при губернской управе было создано особое санитарное бюро, которое сначала являлось исключительно эпидемическим отделом управы, но постепенно деятельность бюро расширилась.

В результате проведения земской реформы была создана земская медицина, которая сдвинула с мёртвой точки развитие системы здравоохранения в сельской местности. Несмотря на различные трудности медицинская помощь в

под присмотром зависимых людей. Набирает обороты процесс расслоения древнемонгольского общества на богатых скотовладельцев, лично свободных, но не богатых общинников и на зависимых людей. На этом фоне складывается кочевая аристократия, представители которой окружают себя различными категориями зависимых людей – рабов, крепостных вассалов, а также дружиной. Формируется система эксплуатации как зависимых так и формально свободных людей, вырабатываются отношения иерархической соподчиненности и вассалитета. Все эти явления, по мнению Владимирцова, являются признаками феодального строя с кочевой спецификой. В XII веке происходит постоянные стычки между различными группами кочевой феодальной аристократии за гегемонию в степи. Но, несмотря на всю ожесточенность столкновений основная цель враждующих группировок была одна – установить единую стабильную власть, которая бы отвечала интересам разбогатевшей кочевой аристократии. На этой волне и происходит образование Монгольской империи во главе с Чингиз-ханом. Б.Я. Владимирцов дал описание становления и последовательного развития классового общества у монгольских племен, которое он определил как феодальное. По мнению ученого, «то, что происходило в нарождающемся государстве Чингис-хана, вероятно, происходило и в других хаанатах, но, может быть, не принимало таких размеров и не было так строго организовано» [5, с. 128]. Закономерным итогом процесса классового образования стало, согласно концепции Владимирцова, формирование монгольского феодального государства.

Работа Б.Я. Владимирцова подводит своеобразный итог дореволюционному периоду российского кочевниковедения. Хотя книга и была написана уже в годы советской власти, в ней, как и в последних работах В.В. Бартольда, нет жестких формулировок исторического материализма, присущих сочинениям советских тюркологов, таких, как С.П. Толстов, А.Н. Бернштам и др.

В начале 20-х годов потребности в теоретическом обосновании необходимости формирования национальных казахских воинских частей обусловили появление статьи А. Рязанова [6]. В ней во взаимосвязи были рассмотрены вопросы формирования исторического типа и характера казахского воина, состояние вооруженных сил и форма военной организации казахских ханов, стратегия и тактика военных действий, в частности, военное искусство Тауке хана, проявленное в ходе осады Бухары, и Жангир хана в борьбе против джунгар.

Ценность данной работы, во-первых, в том, что автор дал первое в послеоктябрьской историографии Казахстана описание военного искусства казахов в XVI-XIX веках. Опираясь на исследование М.И. Иванова [7], А. Рязанов охарактеризовал метод ведения «малых войн», использованных Срымом Датовым, Кенесары Касымовым, Исетом Кутебаровым. Рязанов подробно описал тактику военных действий казахов против казачьих укрепленных линий. Во-вторых, с появлением публикации А. Рязанова, где был затронут вопрос о влиянии национально-психологических особенностей и функций этноса, уровня его социально-экономического развития на специфические черты вооруженной борьбы,

в складывавшейся историографии военного дела кочевников Казахстана был сделан определенный шаг в анализе этапов и закономерностей его развития.

Литература:

1. Евразия. Исход к Востоку. Сб. трудов. М., 1993.
2. Утверждение евразийцев // Проблемы теории и практики управления, 1991. № 3.
3. Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.
4. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968, Т.5. 757 с.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. М., 1931.
6. Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Советская Киргизия, 1924, № 3-4, С. 29-42.
7. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб, 1875, 200с.

ТҮЙІН

Мақалада XX ғасырдың бірінші ширегінде Еуразия көшпелілерінің әскери-саяси тарихын зерттеуге байланысты ғылыми бағыттардың қалыптасуы қарастырылады. Әсіресе көшпелілердің тарихы мен түркі тайпаларының рөлі туралы зерттеулерде жаңа бағыт ұстанған «еуразиялық» мектеп өкілдерінің ұстанымдары талданады.

SUMMARY

In this article is considered formation of the scientific directions of military-political history of Eurasian nomads at the first quarter of XX century. The author analyzes history of nomads and Turkish tribes in the researches of the representatives of «Eurasian» scientific school.

Д.и.н. Абиля Е.А.

Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан

СУФИЗМ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ КАЗАХОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Роль ислама в целом, в том числе и отдельных суфийских школ и течений в общественно-политической жизни казахского общества до сих пор слабо изучены в исторической науке Казахстана. Между тем, в истории национально-освободительного движения есть интересные сюжеты, до сих пор не привлекав-

Однако необходимо заметить, что земской медициной всё же были достигнуты значительные успехи. Так, благодаря губернскому земству, на смену разъездной системе пришла новая стационарная система, когда в центре каждого медицинского участка, создававшегося в уезде, открывалась больница с амбулаторией. Это было одним из важнейших достижений земской медицины. Идея стационарной системы лечения не сразу пошла по прямому логическому пути, и должности разъездных врачей ещё долго оставались в губернии. Первоначально с возникновением земств функционировала смешанная стационарно-разъездная система.

В целях обслуживания населения медицинской помощью губерния была разделена на медицинские участки. Уфимская губерния по количеству населения на 1 врачебный участок сильно отставала по общероссийским меркам. Так, врачи Московской губернии и Пироговские съезды признали, что нормальный участок должен включать не более 315 кв. вёрст, 10 000 жителей и средний радиус его должен быть не более 10 вёрст, а в Уфимской губернии он составлял 1500 кв. вёрст, на 44 000 жителей со средним радиусом в 22 версты. Таким образом, мы можем сказать, что врачебные участки в Уфимской губернии были в 4-5 раз больше нормальных. Данное положение вещей приводило к тому, что своевременную и качественную медицинскую помощь получало лишь небольшое количество населения. Врачи не имели возможность подмечать даже первые случаи появления эпидемий, своевременно выявить заразных больных и предотвратить распространение эпидемических заболеваний. Сам характер борьбы с эпидемическими болезнями носил разрозненный случайный характер. Главной причиной, тормозящей осуществление нормальной сети участков, являлось стеснённое положение земских финансов.

В связи с недостатком врачей, а также в интересах экономии, земству приходилось прибегать к помощи фельдшеров, которые не имели специального образования, но, тем не менее, самостоятельно лечивших значительное число больных.

Ещё одним важным моментом является то, что медицинское обслуживание населения, введённое земствами, развивалась от центра к периферии, соответственно распределялось и качество обслуживания. Так, непосредственно по месту жительства врача обращаемость за медицинской помощью составляла 990 человек из 1000, до 10 вёрст – 50 %, от 10 до 15 вёрст – 25 %, а за 15 вёрст – в единичных случаях (7,1 %). А так как в Уфимской губернии более половины населения жило дальше 15 вёрст от врача, то из 11 – 12 больных к врачу обращался всего лишь один.

Несмотря на многие притеснения и плохое финансирование, уездные земства всё же ассигновали на медицину денежные средства, на которые устраивались медицинские участки, больницы, фельдшерские и акушерские пункты. Постепенно увеличилось и число врачей, а это дало возможность сокращать помощь фельдшеров, уменьшать размеры участков.

Помимо количественного роста, в процессе развития и совершенствования земской медицины в Уфимской губернии, постановка медицинского дела по-

Ахметшина А.В.

Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Бишиевой,
Республика Башкортостан, Россия

О ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1875 – 1900 ГГ.)

Большой интерес в изучении истории социально-экономического развития Башкортостана как одного из субъекта Российской Федерации представляет земская реформа 1864 года, которая ввела в государственный строй России новую систему местного управления. С этого момента возникает так называемая земская медицина, которая представляет собой оригинальное, самобытное явление, ознаменовавшее рационализацию охраны здоровья населения. Однако необходимо заметить, что земская медицина охватила лишь часть территории Российской империи (всего 34 губернии).

В Уфимской губернии «Положение о земских учреждениях» вошло в силу с 1 января 1864 г., но фактически земства были учреждены лишь в 1875 г. Создавая земские учреждения, правительство было озабочено тем, чтобы компетенция их не выходила за рамки узкого круга хозяйственных дел. Расходы на такие важнейшие статьи местного бюджета, как народное образование и «народное здравие», были отнесены к «необязательным земским повинностям» (ст. 2).

Наследство дореформенных учреждений, занимающихся медицинскими вопросами, было невелико. До появления земской медицины сельское население практически не имело организованной медицинской помощи. Земство Уфимской губернии получило от своего предшественника – Приказа общественного призрения – следующие учреждения: в г. Уфе больницу для соматических больных на 51 кровать, больницу для умалишённых на 36 кроватей и богадельню на 85 мест. В уездных городах было 5 (от 12 до 20 кроватей) и 2 башкирские больницы в Уфимском и Бирском уездах. Кроме земских лечебных заведений в Уфе имелась тюремная больница и лечебница для проходящих, в уездах – по тюремной больнице в Белебее и Стерлитамаке. При всех этих больницах было 11 врачей, 75 фельдшеров и до 10 повивальных бабок. Годовое число больных, обращавшихся во все эти больницы, равнялось 5000 в 1875 г. В сущности ни амбулаторного, ни коечного лечения не было.

Уфимская губерния, занимавшая площадь в 102869 кв. вёрст не могла обеспечить население качественной медицинской помощью, в результате чего пришлось прибегнуть к несовершенному способу – разъездной системе. Одна из первых в России женщин-врачей, работавшая в Белебеевском уезде земским врачом, А.И. Веретенникова заметила: «Разъездная и вообще амбулаторная система лечения далеко на удовлетворяет самым элементарным целям земской медицины».

шие внимания исследователей. К их числу относится движение Марал-ишана – одна из первых организованных попыток антиколониального сопротивления казахов, основанных на идеях исламского единства и религиозных ценностях.

Ослабление Казахского ханства и колониальная политика России в регионе вызвали рост антироссийских настроений среди казахов степного Притоболья. Летом 1821 года в степи распространился слух о появлении мусульманского проповедника, призывавшего к единению мусульман и противостоянию России. Старшина байдалы-уаков Куркумбай в июне 1821 года докладывал на лицию, что возмутителем покоя является казах из култоба-кереев Марал Курманов. В начале XIX века Марал вместе со своими родичами кочевал у Пресногорьковской крепости, был известен как лекарь-баксы, который «исцеляет слепых, хромых, недвижимых членами и разрешает бесплодие жен» [1, с.195]. В 1803 году или, по другим сведениям, в 1806 году Марал ушел учиться в Бухарское ханство, некоторое время жил в г. Шахриябсе и был мюридом одного из суфийских шейхов – Кулмухаммеда.

Возвратившись, он стал проповедовать среди казахов, в первую очередь своих сородичей, суфизм, за что Марал был удостоен звания ишана – суфийского шейха [2, с.679]. В этот период в целом в Центральной Азии и Урало-Волжском регионе в суфизме стала выделяться особая ветвь – ишанизм, которая характеризуется ослаблением религиозно-мистической составляющей и усилением роли социальных и ритуальных аспектов взаимоотношений между учителем (муршид) и учеником (мюрид) [3, с.40]. Марал не принадлежал ни к одной из сословных групп, его генеалогии прямо указывают, что он был выходцем из т.н. «черной кости». Сам Марал в одном из своих писем называет себя «Иса-хазрет» [4, с.87].

Однако, проповеди Марал-ишана не ограничивались религиозными темами. Ф.Герман писал, что «прошедшего лета в Средней Орде явился один подобный (проповедник – авт), по имени Моралл, который проповедывал о разных чудесах, предсказывал скорое порабощение Орды и многие несчастья» [5, с.222]. Как свидетельствуют источники, к Марал-ишану приезжали «из разных волостей киргизцы, которых он склонял, дабы оставить связь с Россией, соединиться, как одноземцам, вместе, обещал их обогатить трудами от земледелия, а между тем внушал им, что есть тягчайший грех красть и гонять баранты, а особливо у однозаконцев (т.е. мусульман –авт.). Между прочим, говорил приезжавшим к нему, что когда они соединятся все вместе, тогда завладеют местечком Биш-Кала (а по-русски – хивинцами), потом будто избереет лучших людей и пошлет депутатов к двору российскому с требованием, дабы находящихся под российским правительством их однозаконцев татар, башкирцев и верноподданных киргизцев для соединения с ними отпустить».

Таким образом, Марал-ишан и его сторонники выдвинули грандиозные, но малоосуществимые в тот период задачи – создать мусульманское государство, объединявшее земли Хивы, Казахстана, Башкирии и Поволжья. Очевидно, что

не в малой степени на подобные политические планы повлияло ослабление ханской власти у казахов и формирование у многих представителей степной элиты мнения о необходимости замены идей чингизизма, на иные идеологические концепции. В качестве альтернативы Марал-ишаном и его сторонниками была избрана концепция мусульманского государства, могущая в перспективе объединить узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов, башкир и татар.

Отношение Марала к колониальной политике было выражено в его письмах Оренбургскому генерал-губернатору Эссену и командиру Отдельного сибирского корпуса Капцевичу: «за несколько до сего лет на границах Российской империи существовало благополучие, мир, тишина и спокойствие ... не имели права и смелости русские без соизволения приходиться в землю киргизскую (казахскую – авт.), и киргизы тоже боялись заходить в русскую, а ныне ... сделалось так, что русские совсем отняли и овладели землею, принадлежащей киргизцам, и сии последние стали находиться и совсем вошли в землю русскую...» [6, с.271-271]. Он считал, что имеет полное право говорить от имени всех казахов, так как «киргизы все в руках наших по прямому предопределению пророка...» [6, с.272].

Начав осуществлять свои амбициозные планы, Марал откочевал подальше от российских границ, к Тургаю, откуда продолжал агитировать казахов создать мусульманское государство, независимое от России. Султан Чутай Бахтыгереев в июле 1821 года сообщил коменданту Усть-Уйской крепости о том, что Марал-ишан «делает во всех родах возмущение, чтобы киргизцы при линии не кочевали; старается присоединить к себе злонамеренных с умыслом делать набеги на крепости или редуты для похищения людей и угона скота» [1, с.200]. К ишану стали массово откочевывать кереи родов кошебе, сибан, балта, именалы, курсары, матакай. По донесению командира Пресногорьковской дистанции майора Набокова, у Марал-ишана в песках Тосын собралось до 10 тысяч подданных, в том числе и беглые русские. Так, в связи с бегством к Марал-ишану одного из новокрещенных казаков Пресногорьковской крепости, в казахские аулы был отправлен переводчик Захаров, выяснивший, что Марал «находится теперь при урочище Тургае и продолжает привлекать к себе легкомысленных ордынцев, давая у себя пристанище русским беглецам» [1, с.200]. И.В.Виткевич, в своем отчете о поездке в Бухару рассказывает о судьбе оренбургского татарина, сосланного в Финляндский корпус, но бежавшего из Санкт-Петербурга. Он прошел всю Россию, добрался до Троицка, откуда, объединившись с четырьмя солдатами-татарами, бежал к казахам. Добравшись до Тургая, беглецы прибыли в аул Марал-ишана, откормив здесь лошадей и, отдохнув, они отправились дальше, на службу Бухарскому эмиру [7, с.118].

Оренбургские власти отнеслись к деятельности Марал-ишана с тревогой. Пограничная комиссия предписала лояльным султанам «дабы являющихся в Орде к возмутителю беглецов ловить всевозможными средствами и доставлять на линию, не исключая и самого Морала (Марал-ишана – авт.), как делающего

народного трибуна Луция Генуция в 342 г. до н.э. «утвердить закон, запрещающий ростовщичество» (Liv. VII.42.1). Интересно, что Тацит говоря об инициативе Генуция, под ростовщичеством буквально понимает – «отдавать деньги в рост», то есть путает с обычной ссудой (Ann. VI.16.3). Ростовщичество предполагает высокий процент, значительно превышающий ссудный. Следовательно, борьба с ростовщичеством – борьба за снижение высокого процента, а не борьба за отмену «роста» вообще, как понимает Тацит.

В 326 г. до н.э. был принят «Lex Poetelia Papiria», согласно которому «должников перестали отдавать в кабалу», «запретили впредь их кабалить» (Liv. VIII.28.1,9; Val. Max.VI.1.9). Казалось бы благородное решение. Однако, в том же законе прописывалось, что «за взятые в долг деньги отвечает имущество должника» (Liv. VIII.28.9). Lex от 326 г. до н.э. отменил существовавшую с 495 г. до н.э. норму неприкосновенности имущества (Liv. II.24.6). Отныне, в случае непогашения займа, с учетом положений закона о долгах от 367 г. до н.э., а именно, после списания процентов и продления срока погашения основного долга, у заемщика отбиралась соразмерная долгу часть его собственности в пользу займодавца. «Lex Poetelia Papiria» преподнесенный, как средство избавления от долговой кабалы, на самом деле отражал интересы кредиторов, обогащая последних имуществом должников, для которых, потерять имущество (землю, скот) означало обречь свою семью на нищету. Здесь следует отметить, что проблема задолженности сыграла немаловажную роль в перераспределении земельной собственности в пользу нобилитета и усилении имущественной дифференциации в обществе.

Утверждение Ливия о том, что закон от 326 г. до н.э. привел к «падению оков долговой кабалы», и простой народ «обрел свободу», является преувеличением (VIII.28.1,8). Закон включал в себя положение разрешающее «держат в колодках или оковах вплоть до уплаты долга тех, кто заслужил наказание за причиненный ущерб» (Liv. VIII.28.8). Скорее всего, под эту категорию попадали заемщики не располагавшие достаточной, для погашения долга, собственностью. Они продолжали пребывать в заточении, поэтому говорить о падении оков долговой кабалы нельзя.

Ростовщичество, а значит и проблема долгов, продолжали существовать и в III в. до н.э., о чем свидетельствует привлечение в 295 г. до н.э. «к суду нескольких ростовщиков» (Liv. X.23.11). За нарушение, какого именно закона они были осуждены, не сообщается. Но, было бы наивно полагать, что эти лица, ссужая деньги под 4,2 % годовых, сумели бы сколотить себе столь большое состояние, о котором упоминает Ливий (X.23.12). Не исключено и нарушение других вышеприведенных законов.

освобождал от долговых обязательств перед кредиторами. Однако, последние в любом случае понесли бы определенный ущерб, который захотели бы компенсировать. Понимая ситуацию, государство в том же указе запрещает кредитору посягать на имущество своего отсутствующего заемщика (Liv. II.24.6). Стремление закованных должников вырваться, пусть и временно, из-под власти заимодавцев, даже ценою воинской службы, свидетельствует скорее всего о крайне тяжелых условиях их содержания (Liv. II.24.7).

Согласно источникам, в середине V в. до н.э. децемвирами «было установлено, что никто не вправе брать более одной унции росту» – $1/12$ отданной взаймы суммы, что составляет 8,3 % годовых (Тас. Ann.VI.16.3). Но, несмотря на принятое решение, проблема задолженности продолжала оставаться крайне острой. Осужденных ежедневно уводили толпами с форума, «знатные дома [были] полны узников» (Liv. VI.36.12). Простой народ оказался нещадно разорен ростовщицеством (Liv. VI.37.2). В кабалу попадали даже люди прославленные. Известен случай осуждения за долги «центуриона, знаменитого своими подвигами» (Liv. VI.14.3). Интеррекс Марк Манлий Капитолийский охарактеризовал сложившуюся ситуацию, как бедствие народа, обвиняя в этом заповоливших форум ростовщиков (Liv. VI.14.3; 39.9). Исходя из сложившейся ситуации, есть основание полагать, что ставка в размере 8,3 % была лишь номинальной, реально же деньги стоили гораздо дороже.

Первый из предложенных Лицинием и Секстием в 375 г. до н.э. законов, был о долгах. Формулировка данного законопроекта была следующей: «чтобы, вычтя из суммы долга то, что начислялось как проценты, остаток погашать равными долями три года» (Liv. VI.35.4). Это предполагало, во-первых выплату долга «без роста», а во-вторых, продление срока его погашения (Liv. VI.36.12). Попытки принятия этого закона вызвали ярое сопротивление со стороны знати. А потому, спустя только восемь лет «постановление о процентах утвердили» (Liv. VI.39.2).

Если исходить из того, что закон о долгах от 367 г. до н.э. исполнялся должным образом, значит задача погашения займов, для тысяч закованных должников, существенно облегчалась. «Граждане в оковах» получали трехлетнюю «отсрочку» от кабалы, а списание процентов означало выплату лишь основного долга или его оставшейся части. Те заемщики, которые были закованы только за невыплату процентов, с принятием закона о долгах, приобретали полную свободу от кредитора. Однако, не столько экономический, сколько административный, по своей сути закон, игнорировал стоимость займа, нанося серьезный удар по кредиторам и тем самым, провоцируя их на обход данного закона.

В 357 г. до н.э. годовую «ставку снизили до половины унции» – 4,2 % (Тас. Ann.VI.16.3; Liv. VII.16.1). Как результат, «заимодавцы прибегали к хитроумным уловкам», так что принятые в народных собраниях «множество постановлений, направленных против обходящих этот закон, в нарушение никогда не переводились» (Тас. Ann.VI.16.4). О том, что реальные процентные ставки по займам были куда выше допустимых законом, свидетельствует и предложение

обольщение в киргизском народе, имеющее вредное влияние на умы ордынцев» [1, с.200]. Деятельность Марала вызвала обеспокоенность не только пограничных, но и центральных властей империи. В декабре 1821 года вице-канцлер граф К.Нессельроде просит сибирского генерал-губернатора М.Сперанского высказать свое мнение дальнейших действиях по отношению к Маралу. Губернатор рекомендовал пригласить последнего «под благовидным предлогом» на пограничную линию [4, с.88]. Таким предлогом было приглашение для переговоров в Петербург, для чего Капцевичу на имя Марала в феврале 1822 г. было прислано «высочайшее соизволение» на прибытие в столицу. Однако, письмо не застало Марала на прежнем месте. По некоторым сведениям, он со своими сторонниками выступил на помощь сырдарьинским казахам, подвергшимся нападению хивинцев [4, с.89].

Тем не менее, Марал продолжал проповеди и антироссийскую агитацию, его сторонники нападали на пограничную линию, пленяя российских подданных и угоняя скот. И.Казанцев упоминает о нападении казахов под руководством Марала на отряд Артюхова, вышедший в степь для топографических съемок [8, с.36-37]. В 40-е гг. XIX века, после строительства российских укреплений на Иргизе и Торгае, Марал-ишан и его сторонники откочевывают дальше на юг и обосновываются в низовьях Сырдарьи. В 1852 году во время военно-разведывательной экспедиции его аул, расположенный у оз.Караколь недалеко от кокандской крепости Кош-Корган посетил И.Бларамберг, отметивший враждебность Марал-ишана, его «преданность» кокандцам [9, с.303].

Интересна оценка, данная Маралу русскими исследователями, в частности Н.Крафтом: «Марал Курманов был вовсе не «лжепророк» или «вдохновенный свыше», а сепаратист-мечтатель, выделявшийся из толпы обыкновенных киргизов не столько умом, сколько духом исключительности... он задумал провести крупную реформу бытовой и политической жизни своего народа и для осуществления своих планов выбрал удобное время – время смут и раздоров... он был проникнут искренним желанием добра своему народу, но за образец своих реформаорских действий он взял идеал магометанской обособленности, чуждый натуре и привычкам мирных и добродушных кочевников» [4, с.89-90].

Движение Марал-ишана не смогло завершиться успехом по целому ряду причин. Во-первых, руководителям движения не удалось объединить все слои казахского населения. Фактически на первых этапах движения к ишану присоединились лишь его однородцы – представители различных объединений ашмайлы-кереев. Во-вторых, руководители движения не смогли адекватно оценить внешнеполитическую обстановку, их планы по объединению родственных мусульманских народов были утопичными. Однако, и одержать однозначную победу над этим движением колониальной администрации не удалось. Таким образом, движение, возглавленное Марал-ишаном, было не только и не столько религиозно-мистическим, но носило ярко выраженную антиколониальную, национально-освободительную окраску.

Литература:

1. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). – Алма-Ата: Наука, 1964
2. Бартольд В.В. Ишан // Сочинения, – Т.6, М., 1970
3. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. – М.: Восточная литература РАН, 1999
4. Крафт Н.Н. Из киргизской старины. – Оренбург, 1900
5. Герман Ф. И. О Киргизцах // Вестник Европы, Часть 122. № 3. 1822
6. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторические очерки // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. – Вып. № 16. – Оренбург, 1901
7. Записки о Бухарском ханстве. – М., 1983
8. Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. – СПб., 1867
9. Блаرامберг И. Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во восточной литературы, 1978

Shavlokhova Elena Sergeevna, Doctor of History Professor*of the Chair Social – Humanitarian Sciences and Regional Studies**Academy of Marketing and Social – Information Technologies (IMSIT) Krasnodar.***VLADIKAVKAZ IN THE EYES OF TRAVELERS**

Visits of well-known people played great role in the history of the Vladikavkaz city. In the first place among them were Vasily Narezhny, Aleksander Griboyedov, Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov and Lev Tolstoy. Their evidence, descriptions and stories spread news about the city trough out the Russian Empire and attracted other people to visit it. Contacts of the Russian center with Georgia and Armenia, carried out mainly through the Georgian Military Road, influenced the growth of the city as well.

Settling of the territories near Vladikavkaz was intense due to the fact that migrants could get pieces of arable land. Frederic Dubois de Monpere during his journey in the Caucasus in 1833 noticed that soils in the mountainous areas of the North-western Caucasus had an essential disadvantage – it dried quickly and cracked. Besides, there were no significant areas of land suitable for agriculture. With land shortage the mountaineers had to use terraces, which hindered the field crop cultivation development.

As if confirming Frederic Dubois de Monpere's words the prominent Russian sociologist Maksim Kovalevsky, for a long time living in France and working for College de France and for Ecole de droit, wrote about terracing in the Caucasus as well: «Travelling in the Caucasus I encountered the traces of ... archaic farming, it could be proved by the

interests and realized themselves, both in the feminine and in masculine issues, such as a governance of the powerful state.

In some cases with the absence of husband, a woman occupied his place and carried out not only her duties but also the husband's one. From other point of view a woman was supported to a man, she lived according to masculine laws (girl's ignorance while choosing her future husband), but for all that, even in such situations Rusynky occupied their honoured place next to a man, that had been proved with the fate of Rus Princes' daughters which were married with the representatives of European Royal Aristocracy.

Reference

1. Велесова книга. Легенди. Міфи. Думи. Скрижалі українського народу / [перекл., підгот. автент. тексту Б. Яцко]. – К.: Велесі, 1995. – 320 с.
2. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – М.: Мысль, 1989. – 286 с., [16] л. ил.
3. Кашуба М. Гендерний аналіз традиційного українського суспільства / М. Кашуба // Вісник. Соціогуманітарні проблеми людини. – 2005. – № 1. – С. 17-24
4. Стороженко І. Українська жінка часів Козаччини [Електронний ресурс] / І. Стороженко. – Режим доступу до статті: <http://www.ridnaukraina.com/view.aspx?type=news&lang=1&nid=327&id=95>

Симолян В.Р.

**РОСТОВЩИЧЕСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ
В V-III ВВ. ДО Н.Э.**

Недостаток земли у одних и отсутствие у других, бедность многих хозяйств, а также потребность в скоте и рабах, вынуждали граждан прибегать к займу. Долговые обязательства гарантировались личностью заемщика: в случае непогашения долга с процентами суд отдавал должника в полное распоряжение кредитора до выплаты либо отработки долга (Liv. VI.14.10; 18.14). При непогашении займа, оказываясь фактически в положении раба, заемщик сохранял за собой гражданские права, юридическую свободу и имущество (Liv. II.24.6). В 495 г. до н.э. был принят закон запрещающий заимодавцу держать «римского гражданина в оковах или в неволе, лишая его возможности записаться в консульское войско» (Liv. II.24.6). Уже сам факт принятия закона указывает на существование в Риме значительного числа закованных должников (Liv. II.24.8). Это подтверждается и сообщением Тацита, о том, что «ростовщичество в Риме – застарелое зло, весьма часто бывшее причиной восстаний и смут» (Ann. VI.16.2). Данный указ позволял государству призывать «граждан в оковах» на воинскую службу, но никак их не

was owned by a woman in connection with the repeated married life. Presumably, it foremost that dowry in relation to which Old Russian women owned a right for not only a possession but also disposition.

Otherwise emergence of woman's independent property would be inexplicable in marriage, and meantime already Regulation of Prince Volodymyr considers on principle possible disputes concerning a property. That Regulation is foreseen by possibility of conflict of widow with brothers, daughter-in-law, mother-in-law and own children. Thus, legislative monuments of X-XIII centuries, enable to assert that a woman is socially free, and belonged to the privileged state.

If woman is married repeatedly, she could possess except her dowry and some by parafarnalproperty which could appear for it for years the married life (as a result of free order the dowries) or be widowed at implementation of guardian's functions.

Concerning the development of norms of guardian's right there is a presence in to Ancient Rus of institute of feminine guardianship, which then was not yet known by Eastern European the Middle Ages. It is possible to assert on the basis of RP, that noble women after death a man became the guardians of very young children and managed an economy as of right of seniority, using an income (by property) and responsible for losses only in the case of the repeated married life.

Rusyny in the attitude toward a woman-wife, used an utterance: «a good woman is a crown to husband and to the house, and angry one – is a fierce grief and destruction». Therefore Bereginia in sights it is often represented with kind regards and capture. Not by chance in St. Sofia's Cathedral there is an image of not Mother of God, but the image of Maria-Oranta, image of promoter of city and earth, «Immutable Wall». This figure reminds us favourite mythological appearance of Eastern Slavs – appearance of the Large Goddess to humanizing and «grounding» of appearance of mother Christ.

The historical material about family in the period of Kyiv Rus, gives the picture of attempts of church to regulate Rusyny's domestic life, and consequently the conduct of woman. Although to the women and almost identical rights were given with men, and a church (as well as in the countries of Western Europe) tried to demand a woman complete obedience a man. Churchmen grounded on that a woman carries in herself the inferiority and sinfulness. In general the family of that time as for its determination was patriarchal, a decision role belonged to the man in the decision of main questions and problems. But, in spite of the church argued against the active role of woman in social and domestic life, some researchers and authors, however speak out in behalf of that role of woman was not passive, but it was really active.

Rusyny was under influence of Christian church as well and but there were residues of tradition, respect and worship to heathen cult of mother in society and family.

Summarizing stated above it is possible to say with a confidence, that Rusynky were more much freer than her Western neighbours. The woman of Kyiv Rus Epoch combined the obedience, bashfulness, she was the keeper of home, but rysynky were wise, free, strong women at the same time. Equally with men they could protect the

appearance of hills with circular terraces descending from the top. I found them even where there was no trace of farming culture at present, for instance at the bottom of Bermamyt, at some distance from the current settlement Khasaut, at about 50 versts from the Kislovodsk City, at the bottom of Mount Elbrus» [1] He also considered natural conditions of mountain areas of the North – West Caucasus giving mountaineers only limited opportunities for agricultural cultivating. Yet they were successfully compensated by relatively good conditions for livestock development.

It should be pointed out that exiled Decembrists and transit visitors, who came to Vladikavkaz, were prejudiced against the local population, till they had an opportunity to communicate with their representatives in person. «These mountaineers, who I expected to be rude and ignorant in appearance and behavior, turned out to be surprisingly decent and graceful in movements, and moreover there is nothing artificial in them: it's all natural» – A. Gangebelov wrote in his memoirs about staying at the Vladikavkaz fortress. [2]

Over time the situation was changing. Vladikavkaz, as traveler Kerr-Porter noted in 1819, was growing rapidly, its population was increasing. [3]. Officers and soldiers were starting their families. Highlanders were building their houses, their settlement was extending and stretching forward the fortress. Russians and Ossetians became closer. Vladikavkaz gradually was turning into a transshipment trade post. Russian products such as cotton, glass and crockery, knives, mirrors, scissors, thread, thimbles and other items penetrated here and further into the mountain Ossetian villages. The Ossetians, in turn, supplied the fortress inhabitants with cattle, cheese, milk, eggs, honey, felt cloaks, leather wares, fur hats and handmade cloth. Residents of Ossetia suburb, whose quantity grew rapidly, along with Russians cared about the safety of their communities. In troubled times they helped garrison and set to patrolling and night secrets together.

In addition, the Ossetians, living near the fortress, together with the Russian retired soldiers and their wives were engaged in carting. One of the journalists, describing his trip to the Caucasus in the 30s of XIX century, during which he visited Vladikavkaz en route, noted that on approaching it they were met a mile from the fort by many Ossetians offering to hire horses to the blockage, to Tiflis, and so on. «[4].

For European social scientists, receiving information about the frequent raids of aggressive gangs on other people's settlements for pecuniary gain, «raid economy» was backward and savage. They didn't take into account the fact that the raids were part of the mountain tribes' life, the historical tradition of these peoples. In their raids the mountaineers showed courage and intelligence. The cult of military valor dominated here and cowardice was despised. This fact was proclaimed, in particular, by J. Klaproth, I. Potocki and other European travelers of the XIX century. Frederic Dubois de Monpere also noted that «people like the Circassians who consider the robbery the first necessity and even a virtue were puzzled on being accused and charged with a crime for it or on being deprived of this right.» [5]. The Circassians raided the most vulnerable Russian and Cossack settlements. According to Jean Charles de Bess

who visited the Caucasus line in the late 20s of the XIX century life of the local Cossack population was «extremely hard and wearisome» because of the need of being constantly prepared to protect themselves and their property. [6].

Currently nothing could stop the growth of Vladikavkaz fortress, in time and with the development of the Russian-Georgian and Russian-Mountaineer's relationships it has expanded geographically, its layout of buildings and living conditions were improved. In its layout and appearance the Vladikavkaz fortress practically didn't differ from similar fortresses in the North Caucasus. In 1811 M. Engelhard and F. Parrott wrote «The fortress was built by Knyaz Potemkin. Garrison, a few petty traders and sutlers for the needs of the latter and several Ossetian families living out fortifications were its only inhabitants. Fortification ramparts, protected by a palisade, and a moat were powerful enough to defend against enemy attack. «[7]. The similarity of North Caucasian fortresses was intended by their purpose, by the tasks for which they were built.

Литература:

1. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. I. – СПб., 1863.
2. Статистический справочник Северо-Осетинской автономной области. – Владикавказ, 1927.
3. Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. – Владикавказ, 1911.
4. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии в 1807-1808 гг. – С.117.
5. Семенов Л.П. Из истории города Дзауджикау. – Дзауджикау. 1947.
6. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. I. – СПб., 1863.
7. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. – С. 53.

К.и.н. Серёгин А.В.

*Российский государственный гуманитарный университет,
Центр довузовского образования, Россия*

РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ-ЛЕГИТИМИСТЫ В ЭМИГРАЦИИ И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕАКЦИЯ В ЕВРОПЕ НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Большевистская революция октября 1917 г. в России, провозглашенная Л.Д. Троцким теория «перманентной революции» способствовали возникновению очагов коммунистических революций в Европе. В январе 1919 г. коммунисты Германии под руководством К. Либкнехта и Р. Люксембург предприняли в

der glorified. Love to the mother, the single breadwinner and protectress of her children and family was also praised by ancient religions.

Most devoted worshippers of Bereginia were Tripiltsi and Kimmeriytsi. Exactly due to Tripilya cultural layer we can learn about a pantheon praslavs' gods. First and, presumably, a main place in this pantheon legally belongs to Large Goddess-mother – to the feminine beginning of fertility, the picture of playback functions of Earth, women, was represented in which, nature on the whole.

A woman-ancestor is presented with clay images of stout mature women which are giving birth. In clay of these statuettes grain or flour of it were added. The picture of «funerals» of grain in land (sowing) and its «resurrections» (spring stair) is represented the idea of eternal reincarnation, revival of the souls of late relatives, through the bodies of new-born children. On the stomach of Goddess the rhombus is represented, divided into four parts with dots (grains) in the middle – the symbol of the field under crop. They probably symbolize Holiday of Harvest, the autumn agrarian period. The statuettes of Goddess are often marked with spiral serpents that twined around her breasts and or stomach (amulet of pregnancy).

With every next generation of pre-Slavs of worship of cult of Mother passes to the high-quality new level, when Bereginia is identified with Goddess-mother. All these changes have caused the emergence in the most ancient society not only the worship to one woman-progenitress, but to the whole pantheon of feminine gods.

Some changes concerning society toward the feminine origin begin and filled with new maintenance, in a period of emergence and becoming of the first state education on the territory of Slavonic lands – Kyiv Rus.

Next to the names of large duchesses, in Rusichi's chronicles it is possible to find the names of prince's sisters and daughters, which were the participants of intestine strife, love affairs, feudal wars, and even simply personages which succeeded in cultural and social life of Rus principalities.

The first mention about authorities of women for a possessory of certain property is contained in one of the most early legal monuments – Agreement of 911, made by Prince Oleh with Byzantium, which confirmed a right for a woman to reserve part of general with a man property even in case if a man did murder and appeared before a law: «Whether committed a murder, but also wife that put to death and has to follow the law...». In other words, in that property, which was got by the wife of criminal by law was and it own decision, «fate», separate from husband's one (because speech goes in the article about returning of «his part», that to part of husband, relatives). A feminine property possession which is named in RP by «part» probably, included a dowry and that is not included in his composition some parafernal property is a property of wife, which it could dispose of at her own discretion.

Afterwards wife's parafernal property was passed to the man only on the basis of commission, and providing of management honesty a legal mortgage served them on property of man in behalf of wife. A more stumper is about that, whether a woman owned by something except for a dowry. More clear is a structure of «part», which

Postgr. stud. Vasilenko D., teach. Shapoval L.
Kremenchuk Mykhailo Ostrogradskyyi National University

THE DOMINANCE OF GENDER FACTOR IN PRIMEVAL SYSTEM OF ANCIENT SLAVS AND IN SOCIAL RELATIONS OF KYIV RUS EPOCH

Woman – is one of the most important forces in the world. She is a carrier of the civilized race to which it belongs to. Ukrainian reality of the end of XX beginning XXI centuries tells us about that the modern female representative of Ukrainian society has characteristics of strong and independent woman. Nowadays women are mainly guided by provision themselves and their children by their own, the ability of managing household and other problems. Self-sufficiency becomes the key feature of the modern Ukrainian women. In the conditions of globalization a feminine question which existed before changes radically its existent status. Today the new actual problems of determination of woman's role are set in modern Ukraine, and the subsequent progress of humanity is impossible not solving ones. Some scientists are even inclined to consider that «modern feminine motion served as a motive for expansion of scientific researches». But research workers are still asking the question whether self-sufficiency of Ukrainian women is a consequence of historical evolution of Ukrainian woman – from ancient times and till now. Authors consider it reasonable to begin the study of these processes with the structural recreation of primitive and socio-political status of women of times of the ancient Slavs and Kyiv Rus.

This problem is being studied by following scientists as Sreznevskyy I., Kostomarov M., Storozhenko I., Krizhanivskyy M., Pushkareva N., Kabush M., Baranovska M. All researchers of this subject mark the special place of woman-beregynia (homekeeper) in the kindred and socio-political relations of Slavs and rusychi.

The solution of feminine problem of ancient Slavs times of Kyiv Rus is possible only on condition of analysis of influence of social standards of thought and conduct, which on the essence are the display of masculine look to the problem of feminine rights and possibilities. Unfortunately all known for us historical sources which light up these historical periods were written with men-chroniclers and that is why many events, which characterize Slavonic women, their lives and acts, were produced or defined as such that do not deserve attention.

From the earliest times the ancient Slavs respected and worshiped Goddess-mother, because considered her as family keeper. The heathen beliefs of Slavs carried in themselves good subsoil for development of cult of mother on our lands. The worship of Goddess-mother was the most personal touch of forming of religious consciousness of many most ancient Slavonic tribes. The lullaby of all religions was feminine nature which was impregnated and blossomed from a contact with masculine nature. A man and woman began the world, and the most expressive attributes of their gen-

Берлине безуспешную попытку свержения Веймарского демократического правительства, в Мюнхене была провозглашена Баварская социалистическая республика во главе с Э. Толлером, с февраля по ноябрь 1919 г. вела борьбу Венгерская социалистическая республика во главе с коммунистом Б. Куном. Очаги коммунистической нестабильности были подавлены местными консервативными силами при помощи объединенной Европы, однако, осознание коммунистической опасности продолжало будоражить умы умеренной части общества. Возникла консервативная реакция на происходящие события. В ней объединились монархические, националистические и милитаристические круги пострадавших от мятежей стран. В борьбе с коммунистической опасностью в Европе логично выглядело обращение за содействием и советом к представителям русской антикоммунистической эмиграции, которые первыми столкнулись с большевистским опытом и вели, пусть и безуспешно, борьбу с ним.

В широком спектре русской антикоммунистической эмиграции активное стремление к сотрудничеству с радикально-консервативными силами Европы проявили сторонники великого князя Кирилла Владимировича (с 1922 годы называли себя монархистами-легитимистами), который с конца 1919 г. проживал на вилле «Эдинбург» в Кобурге (Бавария). С 1920 г. в Мюнхене в союзе с зарождающейся Национал-социалистической рабочей партией Германии (НСДАП) Гитлера активно действовало русско-германское общество «Ауфбау» («Возрождение») с директорами с русской и германской стороны.

Наряду с директором «Ауфбау» с немецкой стороны – М.-Э. фон Шейбнер-Рихтером [1], ядро этой части «Ауфбау» составили выпускники Рижского Политехнического института (члены студенческого «Братства Рубония»), ставшие впоследствии крупными бонзами Третьего Рейха – будущий министр по делам восточных территорий А. Розенберг, германский наместник на Кавказе А. Шикеданц, руководитель отдела изобразительных искусств в Министерстве науки, воспитания и образования А. фон Курсель.

Руководитель «Ауфбау» с русской стороны – генерал-майор В.В. Бискупский [2] к тому моменту уже являлся основным докладчиком по политическим вопросам великого князя Кирилла Владимировича. Он сумел привлечь в организацию влиятельных на тот момент в Баварии представителей русской диаспоры – полковника Ф.Ф. Эвальда и барона М.А. Таубе. Финансирование с русской стороны осуществлял барон Б.Г. Кеппен и жена Кирилла Владимировича – великая княгиня Виктория Федоровна. С немецкой стороны «Ауфбау» финансировал барон Крамер-Клетт (Крамер-Клейтер) [3].

Под политическим прикрытием «Ауфбау» и великого князя Кирилла Владимировича В.В. Бискупский попытался развернуть деятельность в «европейском масштабе». Он принимал активное участие в подготовке Капповского милитаристического путча в Берлине в марте 1920 г. Роль В.В. Бискупского была вскрыта в расследовании социалистической газеты «Дни» (редактировалась А.Ф. Керенским) в 1926 г. В серии статей под общим названием «Черный Ин-

тернационал» были представлены факты сотрудничества венгерских, немецких и русских монархистов в 1920 г. В номере от 4 апреля 1926 г. был опубликован перевод интервью главы венгерских монархистов графа Требича газете «Мадьяр-Оршат». О роли В.В. Бискупского в подготовке Капповского путча граф Требич заявил следующее: «Генералу Бискупскому была отведена при подготовке капповского путча особая роль: он должен был заняться организацией отрядов из русских военнопленных [4], которых предполагалось привлечь к участию в перевороте. Так как, однако, для этого нужны были деньги, то было решено начать печатать русские банкноты. Русские монархисты со своей стороны обязались признать эти банкноты, когда они придут к власти» [5]. «Отряды Бискупского» не были сформированы, но он определенно заявил о своих политических амбициях.

После поражения путча через капповца полковника Б. Бауэра он вышел на контакт с главой немецких милитаристов генералом Э. Людендорфом [6], в союзе с графом Требичем ими была начата активная антиреспубликанская работа. В июле 1920 г. в Будапеште был подписан трехсторонний договор об объединении усилий в деле восстановления монархий в этих странах.

Более определенно деятельность В.В. Бискупского в 1920 г. была освещена в расследовании эмигрантской эсеровской газеты «Воля России» в декабре того же года. В номере от 5 декабря содержался текст уже упоминавшегося трехстороннего соглашения (текст соглашения обозначен как «Меморандум Бискупского»). В номере от 7 декабря приведена смета расходов, представленная В.В. Бискупским венгерскому правительству во главе с адмиралом Хорти, на развитие деятельности «Военного Центра» (сумма расходов указана в 300 тысяч марок в месяц), при этом указывалось, что общая сумма расходов, затребованная В.В. Бискупским, составляла 10 миллионов марок, из которых на «поиск царской семьи» уже получен 1 миллион марок. В этом же номере содержалась информация о секретном плане Э. Людендорфа и В.В. Бискупского по возможному формированию венгеро-румыно-болгарской армии для восстановления монархических режимов в Восточной Европе. В документальном приложении от 24 декабря к предшествовавшим разоблачительным статьям прибавлялся текст поручения на имя господина Т. Лакатоса от 15 августа 1920 г. на ведение переговоров о возможности совместных действий с главным редактором миланской газеты «*Rorolo d'Italia*» Бенито Муссолини и образец фальшивой сторублевой купюры, в выпуске которой прямо обвинялся В.В. Бискупский [7]. Утопичность представленных планов сразу же затмила их сенсационным характером.

Однако основную ставку «Ауфбау» продолжало делать на НСДАП. О влиянии «Ауфбау» свидетельствуют договоренности, которые были достигнуты в Мюнхене в сентябре 1923 г. в ходе переговоров между легитимистами (великая княгиня Виктория Федоровна, генерал-майор В.В. Бискупский и госпожа фон Рефен [8]) с лидерами германского национал-социализма (Гитлер, генерал Э. Людендорф, М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер). По итогам переговоров между «Ауфбау» и

Внутриполитическая обстановка в Казахстане во второй половине 20-х гг. XVII века характеризовалась нарастанием напряженности между ханом Есимом и султаном Турсуном. Есим, получивший за свои подвиги в борьбе с ойратами прозвище «Храбрый» нанес поражение и в 1627 г. убил Турсуна, а через год скончался сам.

Таким образом, на рубеже XVI-XVII веков между казахскими феодалами и различными группировками ойратских тайш, и прежде всего той частью ойратов которая располагалась к северо-западу от казахских кочевий, а также по Иртышу, Тоболу, начали устанавливаться политические отношения.

30-е годы XVII века знаменуют новый этап в казахско-ойратских отношениях. Казахскому ханству на Востоке противостоит юго-восточная группировка ойратов состоящая из племен чоросов, хойтов, отчасти дербетов хошоутов, возглавляемая Хара-Хулой, а затем его сыном Батуром, создавшим могущественное кочевое государство – Джунгарское ханство, с которым народу Казахстана пришлось вести длительную упорную борьбу до его гибели в середине 50-х годов XVIII в.

Литература:

1. Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV-начале XVIII веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука, 1977. – 288 с.
2. Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1893. Кн. 14. Вып. 1.
3. Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Наука, 1985. – 104 с.
4. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. – 1939. № 5.
5. Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. 1949. № 6; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы.
6. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.
7. Габдуллаев Ч.М., Сыдыков Т. Казахский героический эпос. Алма-Ата, 1972.
8. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII-XVIII вв. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 236 с.
9. Русско-монгольские отношения. 1607-1634.
10. Материалы по истории русско-монгольских отношений. М., 1959.

Урлюк, Чокур направили к Есиму послов с предложением прекратить усобицы и заключить мир. Между тем, сами воспользовавшись начавшимися переговорами, напали на казахские улусы. В ответ на это «разгневанный Ишим убил послов, двинул на калмыков большое войско и, в свою очередь перебил много калмыков, взял в плен двух тайш, а третий едва спасся бегством» [9, С. 104].

В 1620 г. Есим совершил поход и нанес ойратам ещё одно поражение. Осенью 1620 г. тобольский воевода М. М. Годунов сообщал в Приказ Казанского дворца о новом появлении ойратов в районе рек Тобола и Ишима вблизи русских поселений: «А прикочевали де, государь, те колмацкие тайши близко твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колмацких тайшей Алтын-царь, да Казачья орда». Эти сведения подтвердили побывавшие в ойратских улусах башкиры, со слов которых уфимский воевода О. Я. Прончищев в октябре того же года доносил в Москву, что «колмацким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя: побил де у них многих людей» [8, С. 41].

Между Алтын-ханом Шолой-Убаши-хунтайджи и казахским ханом Есимом был заключен антиойратский союз «А сложился де Алтын-царь с Казачкою землею, казачкии люди с нагаи», и ойраты «ждут де на себя вскоре Казачьи орды (и) нагай, а с другой стороны Алтын-царя» [8, С. 42].

Обе стороны нередко, особенно в 20-е гг. XVII в., действовали в борьбе против ойратов почти одновременно. Так, в том же 1620 г. из разных источников стало известно, что «комацким тайчам учинилась теснота великая от казачьего от Ишима-царя, а Олына, государь, царя люди побили у них многих людей и двух де тайчей с улусы з женами и з детьми поймали в полон» [8, С. 42].

Казахские ханы и султаны, также как и Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи хорошо знали положение противника, имели подробную информацию о ходе военных действий ойратов и исходя из этого строили свою тактику ведения войны.

Зимой 1624–1625 гг. ойратские тайши Байбагиш и Далай, по показаниям возвратившихся из Джунгарии тобольских служилых людей Ф. Вяткина, О. Чекеева и А. Ебанчеева, «хотели воевать Казачьи орды Ишима царя, потому что Ишим-царь бухарскому Турсуну-царю брат и была меж ими война. Да не пошли, потому что меж Турсуном и Ишимом учинился мир». Вскоре между Далаем-Батуром, с одной стороны, и Есимом и Турсуном, с другой, был заключен мир. Об этом стало известно от находившегося в ставке Далай-Батура Я. Буголакова. Он сообщал, что зимой 1625 г. к Далаю «приходили из Булгар от Турсуна-царя, да ис Казачьи орды от Ишима царя послы о миру меж себя с Далай-тайшей шертовали, чтоб быть меж ими миру» [10, С.136, 141].

Во второй половине 20-х гг. XVII в. борьба казахских владетелей с ойратскими феодалами затихает. Связано это было с резким обострением межфеодальной борьбы в Джунгарии, вспыхнувшей из-за раздела наследства между двумя братьями – владетельными князьями Чокурором и Байбагишем.

НСДАП был создан единый «Финансовый Комитет», в котором генерал-майор В.В. Бискупский занимал пост представителя великой княгини Виктории Федоровны, были сделаны взносы по 500.000 рейхсмарок с каждой стороны, при условии, что Комитет в перспективе будет способствовать реставрации монархии в России [9]. Фактически, деньги Комитета были направлены его сопредседателем Э. Людендорфом на финансирование Мюнхенского путча.

Платой за возможное содействие в реставрации монархии в России выступала Украина. М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер рассматривал возможность создания на территории Украины марионеточного прогерманского государства по образцу 1918 г. с целью восполнения экономических потерь Германии по Версальскому договору и продолжения вооруженной борьбы с Францией. До 1922 г. он делал ставку на «гетмана» Василя Вышиванного [10], а после его высылки из Германии в Испанию – на В.В. Бискупского. Представитель П.Н. Врангеля в Германии А.А. фон Лампе отмечал: «Он, по-видимому, увлекается Василем Вышиванным в украинском вопросе, и Бискупским – в монархическом» [11]. После 1923 г. А.А. фон Лампе, говоря о М.-Э. фон Шейбнер-Рихтере, отмечал, что тот: «...доходил до прямых глупостей вроде Василя Вышиванного, и еще дальше – до «гетмана» Бискупского!» [12].

В связи с поражением нацистского Мюнхенского путча 9 ноября 1923 г. и гибелью М.-Э. фон Шейбнер-Рихтера произошел распад «Ауфбау» и единого «Финансового Комитета», что привело движение к глубокому кризису в вопросах сотрудничества с радикально-консервативными силами.

Тем не менее, в течение 1920-30-х гг. великий князь Кирилл Владимирович поддерживал тесные контакты с лидером Национальной партии графом Куно Вестарпом, выступавшим за реставрацию в Германии Гогенцоллернов. Через депутатов от этой партии он имел поддержку в Рейхстаге и Прусском ландтаге. Через партийную газету «Кройццайтунг» Кирилл Владимирович обнародовал свои политические заявления. Столь же тесные политические связи были установлены им с графом Гугенбергом, а через него и с проживавшим в Голландии бывшим германским императором Вильгельмом II. Немецкая Национальная Народная партия графа Гугенберга сохраняла в тесный альянс с нацистами.

Литература:

1. Макс-Эрвин (в русском варианте – Максим Федорович) фон Шейбнер-Рихтер – выпускник Политехнического института в Риге, в 1905 г. – глава отрядов немецкой самообороны в Риге, с 1910 г. – поданный Германии, с 1912 г. – на службе в немецкой военной разведке, в 1914 г. – германский консул в Эрзеруме (Турция), в 1918 г. – начальник Гражданской канцелярии и советник по России командующего Восточным фронтом генерала Э. Людендорфа, глава пресс-бюро в Риге в годы Гражданской войны.

2. Бискупский В.В. – в 1895 г. окончил 2-й Императора Петра Великого Кадетский корпус, в 1897 г. – Николаевское кавалерийское училище и был вы-

пущен в Л.-Гв. Конный полк, участник русско-японской войны. В 1905 г. женился на известной певице Анастасии Вяльцевой. После ее смерти в феврале 1913 вышел в отставку в чине полковника, после чего непродолжительное время занимался неудачными поисками нефти на Дальнем Востоке. Участник Первой Мировой войны: в июне 1916 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени, генерал-майор. В марте 1917 г. был избран в Петроградский Совет солдатских депутатов от 6-й армии. С апреля 1918 г. – командующий войсками Центральной Рады гетмана П.П. Скоропадского, с июля 1918 г. – командир 1-й конной дивизии, дислоцированной в районе Одессы. В 1919 г. эмигрировал в Германию. В июле-сентябре 1919 г. – объявил себя главой прогерманского «Западно-Русского правительства» в Берлине.

3. Полковник А.А. фон Лампе – генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру. 10 августа 1923 г. ГАРФ Ф.5853 Оп.1 Д.11 Л.190.

4. Оставшихся в Германии с Первой Мировой войны.

5. ГАРФ Ф.5853 Оп.1 Д.25 Л.485 об.

6. Людендорф Э. – генерал кайзеровской армии, в 1917-18 гг. – командующий германским Восточным фронтом (против России), создатель теории «тотальной войны», создатель первой расовой доктрины в Германии в 1919-20 гг. Идеальный вдохновитель милитаристического Капповского путча в Берлине в марте 1920 г. против демократической Веймарской республики, один из неформальных лидеров НСДАП.

7. Воля России. Прага. 5, 7 декабря 1920 г. «Европейский монархический заговор»; 24 декабря 1920 г. «Монархисты за работой».

8. Ведала финансовыми делами великой княгини Виктории Федоровны.

9. Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917-1941. Воспоминания. СПб., 2004, С.82.

10. Василь Вышиванный – Вильгельм Габсбург, третий сын австрийского эрцгерцога Карла-Штефана, в Первую Мировую войну – командир Украинского легиона, в 1918 г. – полковник украинских «сечевого стрелцов», претендовал на пост гетмана Украины.

11. Генерал-майор А.А. фон Лампе. Дневник. 22 октября 1921 г. (Будапешт). ГАРФ Ф.5853 Оп.1 Д.7 Л.16.

12. Генерал-майор А.А. фон Лампе. Дневник. 12 ноября 1923 г. (Берлин) ГАРФ Ф.5853 Оп.1 Д.13 Л.36.

Основной ударной силой в этих вторжениях в Казахстан были дербеты во главе с Далай-богатырем и некоторая часть торгоутов; старший тайша торгоутов Хо-Урлюк участия в походе 1609 г. не принимал. Этот поход в Казахстан, как и ряд последующих, был совершен той частью ойратов, которая постепенно продвигалась вдоль северных пределов казахских кочевий к Яику. Борьба казахов и проживавших в районе Эмбы, Яика и Волги ногайцев против ойратов нашла отражение в героическом эпосе этих народов. В частности, творчестве известного казахского жырау Жиёмбета, автора «Ер-Таргын», где говорится, что ойраты встретили в Западном Казахстане сопротивление не столько со стороны к тому времени фактически распавшейся Большой Ногайской орды, сколько со стороны казахов [7, С. 257].

Внутриполитическая обстановка в Казахстане осложнилась также в связи с походами казахских дружин в Среднюю Азию и ответным вторжением в южные районы Казахстана бухарского хана Имамкули (1611-1642 гг.).

Предводительствуя общей ойратским ополчением Хара-Хула в 1628-1629 г.г. наносит поражение злейшему врагу и соседу джунгар хотогойтскому алтанхану Шолой Убаши-хунтайджи.

Около 1630 г. он способствует переселению торгоутов во главе с Хо-Урлюком из Джунгарии в междуречье Урала и Волги, чем снижает остроту политических и социально-экономических проблем внутри ойратской конфедерации племен и увеличивает ареал ее влияния в регионе (1, С. 93-96).

К середине второго десятилетия XVII в. некоторые казахские и киргизские владетели вынуждены были в таких условиях признать свою зависимость от ойратских феодалов. Казаки Т. Петров и И. Куницын, ездившие в 1616 году в Джунгарию, сообщали Тобольскому воеводе И. Куракину, «в Колматкой земле ныне в их подданстве и послушании Казачья Большая орда, да Киргизская орда и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри (пленники) Казатские земли прежде сего пойманы были в полон в Колмацкую землю и тех ныне Богатырь-тайша сыскивая, отдает им без окупу (выкупа). А казачьи и киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [8, С. 39].

Вероятно, поражение казахов и временное подчинение некоторых казахских и киргизских владетелей правителю дербетов Далай Батуру произошло вследствие тех осложнений, которые имели место между ханом Есимом и ханом Имамкули почему казахский правитель не смог принять участия в отражении ойратского вторжения. Сыграли свою роль и усобицы, продолжавшиеся между ханом Есимом и султанами Турсуном и Аблаем.

К концу второго десятилетия XVII в. в ойрато-казахских отношениях произошли серьезные изменения. Есим нанес джунгарам ряд значительных поражений и принудил к миру. Казак Пятунка Семенов, побывавший в 1619 г. у ойратов доносил сибирским властям, что тайша Байбагиш, глава той части хошоутов, которые присоединились к торгоутам и дербетам, Далай-Батур, Хо-

колмаках, а кочуют все поблику и все в соединении» [3, С. 83-93]. Этот факт, а также то, что в русских документах данного периода хан Тевеккель называется не иначе как «царем казацким и калмыцким», дали основание известному исследователю истории калмыков С.К. Богоявленскому считать, что «калмыки в это время не пользовались самостоятельностью, а входили в состав Казахской орды... Вопрос только в том, что все ли калмыки подпали под власть казахов или только значительная часть их. По-видимому, укрепившаяся в малодоступных местах часть калмыков сохранила самостоятельность» [4, С. 51].

Во второй половине XVI века в Монголии окончательно восторжествовала феодальная раздробленность: потомки Даян-хагана правили, практически, как независимые государи, в Чахаре, Ордосе, Тумэте, Хорчине, Угушине, Уруте, Халхе и других аймаках (княжествах). В это время начинает свою деятельность по воссозданию ойрат-монгольского государства Хара-Хула, предводитель чоросов и прямой потомок Уш-Тэмур-тайджи в шестом поколении: Эсэн (1), Уш-Тэмур (2), Хишиг-Ерлег (3), Архан (4), Онгоцо (5), Абидай-Була (6), Хара-Хула.

Гумэчи Хара-Хула (Черный Кулан) – предводитель чоросов с 1580 (1590?) – по 1634 г.г., правитель, положивший начало объединению ойратских владений и образованию Жунгарского ханства. О том, что он проделал в этом направлении трудную и длительную работу говорят немногочисленные факты.

В 1587 г. среди пятерых ойратских предводителей Хара-Хула по количеству своих воинов занимал лишь третье место, а самое большое войско было у хошоута Байбагаса – 30 тысяч цириков.

В начале XVII в. Хара-Хула становится вторым чулган-даргой (председателем съезда конфедерации ойратских племен), составив дуумвират с выше упомянутым хошоутским нойоном Байбагас-Батуром. Чулган-дарги выполняли важные функции по регулированию политико-правовых, религиозных, экономических отношений, касающихся жизни всех ойратов.

В годы правления Баки-Мухаммеда (1599-1605) ойраты совершили нападение на Хорезм. По существу это был первый в XVII в. серьезный поход ойратов в Казахстан и Среднюю Азию. Его неудача, свидетельствовала о том, что путь в этом направлении ойратам закрыт и часть из них, теснимая Алтын-ханом Шолоем-Убаши-хунтайджи (1567-1627) – главой государства монголов-хотогойтов в северо-западной части Монголии, двинулась в западном направлении через южные районы Западной Сибири [5]. Однако и здесь ойратов ожидал не менее серьезный противник – гарнизоны русских крепостей: Тары, Тюмени, Тобольска и др. Не имея сил сражаться одновременно с несколькими противниками, ойратские тайши в 1608 г. принесли шерть (клятву) о подданстве русскому царю. К тому же в это время обострились отношения с ногаями, проживавшими в бассейне Р. Эмбы, Яика, Волги. «Дальнейшая борьба на три фронта – с казахами, ногаями и русскими – была непосильна и потому калмыки поспешили помириться с русскими и обеспечить тыл в борьбе с казахами и ногаями» [6, С. 53].

Николаева Айсенэ Сергеевна

Специалист-эксперт отдела координации и анализа деятельности в учетно-регистрационной сфере Управления Росреестра по Республике Саха (Якутия)

Е.Д. НИКОЛАЕВ. ГОДЫ УЧЕБЫ

Отец Егора Дмитриевича Николаева Дмитрий Николаевич старался своим детям дать образование. Начальное образование Николаев получил в домашней школе священника Ытык – Кельской Преображенской церкви Дмитриана Попова, открытой в 1852 г. В школе Попова обучение было бесплатным. Д. Попов обучал Закону Божию, русскому языку и родному языку, арифметике. В обучении использовал свои рукописные учебники и наглядные пособия. Большое значение он придавал изучению фольклора, заставлял записывать сказки, отрывки олонхо со слов олонхоустов и сказочников. Таким образом, он закладывал в детях знание основ якутской письменности и литературы.

Из числа его учеников впоследствии вышли известные люди: К.Г.Оросин – автор первой записи текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», братья Е.Д.Николаевы, Н.А. Сивцев – учитель уездных школ, священнослужители А.В.Кюльтюгюров, Ф.Г. Сивцев и др. В дальнейшем, судьбы просветителя Д.Попова и Е. Николаева также пресекались, в частности, в переводческой деятельности по словарю Пекарского.

В 1871 – 1872 годах 13-летний Егор учился в подготовительном классе для поступления в прогимназию. Сохранились ведомости об успехах и поведении учеников в подготовительном классе, где отмечена успеваемость Е.Николаева за май-апрель 1871 – 1872 учебного года, которая по предметам выглядит следующим образом: «закон божий – 4, русский язык – 3, математика – 4, чистописание – 5, поведение – 5, число пропущенных уроков – 4. Эти данные заверены подписями инспектора прогимназии К. Яковлева и законоучителя – священника А. Преловского [1]. Судя по этим отметкам, можно сказать, что Егор Николаев закончил подготовительный класс успешно, у него, по данным за май и апрель, всего лишь одна тройка. В этом же документе есть информация о том, что его из подготовительного класса перевели в 1-й класс. Егора зачислили в первый класс прогимназии 29 февраля 1872 г. В том году принято всего 35 учащихся [2].

У Е.Николаева были награды за успешное поведение и учебу. В списке учеников Якутской прогимназии за 1872/73 учебный год он значится как получивший похвальный лист [3].

Славу прогимназии составляли его ученики. Из числа учащихся Егор быстро нашел общий язык с Василием Никифоровым из Дюпсунского улуса, который в десятилетнем возрасте стал учеником этого учебного заведения. Как

известно, В.В. Никифоров впоследствии стал лидером национальной интеллигенции и руководителем либерального движения в Якутии.

Одновременно с Е. Николаевым учился будущий народоволец К.Г. Неустроев (1858-1883 гг.). Отец его был уроженцем Якутии, дед – выходцем из Нижнего Новгорода, поселившимся в Якутской области. По линии матери он принадлежал к известному роду Гермогеновых из Западно-Кангаласского улуса. Константин отличался особой одаренностью. Получив домашнее обучение, Неустроев продолжил учебу в Якутской мужской прогимназии. Вскоре Неустроев за хорошую учебу был направлен в Иркутскую классическую прогимназию, закончив ее в 1877 г. Неустроев поступил в Петербургский университет [4]. Годы пребывания Неустроева в Петербурге (1877-1881) пришлись на период народнического движения. По инициативе Неустроева осенью 1881 г. среди гимназической молодежи были созданы два кружка. Был создан кружок «Луч», которым руководил Неустроев, где знакомил слушателей с социалистической литературой. В кружок вошли якутяне Г. Слепцов, И. Бурнашев и Ф. Губкин. Губкин тоже учился в Якутской мужской прогимназии. Есть сведения, что в 1877 г. Фотий Губкин был учеником 2 класса прогимназии [5].

В 1881 г. Неустроев вернулся в Иркутск и стал преподавать в Иркутской женской гимназии.

В 1882 г. Неустроев был арестован за организацию нелегального кружка, занимавшегося организацией побегов ссыльных. В тюрьме из-за инцидента с генерал-губернатором Восточной Сибири Д.А. Анучиным был предан военно-полевому суду и расстрелян.

Также в 1870-1877 гг. в прогимназии учился И.Л. Кондаков [6], ставший впоследствии известным химиком-органиком, работавший профессором во многих зарубежных университетах [7].

Особенно Егора Николаева в годы учебы увлекали история и литература. Юный Егор был очень общительным. Он привлекал людей к себе доброжелательностью и непримиримостью к несправедливости, смелостью и умением отстаивать и доказывать свою правоту.

Известно, что на молодежь, которая обучалась в учебных заведениях, огромное влияние имели ссыльные народники, особенно на формирование их мировоззрения, взгляда на мир, на существующие порядки.

По совету ссыльных ученик прогимназии Е.Д. Николаев прочитал много книг из библиотеки прогимназии по истории России, познакомился с русской классической литературой. Эта литература обогатила его духовно и внесла серьезные изменения в общественное сознание многих якутов, в том числе Е.Д. Николаева [8].

Администрация области подозрительно относилась к коллективу педагогов прогимназии. Чтобы не допустить проникновения «крамольной литературы» в среду учащихся, проводились систематические проверки книжного фонда прогимназии.

сказать несколько слов, ибо они тоже имели отношение к ойратам и Чоросской династии.

Воссоздателем Монгольской империи (правда в рамках уже самой Монголии) стал правнук Эсэна, со стороны своей бабушки по отцу Цэцэг-гунджи, великолепный чингисид Бату-Мункэ Даян-хаган (годы жизни 1464-1543; годы правления 1479-1543). Годы его правления – это время ренессанса монгольской государственности, хозяйства, культуры, равноправных отношений с великим южным соседом – Китаем, время внутренней общественной стабилизации и авторитета центральной хаганской власти. Нельзя не отметить особую роль его жены Мандахай-Сайн-хатун, которая, будучи вдовой Мандагули-хагана и будучи значительно старше по возрасту, смогла обеспечить легитимный переход престола к малолетнему тогда еще Даян-хагану. Именно она нанесла поражение непокорным ойратам, а позже родила своему молодому мужу четыре пары близнецов (семь сыновей и дочь). Сама же Мандахай-Сайн-хатун (Мудрая императрица) была дочерью Чоросбай-Тэмур-чингсанга, предводителя ойратов.

Впрочем прямые потомки Эсэна Чоросского тоже не бездействовали. Однажды, а именно в 1456-1457 г.г., один из них сыграл важную роль в истории соседнего с Монголией государства. Это государство – Казахстан. Сын Эсэна Уш-Тэмур-гайджи, вытесненный со своими людьми из родных кочевий, появился в Деште-Кыпчаке и наголову разбил у Сыгнака войско правителя Государства кочевых узбеков шейбанида Абу-л Хаир-хана. Получив огромный откуп, ойраты ушли, а ослабление центральной власти в государстве Абу-л Хаир-хана, способствовало откочевке в Могулистан казахских султанов Гирея и Джанибека, потомков Джучи, Орду-эджена и Урус-хана. Что было дальше? Об этом знает любой казахстанский школьник: в середине XV века в долине реки Чу и горы Козыбасы Гиреем и Жанибеком было провозглашено Казахское ханство, прямым наследником которого является современная Республика Казахстан. Один из парадоксов истории: будущие непримиримые противники, ойраты, способствовали созданию Казахского государства!

Несмотря на занятость в основном среднеазиатскими делами, в конце XVI в казахские правители нанесли ойратам ряд поражений и по единодушному свидетельству источников, установили политический контроль над какой-то частью ойратских племен. Так, в 1594 г. Данила Губин, посланный Иваном Грозным в Ногайскую орду, сообщал в Москву что «казаки ...добре сильны, а сказывают, государь Ташкен воевали и ташкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали» [1, С. 119; 125-126]. Действительно, как показали исследования, казахский хан Тауекел (Тевекель) подчинил на некоторое время своей власти не только Ташкент, но и Андижан, Самарканд, осаждал Бухару [2, С. 47].

Казахский посланец, прибывший в это время в Москву, сообщал живущему там казахскому «царевичу Ураз Магомету: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич учинился на Казацкой орде, а брата твоего Шах-Магметя-царевича посадил на

11. Нусупбеков А.Н. У истоков создания Казахской базы Академии наук СССР // Вестник АН КазССР. – № 2.1974. С. 16-18.
12. БСЭ. 3-е изд. Т. 30. М., 1978. С. 304.
13. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1 (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.). Москва – Алма-Ата, 1935. – 299с.
14. Маргулан А.К. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. Павлодар, 2004. С. 42-43. – 72 с.

К.и.и., доцент Жумадил А.К.

кафедра истории Казахстана КазНУ им. аль-Фараби

КАЗАХСКО-ОЙРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVI – 20-Х ГОДАХ XVII ВЕКОВ

Начало первого возвышения ойратов связывают с падением монгольской династии Юань в Китае в 1368 г. В числе возвратившихся в монгольскую степь 20 туменов (из 60) – 4 были ойратскими (1/5 часть всех монгольских войск). Китайская хроника XV в. «Минши» сообщает, что юаньский полководец Мункэ-Тэмур (Талба?) сам себя провозгласил правителем ойратов. Возможно, его потомком был Урадай (Ойрадай) – хаган ойратов и монголов в 1415-1425 г.г. Известно, что Урадай-хаган был из рода Ариг-Буки, сына Тулуя, а значит к Чоросской династии прямого отношения не имел, хотя и опирался на ойратскую военную силу. А вот истинным чоросом был современник аригбукайда Мункэ-Тэмур Худхай-Тайю (Махама), советник Элбэг-хагана (годы правления 1393-1399), который невольно (или преднамеренно) стал зачинщиком семидесятилетней феодальной войны в Монголии, благодаря своему участию в «деле Улдзйту-Гоа-бигэчи».

Чорос Эсэн в 1451 г. утвердил себя на всемонгольском престоле. Это было невероятное дело, ибо согласно «Ясы» Чингис-хана, на хаганский престол могли восходить только его потомки-чингисиды. Эсэн же ссылался на свое происхождение от Потрясателя Вселенной по женской линии, как правнук Элбэг-хагана и, возможно, как потомок древних правителей Монголии. Это был выдающийся человек. Он не только стал первым в постчингисхановскую эпоху хаганом Монголии из нечингисидов, но и тем полководцем, который сумел нанести минскому Китаю сокрушительное военное поражение и взять в плен императора Чжэнтуну в 1449 г.

Однако триумф Эсэна Великого длился недолго. В 1455 г. он потерял власть и был убит. Его потомки на полтора столетия ушли в тень с исторической сцены, оставив свои амбиции новым героям. Об этих героях необходимо

Поскольку у В. Никифорова, Е. Николаева был общий круг общения, несомненно, что эти вышеназванные политически сыграл определенную роль и в формировании личности Е.Д. Николаева. «Они дали Е.Д. Николаеву, другим – будущим лидерам национальной интеллигенции первые уроки политического воспитания. Они помогли Е.Д. Николаеву, В.В.Никифорову, М.А. и П.А.Афанасьевым и другим представителям интеллигенции осознать причины неустроенности и беспорядка якутов, произвол областной администрации» [9].

Следовательно, в становлении личности Е.Д. Николаева велика заслуга ссыльных народников из разночинской интеллигенции. Но народнические идеи, несмотря на то, что Е.Д. Николаев называл себя социалистом, были восприняты им формально. В практических делах по целям, задачам и методам решения проблем он был самостоятелен, легитимен, действовал в рамках закона, предпочитал сотрудничать с государственными органами власти. Это, несомненно, прослеживается в его дальнейшей общественно-политической деятельности.

Литература:

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.285 и. Оп.1. Д.47. Л.8об-9.
2. НА РС (Я). Ф.285 и. Оп.1. Д.39. Л.3 об.
3. Там же. Л.24-26.
4. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время: (конец XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск: Наука, 2002. -С.30-33.
5. НА РС (Я). Ф.285 и. Оп.2. Д.33.
6. НА РС (Я). Ф.285 и. Оп.2. Д.33. Л.36.
7. Троев П.С. Влияние ссыльных народников на культурную жизнь Якутии: (60-90-е гг. XIX в.). Якутск : Полиграфист, 1998. – С.292.
8. Троев П.С. Влияние ссыльных народников на культурную жизнь Якутии... – С.292
9. Степанова С. В.В. Никифоров – первый либеральный деятель Якутии. – // Наше либеральное наследие . Вып. Первый. Под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы. – М.: 2004. – С.349.

К.и.н. Максимов И. П.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА 1906 Г. В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Начало XX в. было временем гонки вооружений для многих европейских стран, в том числе и для Германии. Огромные военные расходы ложились серьезным бременем на немецкую финансовую систему, которую приходилось ре-

гулярно реформировать. Это вылилось в три последовательных реформы: 1904, 1906 и 1908-1909 гг.

Финансовая политика правящих верхов Германской империи этого периода не получила специального и широкого отражения в немецкой литературе, не говоря уже об отечественной историографии. В настоящей статье автор поставил задачу осветить такой малоизвестный российскому читателю ее аспект, как финансовая реформа 1906 г.

Расшатанность финансовой системы Германии не могла не вызывать опасений у руководства империи даже в условиях мирной жизни. В обстановке же подготовки страны к масштабной войне оздоровление финансов стало жизненно необходимой задачей: «Мы повредим нашему мирному существованию, так как финансовая готовность столь же важна, как и военная...», – подчеркивал канцлер Б. ф. Бюлов, находившийся на этом посту с 1900 по 1909 г. [1, Bd. 3, S. 53].

Финансовая реформа 1904 г. не достигла поставленных задач и уже летом 1904 г. статс-секретарь финансов Г. ф. Штенгель предложил ввести ряд новых налогов и добиться того, чтобы 35-я статья конституции исполнялась всеми немецкими землями. По данной статье исключительное право законодательного налогообложения алкогольной продукции принадлежало империи, но обложение водки и пива в Баварии, Бадене и Вюртемберге оставалось компетенцией местного законодательства. Однако статья предусматривала в дальнейшем возможность «достижения единодушия в вопросах обложения этих предметов» [2, Bd. 1, S. 392]. Поскольку это «единодушие» так и не было достигнуто, Штенгель предлагал в кратчайшее время его обеспечить.

В самом конце 1904 г. статс-секретарь финансов подготовил проект нового налогообложения и 15 февраля 1905 г. представил его на конференции министров финансов немецких земель. Проект предусматривал покрытие дефицита государственного бюджета за счет увеличения старых налогов и введения ряда новых, в том числе налога на наследство. Бюлов поддержал проект и склонил в его пользу кайзера, убедив Вильгельма II, что для продолжения военно-морского строительства необходим налог на наследство [3, S. 110].

При детализации проекта Штенгель и Бюлов разошлись в размере конкретных налогов. Статс-секретарь предлагал пополнение имперского бюджета главным образом за счет налога на наследство, суммарно в объеме 60 млн. марок. Поступление средств от налога на производство пива им оценивалось в 7 млн. марок. Бюлов в своих расчетах значительно снижал налог на наследство, но увеличивал его на пивоварение, рассчитывая получить благодаря этому 67 млн. марок [3, S. 104]. В конечном счете канцлер настоял на своем варианте.

15 марта 1905 г. разработанный проект налогообложения был передан на рассмотрение министрам. Министр финансов Пруссии Г. ф. Рейнбабен высказался отрицательно и был поддержан своим коллегой из Саксонии Рюгером. 9-10 июня 1905 г. министры снова собрались для обсуждения проекта. Рейнбабен

В то же время сбором произведений устного народного творчества занимался целый ряд научных экспедиций в 1934-1940 гг. Такие исследователи как Б.Г. Брусиловский, Б.Г. Ерзакович, А. Жубанов и др. систематически изучали музыкальный фольклор казахского народа. Правда, следует отметить, что «в труднейшем положении, в условиях тоталитарной политизации науки находились работники музеев... Включение в состав этнографических экспозиций экспонатов из жизни и быта коренного населения поощрялось, как правило, лишь тогда, когда эти экспонаты отражали бедственное положение низших слоев общества, «эксплуатируемых масс».

Наличие в экспозиции изделий народных мастеров-умельцев (золотошвей, ювелиров, кружевниц и других, образцов праздничной утвари, одежды, головных уборов и т.п.) было чревато обвинениями в пропаганде кулацкого быта, воспевании образа жизни эксплуататорской знати. А отсюда нередкая практика увольнений за утрату классово-бдительности. И в этой сфере науке насильственно навязывались чуждые ей апологетические функции; стремление превратить гуманитарные науки, в исполнительницу воли административно-командной системы» [14].

В 1936 г. в Москве была устроена Выставка казахского народного искусства, в 1937 г. экспозиция Казахстана принимала участие в Выставке музыкальных инструментов народов СССР.

Несмотря на то, что 1930-е гг. XX века явились сложным и трагическим периодом в истории Казахстана в целом, и его культуры – в особенности, тем не менее, развитие культуры не остановилось. Напротив, казахский народ показал жизнеспособность своей национальной культуры, способность к динамичному развитию и модернизации.

Литература:

1. ЦГА РУз., ф. 34, оп. 1, д. 1188, л. 93, 93 об.
2. ЦГА РУз., ф. 34, оп. 1, д. 1188, л. 93, 93 об.
3. Нурпеисов К. Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // Мысль. 1998. № 2. С. 84-87.
4. Досмухамедұлы Х. Тандамалы шығармалар. Алматы, 1998. С. 133. – 260 с.
5. ЦГА РУз. ф.34, оп.1, д.2114, л. 14.
6. Әуезов М. Әдебиет туралы. Алматы, 1997, 300 б.
7. ЦГА РК, Ф.1634, Оп.1, Д. 57, Л. 19.
8. Рыскулов Т. Казахстан //Собрание сочинений в трех томах. Т.2. Алматы, 1997. С.209.
9. Асфендиаров С.Д. О некоторых основных вопросах истории казахов // Большевик Казахстана, 1933. – № 10.
10. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 303. – 322с.

вым председателем Казахской базы АН СССР стал известный востоковед, тюрколог академик АН СССР А.Н. Самойлович. Членом Президиума, а затем заместителем председателя был С.Д. Асфендиаров.

Академик Б.Д. Греков предложил создать в структуре базы Институт истории и археологии, но первоначально были организованы две научные комиссии: Историко-археологическая комиссия и Комиссия казахского языка, которые в 1935-1936 гг. были преобразованы в секторы [11].

В 1933 г. состоялся расширенный пленум Государственной академии истории материальной культуры. На данном пленуме был поднят целый ряд важных в научно-теоретическом и методологическом отношении вопросов, касавшихся подходов к изучению культуры и истории казахов и вообще номадических этносов. Были рассмотрены проблемы этногенеза, этнической истории, культурного развития номадов. Правда, основной лейтмотив данного пленума был все же в марксистском духе:

были опровергнуты» (а точнее – ошельмованы и подвергнуты жесточайшему антинаучному остракизму) концепции, признававшие наличие у казахов (и других номадов) даже в XIX-начале XX вв. родового строя;

были признаны «ошибочными» теории о существовании особого азиатского способа производства, отличного от европейского рабовладения и феодализма;

были указаны задачи «дальнейшего изучения патриархально-феодальных отношений у казахов с позиций марксистско-ленинского учения и в интересах социалистического строительства».

В 1936 г. была создана Комиссия по истории казахского народа. Данному вопросу было уделено столь пристальное внимание партийного и государственного руководства, что первым председателем Комиссии по истории казахского народа был избран (пусть и формально) бывший в тот период первым секретарем республиканской парторганизации Л. Мирзоян.

В 1935-1936 гг. началось некоторое оживление деятельности Общества изучения Казахстана. «Все эти мероприятия создали необходимые условия для нового подъема научных исследований в Казахской республике, для подготовки национальных кадров историков, археологов, этнографов» [12].

В 1935-1936 гг. С.Д. Асфендиаров совместно с известным этнографом, профессором П.А. Кунте впервые в советской литературе опубликовал сборник источников, документов и материалов по истории и этнографии казахского народа «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» в двух томах. [13]. Книга содержит многочисленные извлечения из трудов античных, древневосточных, средневековых авторов, содержит интереснейшие сведения по истории и этнографии не только казахского народа и его предков, но также и других народов Центральной Азии. Для своего времени это был значительный шаг вперед по расширению источниковедческой базы историко-этнографических исследований. Этот сборник не потерял своего исторического, этнографического, общенаучного значения до сих пор.

и министр торговли Пруссии Т. Мёллер предложили отказаться от повышения налогов на табак, а в качестве компенсации предлагали увеличить налоги на почту и телеграф. Бюлов, статс-секретарь внутренних дел А. ф. Позадовский и министр внутренних дел Пруссии Т. ф. Бетман-Гольвег, напротив, не видели никаких проблем с увеличением налогов на пиво и табак. Канцлер считал, что напрасно правительство не установило для них более высокую планку. После длительных расчетов и неоднократного изменения цифр предполагаемый дефицит бюджета на будущий год был определен в сумме 241-251 млн. марок, для погашения которого требовалось увеличить налоговые поступления на сумму в 255 млн. марок [3, S. 111]. В этой сумме налог на наследство составлял лишь 48 млн. марок, остальная часть складывалась из косвенных налогов на табак, сигареты, пивоварение, гербовые сборы. Следовательно, большую часть налогов предполагалось взыскать с широких народных масс.

В начале декабря 1905 г. в рейхстаге началось первое чтение проекта. Дебаты открыл рейхсканцлер Бюлов. Обращаясь к депутатам 6 декабря 1905 г., он подчеркнул, что «это важнейший и значительнейший законопроект, от принятия которого, по убеждению союзного правительства, зависит благо и безопасность, успешное развитие и будущее империи и отдельных союзных государств [земель – И. М.]» [1, Bd. 2, S. 237].

Последующее обсуждение сразу приобрело конфликтный характер. Консервативные депутаты категорически выступили против налога на наследство, социалисты же, наоборот, поддержали его введение [4, Bd. 214, S. 160-164]. По результатам первого чтения была создана комиссия для внесения в проект поправок и изменений. В ходе ее работы в проекте Штенгеля появились следующие изменения: были отклонены гербовые сборы, понижен налог на пивоварение (вместо правительственного варианта 7 и 12,5 марок – 4 и 7 марок) и таким образом общая сумма ожидаемых поступлений уменьшилась до 20 млн. марок вместо предлагаемых законопроектом 67 млн. [5, 8 апреля 1906]. Кроме того, комиссия основательно перекроила параграф 12 законопроекта, который предусматривал введение налога на наследство, значительно расширив круг категорий населения, на которые он не распространялся. В таком виде налог на наследство мог принести казне всего 48 млн. марок. Общая же сумма запланированных законопроектом поступлений от налогов оказалась урезанной комиссией до 159 млн. марок [4, Bd. 233. Anlagen. S. 4003-4020].

В апреле 1906 г., в самый разгар работы комиссии, Бюлов тяжело заболел и выпал на несколько месяцев из политической жизни. Воспользовавшись отсутствием канцлера, консерваторы сумели настоять на своих изменениях и поправках к законопроекту. 19 мая 1906 г. переработанный комиссией проект был принят в рейхстаге (145 – за, 95 – против, 5 воздержавшихся) [4, Bd. 217, S. 3361]. Против проголосовали социалисты и свободомыслящие. Вместо истребуемых 250 млн. правительство получало 180 млн. марок, однако на практике налоговые поступления оказались еще меньше (110 млн.). «Разумеется, прави-

тельство достигло не всего, чего оно хотело достигнуть своими предложениями», – констатировала исход борьбы газета Центра «Германия» 20 мая 1906 г. [5, 20 мая 1906]. «Успешное» завершение финансового вопроса обрадовало кайзера (он, видимо, радовался самому факту принятия проекта, а не его сути), направившего Бюлову самую дружественную телеграмму. Интересно отметить, что экс-канцлер, вспоминая в своих мемуарах реформу 1906 г., только эту телеграмму и упоминает, представляя таким образом все дело как свой очередной успех [6, Bd. 2, S. 217].

Одним словом, финансовая реформа не достигла своих целей, и спустя полтора года в одной из парламентских речей сам Бюлов вынужден был это признать [1, Bd. 3, S. 87]. По этой причине спустя два года канцлер вновь вернется к финансовым проблемам, но в очередной раз потерпит поражение, которое на этот раз будет ему стоить политической карьеры.

Литература:

1. Bülow B. v. Reden. Bd. 3. Berlin, 1909.
2. Gesetz betreffend die Verfassung des Deutschen Reiches // Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 1. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1986.
3. Witt P.-H. Die Finanzpolitik des Deutschen Reiches von 1903 bis 1913. Lübeck, Hamburg, 1970.
4. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages 1905-1906.
5. Germania 1906.
6. Bülow B. v. Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Berlin, 1930.

Аспирант Кубасов А.В.

Челябинский государственный педагогический университет, Россия

ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И АТТРАКТОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Последние двадцать лет на Российском пространстве утверждаются принципы постмодернизма. Еще в 1946 году А. Тойнби постмодернизм определял как мир «конца истории», для которого характерны апофеоз всесмешения, глобализма и потери всяческих ориентиров (идеологии). С крушением СССР произошел отказ от советской идеологии. Ей на смену пришел принцип личностной (индивидуальной) идеологии: «пусть твоя личная вера помогает тебе на твоём собственном жизненном пути». Такая система приводит к возрастанию общественного непонимания. Во всем главенствует хаос, уводящий в умопо-

«Согласно постановления ЦИК Советов Турк.Сов. Респ-ки РСФ от 20 сего марта, постановлено: день 22 марта считать всенародным праздником «Начала Весны – Навруз» [8].

С. Асфендияров внес важный вклад в развитие академической науки Казахстана. В 1931-1933 гг. он является заместителем председателя Казахской базы АН СССР, возглавляет комиссию научной консультации и пропаганды, историко-археологическую комиссию, комиссию казахского словаря и, кроме того, являлся заведующим сектором истории Казахского научно-исследовательского института национальной культуры. Автор многих работ по истории Казахстана, он являлся также способным исследователем-филологом и писателем. Написал повесть «Шатер мира» о жизни народов Востока, статьи о казахском эпосе и национальной культуре.

С.Д. Асфендияров в 30-ые годы высказывал некоторые интересные с научной точки зрения мысли об этногенезе казахского народа, делении его на три жуза, одним из первых утверждал, что казахи как этнос в своем историческом развитии миновали рабовладельческую формацию и т.д.

С.Д. Асфендияров полагал, в частности, что деление казахского этноса на три жуза связано с географическим фактором, поскольку Казахстан естественным образом делится на три части: Семиречье (Старший жуз), Западный Казахстан (к западу от Мугоджар – Младший жуз) и Восточный Казахстан (Средний жуз). Для каждой из этих зон была характерна своя специфика этносоциальных и этнокультурных процессов [9].

В 1930 г. был созван первый всеказахстанский краеведческий съезд. Работа съезда носила научно-исследовательский характер, в ней приняли самое активное участие ученые России (прежде всего – Москвы и Ленинграда). На заседаниях секций съезда были заслушаны важные для развития казахстанской науки в научно-теоретическом и методическом отношении следующие доклады: Асфендияров С.Д. Из истории развития общественных форм на Востоке; Кун В.Н. О систематическом изучении жизненного режима казахов в связи с проблемами этнографии казахов; Руденко С.И. Итоги и перспективы научно-исследовательской работы АН СССР в Казахстане.

В том же 1930 г. был проведен также Всеказахстанский съезд краеведческих музеев. В 1932 г. состоялась Всеказахстанская краеведческая конференция. Данные съезды и конференции способствовали некоторой активизации краеведческой деятельности в республике. Однако следует отметить, что «в начале 30-х годов, несмотря на проведенные съезды и конференции, в области живой этнографической работы деятельность существовавших краеведческих учреждений дальше более интенсивного сбора экспонатов и обновления музейных экспозиций по существу не пошла... Этнографические экспедиции в начале 30-х годов вообще не работали». [10].

27 февраля 1932 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Казахской базы Академии наук. База была создана в марте того же года. Пер-

туру «средне-азиатских тюрков» и эпос «Манас», он старается разгадать тайну долголетия и неиссякаемой поэтической энергии этого памятника. Результат – научное исследование «Сказители «Манаса» и слушательская среда». В 20-е годы, пору научной юности и писательской зрелости, М. Ауэзов становится профессиональным ученым-фольклористом. В учебном пособии «Әдебиет туралы» М. О. Ауэзов подробно анализирует различные жанры казахского народного творчества. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: героический эпос («Кобыланды», «Ер Таргын», «Ер Сайын»), исторический, животный, сказки (ертек), легенды (аныз), пословицы (мақал) и поговорки (мәтел), загадки (жұмбақ) и т. д. «. [6].

Таким образом, следует отметить, что М. О. Ауэзов проделал огромную работу по сбору и систематизации устного народного творчества своего народа.

О. Исаев также придавал огромное значение сохранению культурного наследия казахов. 21 ноября 1931 года он писал наркому просвещения Садвокасову: «Мне кажется, что у нас бесповоротно пропадает огромное количество ценнейших материалов, имеющих большое культурное и историческое значение, как-то: 1) Песни Абубакириулла «Гумар Карашев», Даукен Чулаков (Зап. Казахстан), Абай и др.

2) Многочисленные «ШЕЖИРЕ», целые поэмы передаваемые наизусть из поколения в поколение...» [7].

По его мнению, требовалось в срочном порядке заняться сбором и систематизацией этих материалов, а главное, необходимо было пропагандировать это ценнейшее наследие.

Одним из важных направлений научных изысканий 20-х гг. было изучение богатейшей казахской национальной музыкальной культуры. В 1920 г. музыкальный отдел художественного сектора Наркомпроса Туркестана обязал отделы народного образования собирать сведения обо всех выдающихся народных певцах и певицах, игроках на домбре и других народных музыкальных инструментах, сочинителях народной музыки. Предлагалось также сообщать все сведения о лицах, изучающих музыкальный фольклор, об известных мастерах по изготовлению национальных музыкальных инструментов.

В 1920 г. в Оренбурге возникло Общество изучения Киргизского края. В качестве основной задачи оно ставило всестороннее изучение Казахстана в историко-археологическом, естественно-географическом и этнографическом отношении.

В 1927 году вышла в свет работа Т. Рыскулова «Казахстан», в котором описываются традиции и обычаи, образ жизни, быт, культура, религиозные верования, жилище казахов.

Восстановление народных праздников и введение их в практику всенародного празднования явилось крупным вкладом в сохранение традиционной культуры и культурного наследия казахов. Эта заслуга по праву принадлежит Т. Рыскулову. Благодаря его деятельности в Казахстане стали праздновать наурыз.

мрачительную бездну. Мы все оказываемся в одном Океане Великого Космоса. С целью выпрямления исторической линии активизируется деятельность интеллигентной категории общества – интеллектуальной интеллигенции (высшая категориальная позиция основная функция которой «видеть» внутренний мир общества, почувствовать малейшие изменения и «нарисовать» духовный мир – основу «жизненной» идеологии). Для становящейся России им предстоит, словно Улиссу, отыскавшему свой остров Итака, в очередной раз найти «свой» путь. Исследователи-интеллигентоведы говоря о миссии интеллигенции, обращают внимание на налаживание диалога с обществом. Конец XX – начало XXI вв. знаменуется четвертой вехой в выстраивании отношений между ними. Первая – период официального оформления понятия «русская интеллигенция» и его утверждение в общественном сознании (60-70-е гг. XIX в.). Вторая, характеризуется революционными порывами (первая русская революция 1905-1907 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 года, гражданская война 1918-1922). Третья веха – периодом построения советского общества. Выделенные нами вехи представляют точки бифуркации (*смена установившегося режима работы системы*) российского исторического пространства. Для перевода системы на более новый, дифференцированный уровень упорядоченности интеллектуальной интеллигенции предстояло выработать свой аттрактор (*устойчивый режим работы*) и обращать систему на его курс.

И так наша задача состоит не только в том, чтобы попытаться выявить аттрактор для каждой точки бифуркации, но и определить сущность бытия интеллектуальной интеллигенции в преодолении «всероссийской катастрофы».

С середины XIX века России, по меткому замечанию Ф. Тютчева, погрузилась в период «оттепели». Ее К. Аксаков в одном из писем Александру II охарактеризовал как: «... внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... При потере взаимной искренности и доверчивости все обняла ложь, везде обман... Все лгут друг другу, видят это и продолжают лгать, и неизвестно до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров... Это сделалось уже не личным грехом, а общественным...». В этом пагубном для будущности страны, коррозионном процессе, появилась на исторической сцене русская интеллигенция. Российский публицист, прозаик и критик П. Боборыкин, укрепивший в общественном сознании данную категориальную позицию, под ней объединил всех мыслящих людей, выступающих обличителями существующих порядков, чиновничества, социального паразитизма дворян-землевладельцев и «оевропеившихся» купцов. Реформаторам критически настроенный пласт к существующему порядку представлялся опасным и сознательно отвергался от выработки «спасительного пути». Из оставшихся за «дверями» выпорхнул тип «лишних людей», принявших губительное для православной России нигилистическое течение. «Русский нигилизм, – писал Н. Бердяев, – отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности... Это есть вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная ас-

кеза». В обуревавших их ум мыслях о свободе, правах и конституции виделся один из путей преодоления хаотического состояния страны. Но положенный интеллектуальной интеллигенции в его основу революционный посыл (террористические методы борьбы с монархическим строем) привел к отторжению данного аттрактора общественной средой и выравниванию старого политического курса, с целью сведения к минимуму издержек от нововведений предыдущего царствования (правление Александра III). Наследнику Александра II удалось обуздать «ретивого» Петра Великого и усмирить его на время своего пребывания на троне.

Однако при крайне неуклюжем руководстве Николаем II страной не только «ретивый» вырвался на свободу, но и произошло падение престижа царской власти в глазах общества. «Во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но и самого царя и даже бранить его и смеяться над ним», – написал Л.Толстой в письме Николаю Романову 16 января 1902 года. Страна постепенно погружалась в пучину революционного хаоса. Все ярче обозначался очередной этап отчуждения разных слоев общества. Интеллектуальная интеллигенция проявила крайнюю непримиримость со складывающейся ситуацией и принялась за выработку для «оскорбленного и униженного» народа спасительного пути, основу которого составила чуждая им идея законопослушной конституционной монархии. Николаем II поддавшийся бесконечным петициям интеллектуальной интеллигенции издал Манифест 17 октября, знаменовавший начало заката монархии. Восхищение демократическими идеалами, словно модерн сменилось апатией и страхом. «Черным квадратом» событий 1905-1907 гг. стал выход в свет сборника статей «Вехи». Интеллектуальная интеллигенция, осмыслив свершившийся факт, призывала к покаю и признанию ошибочно выбранного пути. В основу аттрактора были положены сиюминутные и мифические выгоды для «общественных форм», а не духовная жизнь человека. Призыв одуматься и отрешиться от стремления к власти не был услышан «строителями» парламентаризма. Оставшись в плену своих иллюзий и утопических идей, они оказались в жертвами зажженной самодично революции. Заменив критерий духовной истины ложным и разрушительным критерием классовости и партийности, леворадикальные и революционные интеллигенты при внесении этих идеи в народ «раскачали российский государственный корабль», доведя его до катастрофы 1917 года.

Интеллигенты, оказавшиеся к началу 1917 года у государственного руля, увлеченные выработкой конституции, не заметили бед народа, обрушившихся с неудачами в Первой мировой войне. Развязанная в 1914 г. она оказалась дрожжами, опущенными в застойное сусли русской жизни, стало интенсивно бродить. Брожение наверху – заговор против Николая II, брожение низов – февраль 1917 год. Отстранением царя от власти не удалось затушить разгоравшийся «костер» недовольства. Интеллигенты, занимавшиеся критицизмом существующего порядка и выстраивающие мысленные конструкции «демократическо-

дениями, издательствами и частными лицами по вопросам этнографии, педагогики и другим отраслям, имеющим отношение к научной культурно-просветительской работе коренных народностей Туркестана, главным образом, в области Киргизоведения» [5].

Активными собирателями народного фольклора были и многие другие деятели казахской интеллигенции: Ахмет Байтурсынов, Миржакуп Дулатов, Алимхан Ермеков, Магжан Жумабаев, Кошмагамбет Кеменгеров, Жумахан Кудерин и т.д.

Значительную роль в сборе, сохранении и издании произведений из культурного наследия выдающихся казахских сыграл Сабит Муканов. Еще в 1924 году в статье «Казахская литература и Ибрай» пишет о том, что стихи Ибрая – это чистейший казахский язык. Высоко оценивая литературное наследие Ибрая Алтынсарина Сабит Муканов считал необходимым собрать сохранившиеся благодаря устной передаче стихотворные произведения Ибрая и издать их в полном объеме.

Большую роль в сборе, изучении и сохранении культурного наследия казахов сыграл М. Ауэзов. Весной двадцать третьего года М. Ауэзов по предложению крупного этнографа, историка и фольклориста А. Диваева, принимает участие в научной комиссии в Чингизскую волость Каркаралинского уезда «для сбора и приемки сохранившихся рукописей переводов работ Дрейпера, Льюиса, Спенсера» и оригинальных трудов Абая – философских заметок и стихов. Спутниками Ауэзова были Х. Досмухамедов и М. Жумабаев.

Летом 1925 года Мухтар Ауэзов отправляется в экспедицию по аулам Семиречья, собирая образцы песенно-фольклорного творчества казахов. Незадолго до этого он успевает застать последнюю в истории Каркаралинскую ярмарку с ее прославленными айтысами – состязаниями акынов. Результатом этих путешествий стала объемная статья «Казахское народное творчество и его поэтическая среда» с ключевым тезисом: «Ни один значительный факт в жизни казаха не проходит для него просто так, не будучи отмеченным хотя бы давно устоявшейся традиционной формой поэтического слова. Несомненное, неколебимое, полновесное значение поэтического слова, унаследованное, как устойчивая традиция, от далекого прошлого казахов и до настоящего времени, для огромного большинства степного населения не потеряло... своего актуального значения» [5].

В 1926 году М.Ауэзов заключает с Наркомпросом Казахстана договор на издание уже написанной «Истории казахской литературы» на казахском языке, едва отпечатанный тираж которой идет под нож. Редакция Большой Советской Энциклопедии предлагает М.Ауэзову заказ на составление словника и написание статей о заметных фигурах казахской и киргизской литератур.

По окончании Ленинградского университета в августе 1928 года Мухтар Ауэзов продолжает образование в аспирантуре при восточном факультете Среднеазиатского государственного университета г.Ташкента. Изучая литера-

его придется обратить особое внимание, чтобы определить его научную ценность» [1].

В докладе Казахской Научной Комиссии говорится о том, что было сделано по сбору памятников народного творчества. «В Кир.Науч.Ком. имеется огромное собрание киргизской народной литературы.

Эта литература состоит из трех частей:

Материалы, собранные этнографом Диваем в течение 34 лет по Туркестану.

Материалы, собранные по Семиреченской области.

3) Материалы, собранные по Сырдарьинской области Диваевский материал описан, систематизирован и часть переписан по новой орфографии для печати.

По Семиреченскому материалу составлена опись. По Сыр-Дарьинскому материалу составляется опись» [2].

Ценность данной работы, считал Х. Досмухамедов, не только в его научной значимости, но и в том, что этот материал «является книгой для чтения детей школьного, дошкольного возраста, и пособием по изучению грамматики и теории словесности киргизского языка» [3].

Значительный вклад в изучение истории и культуры казахского народа внес сам Х.Досмухамедов. Так, им написаны статьи, посвященные этнографии и истории казахского народа: «Оратор Шернияз», «Предание о том, как был построен медресе Кугельташ в Бухаре» (1927), «Родословная Жаланташ-батыра, воздвигнувшего медресе Телли-Кары Шиддар в Самарканде» (1928), был опубликован очерк «Устная литература казахского народа», посвященный теоретическим вопросам казахского фольклора.

Х. Досмухамедов придавал большое значение изучению культурного наследия казахов, им были изданы сборники произведений устного народного творчества: «Слова Мурат-акына» (1924), «Исатай-Махамбет» (1925), «Аламан» (1928). Досмухамедов осуществил подробный анализ различных жанров казахского народного творчества. В частности, им дана классификация жанров казахской народной литературы: эпос (жыр) – героический, исторический, животный; сказки (ертек), пословицы и поговорки (макал жэне мәтел), загадки (жұмбақ), приметы (бырым сөз), скороговорки (жанылтпаш), поверья, легенды и т.д. [4].

Такой подход к результатам научных изысканий, имевший конкретно-прикладной характер способствовал бы овладению знаниями широких масс. Необходимость в этом для казахов, считал Х. Досмухамедов, заключается в том, что «современная эпоха – эпоха культуры. Только знания приведут к культуре. Знания сами по себе не приходят, чтобы овладеть ими надо много трудиться».

В удостоверении Народного комиссариата просвещения Туркестанской республики, выданном М. Жумабаеву указывается: «Государственный Ученый Совет Наркомпроса Туркестанской республики настоящим уполномочивает сотрудника Киргизской Научной Комиссии тов. М.Е.Жумабаева вести переговоры с учреж-

го мира» при воплощении идей наступили на те же грабли, что и многие революционные комитеты: «перекрывая кислород» старым органам управления, не имея им замены. И «... как та кочерга из присказки, – пишет А.Солженицын, – в темной избе неосторожно наступленная ногою, с семикратной силой ударила олуха по лбу, так революция расправилась с пробудившей ее русской интеллигенцией» расписав в неспособности «мечтателей демократического будущего».

Вывести страну из крутого пике и ввергнуть Россию к строительству нового облика удалось большевистским интеллигентам при помощи жестких мер и массовом кровопролитии. В ходе постепенного погружения страны после октября 1917 г. в хаос гражданской войны предстояло низвергнуть внутренних врагов социализма и очистить пространство для воссоздания «светлого будущего». В создавшейся ситуации произошло не только разделения народной массы на «красных» и «белых», но и концептуальная система «интеллигенции» разложилась. Одна часть предпочла эмигрировать и вести из-за «бугра» войну с «большевицкой заразой», другие приняли социалистические принципы и вступили в «коммунистические союзы», третьи, стоя на патриотических чувствах, оставались нейтральными к противоборствующим силам.

Большевистских идеологов, сохранивших власть в ходе ожесточенной гражданской войны в своих руках, стали обуревать мысли о демократизации России. Первым шагом стало провозглашение новой экономической политики. Большевистский аттрактор предоставил эмигрировавшей интеллигенции, оставшийся на позициях русского патриотизма, возможность для установления сотрудничества с целью укрепления российской государственности. Именно им, «одинаково горячо интересующимся русской государственностью и судьбами культуры русского народа» отводилась роль закваски – бродильного начала новой концептуальной категории общества интеллигенции. Заметим, что именно закваски, а не основы «новой социалистической интеллигенции». Для приведения становящейся системы в устойчивый режим работы от возвращающихся элементов интеллигенции и не принадлежащих политиканствующим категориям (М.Горький) на первом этапе требовалось заниматься созданием школы – главного «генератора» советского общества. Однако не все желали принимать участие в построении коммунистического общества, и школа ими рассматривалась как оппозиционная сила утверждавшемуся режиму. Большевики, ярким противникам строящегося строя, создавали искусственные барьеры, не допуская их к непосредственному процессу обучения. Из «активных патриотов» (А.Луначарский) была сформирована интеллигентная общность. Ими пропагандировалась необходимость признания и поддержки советской власти и велась активная работа для укрепления свободы совести. Интеллигентная общность стояла у истоков складывания в середине 1920-х гг. института красной профессуры, давшего формирующемуся советскому обществу инженеров, технологов, гуманитариев. За их счет советская власть стремилась осуществить естественное расширение категории «интеллигенции». Последовавшее в даль-

нейшем (с середины 1930-х) ее разделение на несколько видов: «гуманитарная», «художественная», «техническая» и т.д., «раздувание» их до невероятных объемов позволяет говорить о большинстве из них как об интеллектуалах. В 1920-1930-е гг. они не спешили принять новую тоталитарную систему.

На первых порах к преподаванию в институте красной профессуры допускались элементы интеллигенции, пропитавшиеся идеями «сменовеховцев». Через свои выступления мысль об эволюции коммунистического режима они донесли до «младого племня», из которого вышли ростки интеллектуальной интеллигенции (элиты). В них утвердилось стремление о построении русского национально-демократического государства. «Младое племня» в период проведения политики коллективизации, индустриализации и построения могущественного социалистического государства заняло нейтральную позицию к происходящим в стране процессам. Именно в их среде в 1960-е гг. сформировалось диссидентское направление (*диссиденты – реакционный элемент в интеллектуальной интеллигенции, определившие свою деятельность как борьбу против социалистических принципов и немедленное сворачивание программы «построения коммунизма» в пользу демократических идеалов*). «Младое племня» в своих мыслях стремилось не изобличить корень зла социализма, а старалось понять духовный мир советского общества. Они как «образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волей» не заявляли о себе как о спасателях русского народа. По нашему мнению, именно этот феномен повлиял на осознание неразрывности своей личной жизни с судьбой Родины во время разразившейся самой страшной трагедии XX века – Великой Отечественной войны (1941-1945). Положенная в основу патриотизма духовность совместила любовь и веру в свое Отечество, и ее народ с осознанием приближающейся опасности и желанием не позволить превратить жизнь в рабское существование. Погибали не за идеалы коммунизма, жизнь отдавали «за други своя». Поворот к Отечеству, духовно-нравственным идеям стал возможен утвердившемуся в сознании советского народа аттрактора интеллектуальной интеллигенции. В разгар «выявления вредителей режима» большей части элиты удалось выстоять, сохранить свой духовный мир и донести до сознания советских граждан. Однако патриотические ценности вскоре растворились с началом поворота в сторону осуждения предшествующего этапа исторического развития общества (1930 – начала 1950-х гг.).

Интеллектуальная интеллигенция, живя самобытно, в периоды слома, изменения систем, постоянно находилась в человеческом режиме и просвещала человеческие «вещи» – благо, добро, любовь, честь, ум. Через данные категории они понимали сущность бытия. Осененность бытием преобразовало человека и вырывало его из бессмысленного хаоса, в который единожды погружалась Россия. В обозначенных нами исторических вехах (точках бифуркации) отстраняясь от вступающих в противоречие сторон, вырабатывала аттрактор, упорно не замечаемый и отвергаемый трансформирующимися системами. Сле-

А.В. Россов и доцент С.Ю. Алибеков успешно лечили кожные и венерические заболевания.

Медицинский институт был лучше других укомплектован профессорско-преподавательскими кадрами. В 1940 году здесь имелась 31 кафедра, в них работали 9 профессоров, 22 доцента и кандидата наук.¹⁸ Бюджет института к этому времени превышал 5,5 млн. рублей против 20 тысяч рублей в 1932 году. Большую работу по подготовке молодых кадров-медиков провели первый директор института М.Ю. Нахибашев, доктор медицинских наук, профессор О.А. Байрашевский, профессор Х.О. Булач, профессор Г.П. Руднев, профессор И.Н. Пикун, профессор М.С. Доброхотов, профессора В.А. Чудносоветов, Н.И. Одноралов, А.В. Россов и другие.

Открытие медицинского института, целой сети средних медицинских учебных заведений позволило республике подготовить большое количество медицинских работников из числа народностей Дагестана, значительно расширить сеть медицинских учреждений, особенно на селе, улучшить медицинское обслуживание населения. Таким образом, перед войной в Дагестане широким фронтом было подготовлено значительное количество интеллигенции из числа местных народностей по многим отраслям народного хозяйства и культуры, в том числе и медицины.

К.и.н., доцент Жумадил М.Т.

*кафедра социально-гуманитарных дисциплин
КазНТУ им. К.И. Сатпаева, Казахстан*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА В 20-30-Е ГОДЫ

Проблемы сохранения казахской истории, культуры, культурного наследия являлись одним из важнейших направлений в культурном развитии Казахстана в 20-30-е годы. Большое внимание представители казахской интеллигенции уделяли исследованию народного фольклора. В послеоктябрьский период работа по изучению казахского культурного наследия возглавлялась Казахской научной комиссией. Важнейшей задачей комиссии являлась научная обработка огромного этнографического материала, собранного учеными.

Председатель комиссии Х. Досмухамедов в 1921 году отмечает: «Разработка и систематизация собранных двумя экспедициями по Сырдарьинской и Семиреченской областей этнографических материалов. Этот материал для своей разработки и систематизации потребует значительного времени. На разработку

¹⁸ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 238.

Греки	2	2	1	3	0	8
Немцы	2	1	3	0	1	7
Грузины	1	2	1	0	1	4
Чеченцы	2	0	1	0	0	3
Поляки	1	1	1			3
Татары	1		2			3
Карачаевцы	1	1		1		3
Кабардинцы			1		1	2
Латыши		1	1			2

По одному представителю было у черкесов, ингушей, белорусов, румын, мордвин, азербайджанцев, ногайцев, адыгейцев.

Преподавательский состав набирался со всех уголков страны, приезжие специалисты имели за плечами очень престижные ВУЗы: Ленинградская Медакадемия (О.А. Байрашевский, год окончания 1897), Медфак Новороссийского Университета (Х.О. Булач, 1920, И.М. Беренбаум 1919), Ростовский Медицинский (Я.Г. Савицкий, 1920), Военно-медицинская Академия (В.Г. Божовский, 1920, И.Н. Пикуль, 1916), Варшавский Медицинский факультет (В.К. Чайковский, 1916), Московский Медицинский Университет (М.С. Доброхотов, 1903), Донской Государственный Институт в г. Ростове (Н.И. Одноралов, 1923), Харьковский Медицинский Университет (А.В. Абрамов, 1917, П.Ф. Маклецов, 1919), Казанская Медакадемия (В.А. Чудносоветов, 1911), Иркутский Государственный Медицинский Университет (М.Н. Ерлаков, 1929), Азербайджанский Государственный Медицинский Университет г. Баку (Е.И. Антонова, 1926), Владикавказский Медицинский Университет (А.В. Гасанов, 1932, А.А. Бабаев, 1933), Цюрихский Университет (Р.М. Альбергоев), Саратовский Медицинский Университет (Н.Ф. Живодёров, 1930).

Но в ДМИ работали и местные уроженцы, в 1936 году, ассистентом кафедры пропедевтики внутренних болезней была Ума Муратовна Хаджи-Мурат, окончившая Медицинский факультет I МГУ в 1930 году, ординатором кафедры общей хирургии числилась Магомедова Зейнаб закончившая Ленинградский Медицинский Университет в 1933 г. Через пару лет их значительно прибавилось, кроме заведующего кафедрой гистологии Х.О. Булач, это были: И.М. Беренбаум, А.В. Гасанов, А.А. Бабаев, Р.В. Мельхисидеков, Е.И. Антонова, С.Ю. Алибеков, П.И. Гуляницкий, Р.М. Альбергоев, И.Л. Мусаева, Д.И. Шейх-Али, С.Г. Шалумов, М.О. Джандаров, Ю.Ш. Омаров, М.И. Акаев, П.Ш. Мухтарова. Кроме подготовки квалифицированных медицинских кадров высшей квалификации профессорско-преподавательский коллектив института занимался вопросами практического здравоохранения. Профессор И.Н. Пикуль возглавил борьбу с малярией в республике, в результате чего малярия в Дагестане была полностью ликвидирована. Профессор Х.О. Булач занимался лечением трахомы. Профессора Г.П. Руднев, А.Г. Подварко и доцент Е.А. Шимановская бруцеллезом. Профессор

дую своей предначертанной линии и не отступая от нее, разбудили в народном сознании человеческое чувство в период катастрофы XX века – второй мировой войны. Отступившей на задворки интеллектуальной интеллигенции на подступившей четвертой вехе предстоит не ввергнуть систему в пропасть и пробудить духовность не ржавевшего человека.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 2007.
3. Гидиринский В. Русская интеллигенция в истории России (социологический аспект). – М., 2007.
4. Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути. – М., 2006.
5. Кормер В.Ф. О карнавализации как генезисе «двойного сознания» // Вопросы философии. – М., 1991. №1. – С. 166-185.
6. Луначарский А.В. Смена вех интеллигентской общественности. Режим доступа: [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: <http://magister.ru/library/politica/lunachar/lunaa004.htm> – 06.12.2011.
7. Романовский С.И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. – СПб, 2000.
8. Солженицын А. Образованщина // Солженицын А.И. Публицистика. – Ярославль, 1995. – Т.1: Статьи и речи. – С. 670-701.
9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 т. Т.18. – М., 1965.

К.і.н. Маложон О.І.

Київський національний університет культури і мистецтв, Україна

ДЖЕРЕЛА ДОСЛІДЖЕННЯ ПРАВОВОЇ КУЛЬТУРИ ЛИТОВСЬКО-ПОЛЬСЬКОГО ПЕРІОДУ (XIV-XVI СТ.)

Дослідження державно-правового життя Великого князівства Литовського набуло системного характеру у 60-х рр. XIX ст. Насамперед це було пов'язано з Київським університетом, де в другій пол. XIX – на початку XX ст. працювали вчені – історики і правознавці – представники школи західноруського права. Вагомим підґрунтям до їх студій стала діяльність Київської археографічної комісії. Працівниками останньої були, зокрема, В. Антонович, В. Іванишев, М. Владимирський-Буданов. Вже з 40-х років комісія видавала збірники документів та матеріалів «Памятники Киевской Археографической комиссии»,

а з кінця 50-х років почала видавати «Архив Юго-Западной России». Зокрема, акти судів, що діяли в українських землях (Волині, Київщині і Брацлавщині), вміщені в томі IV, матеріали про боярство, акти про міста, селянство, колонізацію, вміщені в V-VIII томах.

В другій половині XIX – початку XX ст. з'явилися праці М. Владимирського-Буданова, М. Ясинського, О. Малиновського, М. Максимейка, Г. Демченка, Ф. Леонтовича, В. Антоновича, М. Довнара-Запольського, М. Любавського та ін. В їхніх дослідженнях вивчалось і аналізувалось суспільне і державне життя Велико-го князівства Литовського, його економіка, литовсько-руське право взагалі та вплив руських звичаїв на формування та розвиток литовської культури.

Головну роль у джерелознавчій діяльності відіграв В. Антонович, який заснував українську історичну школу документалістів. Впродовж 20 років він був головою Історичного товариства Нестора Літописця та продовжував розробку проблеми правового поля литовсько-руського періоду.

Економічне, культурне та національне життя українського народу протягом XIV-XVI ст.ст. досліджував М. Грушевський у своїй монографії, присвяченій містам Великого князівства Литовського. Загальна картина устрою і побуту в українських землях у складі Великого князівства Литовського в XIV-XVI ст., князівська влада й органи центральної і красвої управи, Пани-рада, Литовський статут і копні суди відтворюється також у працях М. Любавського, Ф. Леонтовича, М. Довнара-Запольського, М. Максимейка, Д. Дорошенка. Вони досить ґрунтовно дослідили умови розвитку українців у складі Литовсько-Руської та Польської держав. Історію та зміст обласних привілеїв, зокрема Волинського та Київського, детально проаналізував М. Ясинський у студії «Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства».

Значна увага була приділена впливу магдебурзького права в містах Великого князівства Литовського, в тому числі розташованих в українських землях (М. Владимирський-Буданов, М. Довнар-Запольський, Ф. Тарановський, В. Антонович, О. Кістяківський). Серед дослідників не було одностайності стосовно трактування ступеня впливу, характеру, особливостей прояву, функціонування магдебурзького права. Так, М. Владимирський-Буданов зазначав, що магдебурзьке право негативно вплинуло на розвиток українських земель, штучно накинувши їм чуже за духом право. М. Довнар-Запольський навпаки стверджував про його позитивний вплив. Цікаво, що С. Соловйов, не аналізуючи функціонування магдебурзького права в українських землях, відзначив його роль як позитивну у формуванні правосвідомості литовсько-руського суспільства, хоча в цілому порівняння суспільного і правового життя Московської Русі й Литовської, на його погляд, було не на користь останньої.

Окрім вітчизняних авторів питанням правової культури Великого князівства Литовського і Польщі займалися і польські дослідники другої половини XIX – поч. XX ст. Відзначимо, насамперед, А. Яблоновського, П. Дубковського, В. Мацейовського, В. Камінецького, О. Бальцера, С. Кутшебу. Ними

ня приймать в мединститут националов окончивших семилетку. Так, например Ингушетия не смогла заполнить свою квоту, так как в республике не оказалось людей окончивших девятилетку, двоих ингушей с семилетним образованием приняли в подготовительную группу мединститута. А общая развёрстка, утверждённая Крайнацсоветом была следующая; чеченцев – 15 человек, черкесов – 4, балкарцев – 12, карачаевцев – 10, осетин – 10, Моздок, район для нацменов – 5, Туркменский район – 5, Калмыкский район – 5, Греческий район – 5, Армянский район – 3. Данная развёрстка была отпущена по соответствующим обществам и районам с предложением выделения товарищей для освоения вакансий.¹⁴ Проводилась большая агитационная работа по районам республики, с развешиванием плакатов, выступлениями по радио и лекциями авторитетных людей с целью привлечения молодёжи для учёбы в мединституте.

При создании института на первый курс был принят 161 абитуриент. В 1937 г. состоялся первый выпуск молодых врачей в Дагестанском мединституте. Из 161 студента к экзаменам были допущены 86 человек (53,4%), а окончили институт всего 83 человека (51,5%).¹⁵ Национальный состав первых выпускников был следующий: русские – 47, дагестанцы – 9, евреи – 5, украинцы – 4, таты – 4, тюрки – 3, армяне – 3, немцы – 2, осетины – 2, кабардинец – 1, татарин – 1, эстонец – 1, грек – 1.¹⁶ И в последующие годы русские занимали подавляющее количество мест, как среди студентов, так и среди преподавателей (см. таблицу № 3). Всего из 861 студентов в 1938 году, представителей коренных национальностей Дагестана было 103 (11,9%).

Таблица № 1.¹⁷

Национальный состав студентов мединститута в 1938 году.

	I – курс	II – курс	III- курс	IV- курс	V – курс	Всего
Русские	162	133	115	80	59	549 (63,7%)
Украинцы	17	14	8	6	4	49 (5,6%)
Осетины	12	9	8	7	6	42 (4,8%)
Армяне	8	11	11	5	4	39 (4,5%)
Евреи	11	2	15	8	1	37 (4,2%)
Кумыки	3	2	3	7	10	25 (2,9%)
Лакцы	2	6	6	4	6	24 (2,7%)
Лезгины	4	7	0	5	6	22 (2,5%)
Таты	5	2	2	4	2	15 (1,7%)
Аварцы	2	1	3	1	5	12 (1,3%)
Даргинцы	1	0	2	0	1	4 (0,4%)

¹⁴ ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 4. Л. 22.

¹⁵ ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 27. Л. 45.

¹⁶ ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 57а. Л. 75.

¹⁷ ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 57а. Л. 30-72.

Соискатель Ибрагимов М.И.

Дагестанский Государственный Педагогический Университет

СОЗДАНИЕ ДАГЕСТАНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

Медицинский институт был открыт 80 лет назад, в годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1932 г. (хотя регулярные учебные занятия начались ещё 15 октября), согласно решению Северо-Кавказского Крайкома ВКП (б), решения объединённого ноябрьского (1931 г.) Пленума Даг. Коп. ВКП (б) и ДКК, решения Сессии Даг. ЦИК от 23.11.1932 г. и постановления Наркомздрава от 25 мая 1932 г., по согласованию с Госпланом РСФСР, за счёт Дагестанского бюджета с последующим включением в 1933 году в сеть вновь открываемых ВУЗов РСФСР и финансированием по госбюджету. При его открытии присутствовали представители Дагобкома партии, Совнаркома республики с участием делегатов Азербайджанского и Ростовского медицинских институтов. Помещение для учебных занятий и интерната (на 100 человек) было предоставлено Дагестанским правительством в большом четырёхэтажном здании «Вузовского городка» расположенного в 2,5 километрах к северо-востоку от города, за счёт некоторого уплотнения размещавшихся там – же Педагогического и Сельскохозяйственного институтов.

Для привлечения квалифицированного преподавательского состава было намечено сделать упор на шесть мероприятий по улучшению социально-бытовых условий персонала. «1. Обеспечить приезжих преподавателей жильём. 2. Наладить качественное и полноценное питание, с необходимым количеством белков и жиров для мозговой и физической работы учителей. 3. Снабдить их прочной обувью и тёплой одеждой по доступной цене, дабы приболевшие специалисты не прерывали процесс обучения. 4. Организовать бесперебойный проезд транспортом. 5. Не менее чем на два месяца (раз в два года) отправлять в научные командировки. 6. Предоставлять бесплатное курортное лечение».¹²

С самого начала мединститут был завален просьбами со всех концов Союза, от людей, желавших в нём обучаться. Заявления приходили из Ростова, Ставропольского края, Полтавской области и т.д. Чтобы быть принятым, нужно было соответствовать следующим критериям: возраст от 17 лет, знание русского языка и образование не менее девяти классов, а также заполнить анкету из 21-го вопроса, среди которых были и такие.¹³

Притом, что упор планировалось сделать на местные кадры, найти коренных жителей с нужным для поступления образованием оказалось не так просто. Оргбюро в лице М. Нахибашева просил Наркомздрав РСФСР, в виде исключе-

були проанализовані також документи, які регламентували становище іноземців у Речі Посполитій, проведений порівняльний аналіз окремих інститутів права слов'янських народів.

Отже, протягом XIX – початку XX ст. на основі безпосереднього аналізу значної за обсягом кількості зібраних документів і матеріалів почалось досить інтенсивне вивчення державного, суспільного, економічного та культурного життя Литовсько-Руської держави, але правова культура досліджувалась лише у контексті загального аналізу епохи. Робились деякі спроби узагальнити зібрані факти, але тодішній рівень розвитку теоретичної бази суспільствознавчих наук не дав змоги зробити висновки про характер та загальні тенденції розвитку української правової культури XIV – першої половини XVI ст.

Наступний етап вивчення питання пов'язаний з 20-ми роками XX ст. – періодом бурхливого розвитку українських науки і культури. До наукового обігу був офіційно введений термін «українське право», а друга пол. XIV – перша пол. XVI ст. стали розглядатися як литовський період розвитку української державності, права і культури.

Помітно зростає інтерес до українського звичаєвого права взагалі та звичаєвої культури зокрема; в цьому контексті в працях окремих вчених досліджуються деякі елементи звичаєвого права українських земель в період Великого князівства Литовського. З-поміж них слід відмітити як найбільш фундаментальну роботу М. Василенка «Матеріали до історії українського права».

Питанням правової культури приділив увагу Р. Лашенко в праці «Лекції по історії українського права». Він спробував дати цілісний огляд історії національної правової системи, правової культури та виявити загальні тенденції розвитку українського права литовської доби, показати його наступництво з правом Київської Русі.

Загальну картину розвитку українського права литовської доби відтворив М. Чубатий. Він довів, що правова система українських земель XIV – першої пол. XVI ст. розвивалася в напрямку, накресленому правовими традиціями Київської Русі.

Отже, характерною ознакою даного періоду вивчення історії права в українських землях Великого князівства Литовського є прагнення дослідників не тільки поглибити знання про окремі елементи правової культури, а й узагальнити і систематизувати зібраний попередніми поколіннями вчених фактичний матеріал, який стосувався саме правового поля. Більш високий рівень теоретичних положень правознавчих і суспільствознавчих наук дозволив вперше зробити деякі висновки про характер і тенденції розвитку українського права кінця XIV – першої пол. XVI ст., однак щодо впливу звичаїв і традицій на формування і розвиток української правової культури висновків зроблено не було.

Вивчення правової культури Великого князівства Литовського в 20-і – 30-і роки XX ст. тривало і в Польщі та Литві. Дослідження стосувалися студіювання дже-

¹² ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 4. Л. 6.

¹³ ЦГА РД. Р-512. Оп. 16. Д. 4. Л. 11.

рел права, зокрема, Статутів Великого князівства Литовського, визначення правового становища верств населення князівства, вивчення окремих галузей права.

Цікавим є науковий доробок польських дослідників історії правової культури Великого князівства Литовського. Як і в СРСР, у Польщі інтерес до права XIV – XVI ст.ст. активізувався в 60-і – 80-і рр. минулого століття. Праці Ю. Бардаха, Х. Ковалевича, В. Курашкевича, Х. Ловмянського, С. Касперчака, Є. Мулярчика стосуються джерел права Великого князівства Литовського, впливів на нього римського права, правового становища окремих верств населення князівства.

«Грамоты великих князей Литовских», «Законодательные акты Великого княжества Литовского XV – XVI веков», «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI ст.» містять міжнародні договори великих князів, грамоти містам про надання магдебурзького права, привілеї окремим категоріям населення і особам на особливу підсудність тощо. Ці документи допомагають визначити причини впровадження магдебурзького права у Великому князівстві Литовському.

Минеева Е.К.

*доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова,
РФ, г. Чебоксары*

К ВОПРОСУ О ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20-30-Е ГГ. XX ВЕКА

С распадом СССР в 1991 г. усилилось внимание зарубежных исследователей к национальной политике советской власти. Однако несколько слов по истории вопроса. Если в 1920-е гг. началось формирование самого объекта исследования, то в 1940-е гг. (после второй мировой войны) оформилось одно из таких главных направлений зарубежной историографии, как советология. Отметим, что в 1920-1940-е гг. на ней сказывалось влияние эмигрантской литературы, хотя отношение самого Запада к этим работам было неоднозначным. Дело в том, что историки «русской белой эмиграции» (П. Милюков, А. Керенский, Ф. Дан и др.), как правило, выступали против национальной политики советской власти, иногда используя в качестве доказательств факты из истории народов

За минувшие 20 лет российско-корейские связи получили стремительное развитие и охватили по сути все значимые сферы. Большую роль в этом сыграли встречи на высшем уровне. За период, прошедший со дня установления дипотношений, президенты двух стран встречались более 20 раз. Отношения с Республикой Корея являются одним из приоритетов российской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе [12: с. 11-14].

2010 год был объявлен годом празднования 20-летия установления дипломатических отношений между двумя странами.

Литература:

1. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Наука, 1979. – 140 с.
2. Пак Б. Д. Корейцы в Российской Империи (Дальневосточный период). М.: Издательский центр «Академия», 1993. – 220 с.
3. Булычев Г. Корейская политика России: попытка схематизации // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – №2. – С. 5-12.
4. Булычев Г., Кулькин Д. Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – №5. – С. 33-38.
5. Зона сотрудничества или потенциального конфликта? Дальневосточная граница в прошлом, настоящем и будущем // Независимая газета, 03.06.1994. – С. 5.
6. Курбанов С.О. Россия и Корея: Ключевые моменты в истории российско-корейских отношений середины XIX – начала XX столетий – М.: Ориент, 2000. – 240 с.
7. Маигов С. Роль государства в формировании инвестиционного климата в Республике Корея // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – №6. – С.111-115.
8. Международные отношения в Центральной Азии, Т. 1-2, М.: Наука, 1989-90, 374 с.
9. Отношения в новом мире. Категория «национальные интересы» и отношения в треугольнике Россия-США-Китай // Независимая газета, 25.11.1993.
10. Селищев А. Контакты русских и корейцев (1860-е годы) // Проблемы Дальнего Востока.- 2000.- №4. – С.128-135.
11. Хрестоматия по истории Дальнего Востока XVI-XIX вв. Владивосток: Дальневосточное кн. изд., 1997. – 419 с.
12. Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии.- Владивосток: Дальнаука, 2001. – 147 с.

Таким образом, с августа 1910 г. Корея исчезла с карт мира как независимое государство, став частью Японии. С этого времени можно говорить о прекращении де-юре российско-корейских отношений, которые перешли в русло российско-японских отношений, и только через них с Кореей. Однако институт Генерального консульства России в Сеуле сохранялся до 1925 г.

Японская оккупация Кореи продолжалась до 1945 г. Ни о каких дипломатических отношений в этот период времени между СССР и Кореей не могло быть и речи. После капитуляции Японии холодная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами привела к разделению Кореи на Северную и Южную. С Северной Кореей у Советского Союза было традиционно дружеские отношения. А вот с Южной Кореей были разные идеологии, две страны поддерживали только лишь минимальные отношения до распада Советского Союза [12: с. 31-38].

Нужно отметить, что Южная Корея пыталась наладить торговые отношения с Советским Союзом ещё до прихода к власти Михаила Горбачёва. Ещё в мае 1979 года, Южная Корея подписала соглашение с Финляндией, которая обязывалась оказывать помощь в поставке товаров в Советский Союз и Восточную Европу. Горбачев был сторонником иностранного капитала и высоких технологий, он также ожидал, что Сеул может помочь преодолеть экономический кризис Советскому Союзу через прямые вложения капитала, совместные проекты и торговые отношения.

В конце 80-х годов 20-го века, политика «Нордполитик» президента Республики Кореи Ро Дэ У и политика «Новое Мышление» Михаила Горбачева стали причиной постепенного сближения двух стран. Природные ресурсы в которых сильно нуждалась Корея в избытке имелись на Дальнем Востоке СССР. Торговля с Советским Союзом, Восточной Европой и Китаем также уменьшила зависимость Южной Кореи от США из-за новых рынков сбыта товаров [12: с. 41-43].

Развитие отношений между Москвой и Сеулом было запланировано в трех направлениях: спорт, торговля и политика. Сеульская Олимпиада 1988 года была большим ускорителем этого процесса. Более 6000 советских спортсменов отправились тогда в Южную Корею.

С увеличением торгового оборота, Сеул и Москва начали прямые торговые отношения используя торговые порты Владивостока и Пусана. Корейская организация развития торговли (KOTRA) и министерство торговли и промышленности СССР заключили торговый меморандум в 1988 году по сотрудничеству в торговой отрасли и основе торговых представительств в 1989 году. Корейское торговое представительство было открыто в июле 1989 года в Москве; советский офис в Сеуле открылся чуть ранее – в апреле 1989 года.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Республикой Корея были официально установлены 30 сентября 1990 года, а через два года был подписан договор об основах отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией.

регионов страны¹. В то же время злобный антикоммунизм эмигрантов далеко не всегда приветствовался зарубежными историками.

Некоторых исследователей, например, Л. Троцкого, А. Заки Валиди трудно определить как отечественных или зарубежных. Политики, покинувшие советскую Россию, постепенно превращаясь в представителей зарубежья, так и не смогли изжить российского влияния. Поэтому можно согласиться с мнением Б.И. Поварницына, который предложил классифицировать эту литературу не по принципу разделения стран, а по научным школам, развивавшимся как в Российской империи, затем СССР, так и в странах, давших эмигрантам приют: либерально-кадетской, лево-коммунистической и т.д.² Острой критике эмигрантская литература, касавшаяся национального вопроса в стране Советов, подвергла установление административных границ внутри РСФСР, положение, которое широко использовалось советологами. Вероятно, одной из причин слабого освещения данного вопроса в отечественной историографии, связано именно с тем, что ему уделялось особое внимание в литературе зарубежья. Сознывая рациональное зерно в критических позициях, но, не имея возможности объективно высказаться на этот счёт (господствовала идея абсолютной правильности советской национальной политики), отечественные историки не актуализировали данную проблему.

Надо отметить, что в 1920-1940-е гг. крупных исследовательских работ зарубежной историографии было опубликовано немного (А. Ярмолинского, У. Бэтселла, Б. Хоппера, К. Ламонта и др.). В основном в них подчёркивался этнический характер федерации советского типа, а также приводились рассуждения об опасности проводившейся в Советском государстве коренизации³. Все историки отмечали руководство Коммунистической партией процессами, происходившими в СССР. В отношении партийных организаций на местах преобладавшим было мнение о том, что они не пользовались авторитетом у этнического населения. Холодная война усилила антисоветизм западной историографии, в которой (1950-1980-е гг.) господствовали взгляды Р. Конквеста, З. Бжезинского, Н. Хазарда.

В отличие от многих советологов, в работах Р. Пайпса, Э. Кара прозвучавшие идеи о зависимости национальной политики от политических процессов, происходивших в Советской стране, опирались на историко-этнографический материал. Однако аргументированные ими выводы были восстановлены в литературе, лишь начиная с рубежа 1980-1990-х годов. С. Зеньковский обратил внимание на противоречивость установок государства, требовавшего при создании автономий в РСФСР придерживаться этнического принципа, и его реализацией на практике. Поэтому вывод исследователя о невозможности титульного народа влиять на

¹ См.: Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.

² Поварницын Б.И. Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию // Историография сталинизма. М., 2007. С. 392.

³ Там же. С. 395-396.

политику автономии звучит с точки зрения современных исследований вполне объективно. Одним из характерных явлений западной литературы была попытка разделить национальную политику периода сталинизма на два этапа: коренизации и элементов демократии в ней (до середины 1930-х гг.) и русификации (до 1953 г.). Доминирующей в литературе 1940-1980-х гг. стала идея русского шовинизма через партийные органы власти. Интерес западных исследователей к Народному комиссариату по делам национальностей (Наркомнацу), претворявшего в жизнь в первые годы советской власти основные идеи нормативно-правовых актов в сфере национальной политики, был крайне незначительным, несмотря на внимание к личности Сталина.

Главный вывод западной историографии в отношении комиссариата связан с именем его наркома. Например, американский учёный С. Бланк рассматривал Наркомнац в качестве колыбели, вырастившей диктатора⁴. Сталин именно в этом учреждении провёл свой первый политический процесс против «врагов народа». В 1923 г. известный революционер, активный работник Наркомнаца Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев был освобождён от всех занимаемых должностей, позже арестован и расстрелян в 1940 году⁵. События 1923 г. доказали, что будущие репрессии имели свои истоки уже в первые годы существования Республики Советов, а Наркомнац, возглавляемый Сталиным, использовался им для укрепления личной власти.

В то же время, мы погрешим против истины, если сведём роль Наркомнаца лишь к послушному орудию в руках наркома. Целый ряд факторов, в том числе даже редкое (не более 15 – 16 раз за все годы существования комиссариата) участие Сталина в заседаниях коллегии комиссариата свидетельствует об узости и тенденциозности взгляда американского исследователя. Но и в случае отхода от чисто формальной позиции, памятуя о том, что нарком оставался руководителем данного органа власти и реально его действующим лицом, не следует так односторонне оценивать многогранную деятельность наркомата. Существование особого института, «строптивного органа» в начале 1920-х гг., наоборот, начинало мешать укреплявшемуся во власти Сталину. Став в 1922 г. генеральным секретарем партии, он уже не нуждался в подобном учреждении, что и явилось одной из причин упразднения комиссариата.

В западной литературе 1990-2000-х гг. наметился отход от советологии, переход к объективному рассмотрению национальной политики советской власти (А. Каппелер, Э. Каррер д'Анкосе, С. Коэн, М. Малиа, Р. Сьюни). Открытие государственных границ России, расширение круга рассекреченных источников, возможность пользоваться ими непосредственно в архивах РФ обусловили данные перемены. Интересной в этой связи является монография профессора

⁴ Blank S. The Sorcerer as Apprentice. Stalin as Commissar of Nationalities 1917 – 1924. Westport, 1994.

⁵ См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9 – 12 июня 1923 г. (Стенографический отчёт). М., 1992.

дав обещание подробнее разобраться в экономической ситуации в Корее и подумать насчет возможности выделения необходимых денег.

В декабре 1897 г. был учрежден Русско-Корейский банк, просуществовавший до 1901 г., который, по замыслу учредителей, должен был стать стержнем финансовой политики корейского правительства.

1897 г. стал знаменательным также и в сфере культурных отношений между Россией и Кореей. С осени 1897 г. на факультете Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета впервые в России стал преподаваться корейский язык. Обучение языку велось вплоть до 1917 г.

Но уже в 1898 г. показал, что российско-корейское сближение поддерживали далеко не все корейцы, не говоря уже об иностранных государствах, претендовавших на известное влияние в Корее (Япония, Англия). В феврале 1898 г. «Общество независимости» при содействии работников английской и американской дипломатических миссий организовало митинг, на котором была зачитана петиция императору Кочжону, осуждавшая «иностранное», то есть российское «вмешательство» в дела Кореи. В это время Россия не имела целей добиться преобладающего влияния в Корее и 23 марта 1898 г. российские военные инструкторы покинули Сеул [7: с. 111-115].

25 апреля 1898 г. между Россией и Японией было подписано соглашение, признававшее независимость Кореи и обязывавшее обе державы воздерживаться от вмешательства в ее внутренние дела. Однако в действительности экономическое и политическое влияние Японии стало неуклонно расти при сокращении влияния российского.

В 1903 г. противостояние России и Японии на Дальнем Востоке достигло такого напряжения, что вызвало активизацию российско-японских переговоров по дипломатической линии. Важнейшим вопросом их было разграничение интересов России и Японии в Корее. Однако, вследствие непримиримости позиций двух держав, к началу 1904 г. переговоры зашли в тупик и 6 февраля 1904 г. японский посланник в Петербурге Курино официально заявил о разрыве дипломатических отношений, а 8 февраля 1904 г. у берегов Кореи близ порта Инчхон началась русско-японская война.

Русско-японская война, закончившаяся 5 сентября 1905 г. подписанием в США Портсмутского мирного договора, юридически закреплявшего поражение России в войне, определила совершенно иную расстановку сил в Восточной Азии [11: с. 41-45].

Россия окончательно потеряла свое влияние на Дальнем Востоке. Корея вышла из сферы политических интересов России. Кроме того, сама Корея уже в первый год русско-японской войны начала терять свою независимость, все более подчиняясь Японии, постепенно становясь ее колониальным владением. Русско-японское политическое соглашение от 4 июля 1910 г. фактически признавало право Японии на присоединение Кореи.

Ровно через 10 лет отношения между Россией и Кореей претерпели значительные изменения.

15 февраля 1894 г. в провинции Чолла разгорелось крестьянское восстание, впервые в истории Кореи имевшее свою собственную идеологию – религиозное учение «тонхак» («восточное учение»). Под предлогом защиты своих граждан Япония перебросила в Корею войска. 25 июля 1894 г. Япония начала боевые действия против китайских войск, находившихся на территории Кореи и 1 августа объявила Китаю войну. Единственное крупное японо-китайское столкновение на территории Кореи произошло под Пхеньяном и закончилось поражением китайских войск. 17 апреля 1895 г. был подписан Симоносекский мирный договор, по которому Китай отказывался от своего традиционного покровительства над Кореей [3: с. 5-12].

А Япония еще до окончания войны фактически начала брать Корею под свой контроль. Уже с середины 1894 г. под давлением Японии в Корею начали проводиться реформы в сфере экономики и социально-политического устройства, направленные на лучшее приспособление Кореи к будущей колониальной экспансии.

2 февраля 1896 г. российскому поверенному в делах К. И. Веберу была передана записка от правителя Кореи – короля Кочжона, с просьбой позволить ему переехать в русскую дипломатическую миссию. Получив разрешение, 22 февраля 1896 г. король вместе с наследником престола перебрался в российское посольство, где он находился ровно год. Переезд короля Кочжона в русскую дипломатическую миссию, естественно, означал усиление влияния России с одновременным ослаблением позиций Японии в Корею [5: с. 5].

Почему король Кочжон выбрал Россию в качестве страны, на помощь которой рассчитывал? К концу XIX столетия Корея оказалась настолько слаба, что не могла защитить себя сама. Войска соседних стран, Японии и Китая, могли беспрепятственно высаживаться в Корею. Для защиты трона и государства у короля Кочжона не было иного пути кроме как обратиться к какой-либо иностранной державе. Но никакая другая страна не могла быть заинтересована в защите Кореи так как Россия, потому что Россия была соседним с Кореей государством и ей было невыгодно усиление Японии на своих восточных рубежах.

Весной 1896 г. Корею представилась возможность вести прямые переговоры с российским правительством, когда король Кочжон получил официальное приглашение отправить в Москву делегацию для участия в коронации Императора Николая II. Приглашение было принято. Основным предметом обсуждения на переговорах были 5 вопросов: об отправке в Корею русских военных инструкторов; о назначении в Корею русских советников; об организации охранной гвардии короля; о соединении сибирской телеграфной линии с северной корейской и оказании помощи в строительстве телеграфных линий; о выделении Корею займа в размере 3-х миллионов йен для погашения долга Японии [6: с. 13-14].

Итоги переговоров были достаточно результативными, несмотря на то, что от немедленного предоставления займа российское правительство отказалось,

Венского университета Андреаса Каппелера⁶. По мнению самого автора, «эта книга является первой попыткой дать общую картину истории России как многонациональной державы»⁷.

Прежде всего в отношении терминологической дискуссии по поводу нации он считает, что «это не вечный феномен, а продукт модернизации, у которого есть начало и, по-видимому, конец»⁸. Используемый в работе фактический материал позволил учёному поставить ряд вопросов, ранее слабо освещавшихся в историографии, сделать новые выводы, например, об имперском характере как Российской империи, так и Советского государства. Особого внимания заслуживает взгляд профессора Венского университета на государственную задачу удержания власти и сохранения стабильности границ, вызывавшей потребность формирования пространства для развития отдельных этносов. Можно согласиться с историком в том, что империи были наднациональными и толерантными, что национальная политика советской власти в 1920-е гг. отличалась не запрограммированностью, а стремлением снять очаги напряжённости среди нерусских народов, отсюда – процессы коренизации, которые вынуждена была претворять в жизнь Республика Советов. Несмотря на достаточную источниковую базу, на которую опирался автор, вероятно, все же сказалось отсутствие, что совершенно естественно в данном случае, взгляда исследователя изнутри. Во второй половине 2000-х гг. Каппелер активно выступал с лекциями в России, в том числе вузах Республики Татарстан и Чувашской Республики. В последнее время, о чем свидетельствуют беседы с ученым в 2011 г., он намерен написать серьезный труд по такому национальному региону, каковым является Чувашия.

Во второй половине 1990-х – 2000-е гг. в западной литературе получило распространение направление, рассматривающее Советский Союз в качестве «империи позитивного действия» в противоположность господствовавшей ранее точке зрения на распад СССР как исторически неизбежный конец «Советской империи»⁹. Так, основываясь на теоретических концепциях Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хроха, специалисты по СССР Р. Брубейкер, Д. Лейтин, Р. Суни пришли к выводам о противоречивых последствиях конструирования социалистических наций, огосударствления этничности. Аргументированным, на мой взгляд, является вывод Т. Мартина о том, что советская власть, создавая автономии, поддерживая развитие национальных культур, проводила «масштабный и удивительный исторический эксперимент в управлении многоэтническим государством»¹⁰. Импонирует и взгляд С. Коэна, по которому отста-

⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М., 2000.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ См.: Казанский госуд. университет. Пресс-центр, 2008 // <http://www.ksu.ru/php?id=4212>

⁹ См.: Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трёх западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 140.

¹⁰ См.: Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей. // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 597.

лы республики подверглись модернизации во многом за счёт диверсификации экономики¹¹.

Таким образом, зарубежная историография по национальной политике советской власти в 1920-1930-е гг. свидетельствует о слабой изученности проблемы в целом и вопросов становления национально-территориальных автономий, деятельности в данном направлении советских институтов власти, в частности. Анализ показывает, что существует потребность в совместных между отечественными и зарубежными исследователями дискуссиях, поскольку взгляд на проблему извне и изнутри может способствовать дальнейшей ее объективной оценке. Рассматривать тему лишь в одном ключевом направлении, в свете декретирования автономных единиц и их институционализации, как в основном делалось в предшествующей отечественной литературе, в современных условиях явно недостаточно. К вопросам, требующим последующего осмысления в рамках интересующей проблемы, следует отнести: Наркомнац РСФСР и его национальные отделы, экономическое районирование и участие в них автономий, культурно-национальная автономия и административно-территориальное деление страны, установление административных границ автономных образований, процессы коренизации и политика советской власти по развитию этнотерриториальных групп в 1920 – 1930-е годы.

Картаева Таттигуль Ерсайиновна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии КазНУ им. Аль-Фараби.

«ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» – ПЕРВАЯ ГАЗЕТА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

11 июля 1867 года согласно «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Его первым генерал-губернатором К.П.Кауфманом для всестороннего изучения этого края был привлечен целый ряд ученых-исследователей из России, а также задействованы представители местной науки [1]. Для объединения трудов и наблюдений этих научно-литературных сил К.П.Кауфман поддержал предложение известного статиста края С.А.Идарова организовать официальный орган [2].

По приказу №75 военно-народного управления Туркестанского генерал-губернаторства от 6 ноября 1869 года была основана газета «Туркестанские ведомости» (далее – ТВ – Т.К.). Для организации газеты и необходимой для ее изданий типографии требовалось много трудов и времени. Вся эта ответствен-

¹¹ Коэн, Стивен «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза. М.-СПб., 2007. С. 67-68.

Литература:

1. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902. – СПб., 1902
2. Свод законов Российской Империи. Т. XI. Санкт – Петербург 1911
3. Иванов А.Е. Высшая школа России в кон. XIX – нач. XX вв. М.1991
4. Ефремова Н. П. Первые шаги русских женщин к высшему образованию. //Вопросы истории.1983. №5
5. Федосова Э.П. . Бестужевские курсы – первый женский университет в России. М.1980

Хамзин С.Н.

Тихоокеанский государственный университет, Россия

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Первые данные о налаживании официальных отношений между Россией и Кореей датированы второй половиной 19-го века. В середине 19-го века были установлены общие границы между Россией и Кореей по нижнему течению реки Туманган. Маркировка границы была проведена в 1861 г. Первые контакты между двумя странами вызвали интенсивную корейскую иммиграцию в Россию. Благодаря этому в России появились представители еще одной национальности – корейской. В конце 20-го века численность корейцев в России достигла почти 450 тысяч, при этом 100 тысяч из них проживало на российском Дальнем Востоке. Помимо корейского переселения в Россию, второй значимой составляющей российско-корейских контактов в период до заключения дипломатических отношений была приграничная торговля [1: с. 27-28].

Появление общих границ между Россией и Кореей совсем не означало того, что между двумя странами были установлены официальные дипломатические отношения. Но к 80-м годам 19-го века появилась объективная необходимость законодательного оформления отношений между двумя странами. К этому времени и сама Корея была готова к ведению диалога с Россией. Важным фактором готовности Кореи к установлению дипломатических отношений с Россией явилось начало социально-экономических реформ, проводившихся отчасти под влиянием Японии [10: с. 128-135].

В результате длительной подготовительной работы российской дипломатии 7 июля 1884 г. Карл Иванович Вебер и министр иностранных дел Кореи Ким Бёнси всё-таки подписали договор между Россией и Кореей. Договор между Россией и Кореей был ратифицирован 14 октября 1885 г. В 1886 г. в Сеуле открылась русская дипломатическая миссия [2: с. 3-4].

было вынуждено считаться с мнением и инициативой общественности, требовавшей организации специальных учебных заведений, в том числе гуманитарных. Выделенные в самостоятельные подразделения историко-филологические факультеты подчинялись общеуниверситетским постановлениям.[1, 294.]

В каждом университете полагалось четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. В Санкт – Петербургском университете существовал особый факультет восточных языков. [2, 46.]

Университетское образование в конце XIX представляло собой сложившуюся систему, хотя в ней были нерешенные проблемы, вызванные частой сменой правительственного курса.

Профессорско-преподавательский корпус пополнялся за счет тех выпускников высших учебных заведений, которые защитили магистерские и докторские диссертации или же, не обладая учеными степенями, были известны своими научными публикациями и научно-практическим опытом.[3, 181.]

С 1870 г. начали создаваться первые женские курсы, работавшие по программе мужских гимназий. С 1876 г. открывались высшие женские курсы в университетских городах с расширенной программой.[4, 74.]

Ведущее место среди них принадлежало Бестужевским курсам, открытым Санкт – Петербурге в 1878 г. Они являлись учебным заведением университетского типа.[5, 55.]

Высшие женские курсы действовали с перерывами, напрямую связанные с правительственной политикой в области высшего женского образования.

С развитием науки, с процессами изменения общества в России, роль женщины и ее статус стал в обществе усиливаться с каждым годом все сильнее, а так как образовательные учреждения в России делились на мужские и женские, то русское общество в ходе своего развития во второй половине XIX века подошло к вопросу о создании высших женских курсов, чтобы предоставить женщинам высшее университетское образование.

Несмотря на все усилия, развитие и рост женского высшего образования в силу консервативной политики правительства встречали на своем пути массу препятствий, которые оно медленно, но все же преодолевало, показывая всему обществу свою перспективность, тем самым, заставляя правительство идти на открытие Высших женских курсов в других крупных университетских городах Российской империи.

Конец XIX века и начало нового XX столетия, вплоть до 1917 г., – один из важнейших, переломных этапов в развитии отечественной высшей школы, что определяется его особым историческим местом между старым и новым временем в русском образовании. Именно на этот период пришелся наивысший взлет отечественных университетов, обеспечивший эпохальное наступление русских на всех направлениях научно-технического и культурного прогресса.

ность лежала на первом редакторе газеты штабс-капитане Н.А.Маеве и его помощнике, титулярном советнике А.К.Лазареве. Они были командированы в Санкт-Петербург для закупки принадлежностей газеты и приобретения необходимых практических навыков [3]. На эти подготовительные работы ушел почти целый год. В марте 1870 года Н.А.Маев и А.К.Лазарев возвращаются в Ташкент. И 28 апреля (10 мая) 1870 года выходит первый номер официальной газеты ТВ, отпечатанный в Ташкентской типографии военно-окружного штаба. Газета значительно отличалась от издававшихся в то время губернских и областных ведомостей. В Туркестане газета редактировалась военными, состоящими в распоряжении генерал-губернатора [4].

В издании «Ведомостей» правительство преследовало вполне определенные цели. Печатное слово необходимо было прежде всего властям Туркестанского генерал-губернаторства для проведения и распространения их политики на местах, для русификации местного населения, а также для распространения грамоты и просвещения, нужда в которых диктовалась экономическим и политическим развитием края.

Таким образом, печатное слово в Туркестане возникло во второй половине XIX века как новое и мощное оружие классовый, идеологической и политической борьбы, как средство решения важнейших задач русского государства. Появление ТВ было одним из элементов колониальной политики Российской империи. Перед генерал-губернатором К.П. Кауфманом и царским правительством была поставлена цель, прежде всего, открыть «...широкий и легкодоступный путь вглубь Средней Азии». Иными словами, задача состояла в том, чтобы максимально облегчить колониальное освоение занятых земель, а также « дать возможность каждому следить, как постепенно совершается огромный труд – водворение гражданского порядка, цивилизации и полной народной безопасности в стране, столь долго находившейся под гнетом мусульманства и азиатского деспотизма» [5]. К.П. Кауфман отчетливо понимал, какую огромную помощь может оказать ему газета в решении этой задачи. Практически он и был главным редактором газеты в течение пяти лет ее существования. Только в 1874 году К.П.Кауфман разрешил редактору Н.А.Маеву докладывать ему лишь о наиболее важных материалах, предназначенных к помещению в газете. Доклады эти происходили еженедельно по пятницам, т.е. за 4 дня до выхода номера, в 8 часов вечера, а иногда затягивались за полночь [6].

Газета печаталась с 1870 до 1873 года в типографии окружного штаба, а с 1873 года – в типографии при канцелярии генерал-губернатора. В течение первого года издания было выпущено всего 17 номеров в форме 1,5 печатных листов. Но уже с 1871 года установился нормированный выпуск газеты – еженедельно по вторникам. С 1893 года газета выходила два раза в неделю – по воскресеньям и четвергам, с № 9 от 3-го декабря 1903 года – 3 раза в неделю, с № 90 от 2-го марта 1904 года – четыре раза в неделю, с 3 июля 1907 года стала выходить ежедневно, кроме послепраздничных дней.

В 1911 году с 16 апреля по 1 августа выходили вечерние выпуски ТВ. В нем печатали экстренные, утренние, дневные и вечерние телеграммы, приказы и объявления от генерал-губернаторства. Последний номер ТВ вышел в свет 15 декабря 1917 года. За 48 лет существования газеты было выпущено 6406 номеров. В связи с тем, что в основном коренное население не владело русским языком, число подписчиков возрастало очень медленно. Поэтому выходило 225-300 экземпляров в год, и только в 1899 году тираж ТВ достиг 1050 экземпляров, а с 1909 года – 3000 экземпляров. Подписка на газету производилась в конторе редакции в Ташкенте, в книжном магазине А.О.Базукова и С.В.Звонарева в Санкт-Петербурге и в книжных магазинах И.Г.Соловьева в Москве, Шанина – в Оренбурге.

По рапорту редактора от Главного Интендантского управления было выделено денежное средство на содержание газеты. Каждый раз после получения содержания редактор составлял отчет генерал-губернатору на расходы по изданию [7].

Под руководством К.П. Кауфмана царскими чиновниками из министерства внутренних дел была составлена программа газеты. В официальном отделе газеты помещались все правительственные меры, относящиеся к Туркестанскому генерал-губернаторству: распространения приказов и объявлений, истекающих от генерал-губернаторства, объявления и сведения от штабов окружных и областных правлений, интендантского управления. Сюда же входили репортажи о военных действиях, сведения о передвижении войск, о дипломатических сношениях генерал-губернатора с недавними ханствами Средней Азии, а также сообщения Аральской флотилии, сведения о военно-инженерных, общественных работах, горном деле, обзоры топографических работ, казенные договоры и т.д. В том же отделе газеты были помещены в кратком перечне правительственные распоряжения и указания России.

В состав неофициального отдела входили научные статьи и заметки, касающиеся истории, географии, этнографии и статистики Туркестанского края, а именно: заметки о геологическом строении горных масс Азии, о местной флоре и фауне, об этнографических особенностях кочевых и оседлых народов Туркестанского края, о местных сказаниях и поверьях, о торговой и промышленной деятельности населения Туркестанского края, данные относительно торговли России со Средней Азией, метеорологические наблюдения, заметки об общественной жизни в городах Туркестанского края, справочные листки, библиографические известия о вышедших книгах, картах и планах, касающихся Туркестанского края и стран Средней Азии [8].

В отделах «Известия», «По краю», «Иностранные известия», «Местная хроника» сообщались новости, отдел «Санкт-Петербург» освещал отдельные эпизоды из жизни столицы. В отделе «Фельетон» иногда публиковалась переводная литература, повести, рассказы. «Печать о Средней Азии» давала краткий обзор периодической печати России и других стран, например, обзор газет

сии, то уже к концу XIX века эти центральные университеты не могли полностью обеспечивать потребности стремительно развивающихся окраин огромной Российской империи.

Система высшего образования в стране была централизована, следовательно, вузы подчинялись основным направлениям государственной политики и зависели от политического курса правительства.

Острая необходимость в первоклассных специалистах заставила говорить губернаторов и правительство России о необходимости открытия высших учебных заведений на окраинах, что даст возможность молодежи данных регионов, не отрываясь от родных мест, получать одинаковое образование вместе со столичными университетами. Исходя из создавшейся ситуации, появление высших учебных заведений на юге страны было только вопросом времени.

В период второй половины XIX до начала XX вв. отношение к науке, как и к высшей школе, претерпело существенные изменения. Во время реформ Александра II одним из главных преобразований был Университетский устав 1863 г., согласно которому взаимоотношения преподавателей и студентов, вузов и правительства становились более демократичными.

Следующий поворот в политике самодержавия произошел в 80-е гг., когда многие либеральные достижения устава 1863 г. были аннулированы университетской контрреформой 1884 г.

Устав 1884 г. строго регламентировал учебно-воспитательный процесс в университете. Профессорско-преподавательский состав теперь подчинялся университетскому начальству и министерству народного просвещения. Все вузы исторического профиля России основной упор делали на практические занятия. Была введена система специальных курсов на исторических отделениях историко-филологических факультетов и предметная система учебного процесса. Однако полностью на практике новый устав не был реализован и фактически был восстановлен порядок, действовавший в соответствии с уставом 1863 г.

Преобразования, проводимые Александром II, затронули и систему народного просвещения. Благодаря деятельности либерального министра А.В. Головнина, в России была начата университетская реформа, коснувшаяся и высшего образования российских женщин. Во многом преобразования стали возможными потому, что в стране развернулось широкое общественное движение в поддержку получения женщинами полноценного высшего образования. В этом движении активно участвовали не только либерально и демократически настроенные государственные деятели, профессора университетов, публицисты, но и сами женщины, стремившиеся к образованию.

На пути к своей цели они нередко наталкивались на большое сопротивление со стороны консервативных правительственных и общественных кругов.

Учреждение новых университетов с историко-филологическими факультетами и историко-филологических институтов не удовлетворяло потребностей в гуманитарных кадрах ни в количественном, ни в качественном отношении. Правительство

вершенности экономической модернизации России, Чехии, Польши, Болгарии, Сербии и др. У славян много общего в истории XX в.: борьба с фашизмом во время второй мировой войны, включая деятельность Всеславянского комитета (создан в 1941 г. в Москве), вхождение в «социалистический лагерь» с экономической интеграцией в рамках СЭВ и военно-политической – в рамках ОВД. Современные, реальные и взаимовыгодные перспективы расширения культурных и политических контактов дополняются панславистской утопией относительно обладания славянскими народами «высшими духовными ценностями» и их мессианской ролью в решении глобальных проблем человечества. От этой «исторической миссии» коротким оказывается путь к лозунгу культурного, экономического, военного и политического Славянского союза во главе Россией, вписанного, скорее, в геополитические иллюзии, чем в реалии конструктивного сотрудничества. Потенциал российской цивилизации в современном мире нередко рассматривается с позиций имперского возрождения и тогда панславизм, как и в XIX в., выходит за рамки добровольного сотрудничества и приобретает откровенно политический контекст, восходящий к лозунгам о «руководящей роли» России или «старшем брате».

Литература:

1. Приложение. Заявление съезда славянских народов Белоруссии, России, Украины// Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. – М., 2002.

Походеева Л.А., Скворцова Г.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Обращение к истории высшего образования в России во второй половине XIX века актуально не только как восстановление исторической памяти, но и как творческое переосмысление огромного опыта социально-педагогической и этической практики, накопленного в дореволюционный период, использование его с учетом нынешней реальности, особенно в свете нынешних реформ.

Чем больше Российская империя накапливала и расширяла свой научно-интеллектуальный багаж знаний, тем больше в стране вставала потребность в образованных управленческих кадрах, тем отчетливее становилась необходимость формирования новых высших учебных заведений. Постепенно правительство стремилось обеспечить потребности страны в специалистах различных направлений науки и техники. Если с началом развития высшего образования большинство вузов страны открывалось в крупных городах центральной Рос-

«Каспий», «Одесса», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Оренбургская газета», «Times», «Pioner mail» и т.д.

В коротких сообщениях, помещенных в разделе «Известия и заметки», имелись ценные сведения об истории материальной культуры народов Средней Азии. В них рассказывалось об археологических находках, открытиях исторических памятников.

Большое внимание газета уделяла вопросам развития промышленности в крае. В газете систематически помещались статьи по улучшению сортов среднеазиатского хлопка и риса, развитию пчеловодства, табаководства, что являлось одной из главных целей хозяйственно-экономической политики русского государства в крае. Многочисленные статьи и заметки давали описание производительных сил Туркестанского края, состава населения, его численности и занятий. Газета часто публиковала торговое обозрение. Освещалась также культурная жизнь переселенцев, были заметки об их взаимоотношениях с местными народами.

В ТВ публиковались материалы об этнических процессах казахского народа, о происхождении слова «казах», сведения о расселении родов. Статистические, этнографические, этнодемографические статьи газеты насыщены историческим материалом, который является ценнейшим источником для исследования проблемы этногенеза казахского народа. Следует отметить, что газета уделяла большое внимание теме общественно-политического строя и социальной структуры казахской общины.

На страницах газет из номера в номер печатались материалы о казахском хозяйстве. В них была дана характеристика состояния казахского кочевого и полукочевого скотоводства, подробно говорилось об умении казахов рационально использовать пастбища и луга, о пути кочевков в разных регионах, о традиционных способах ведения хозяйства. Всесторонне освещалось в газете развитие казахского земледелия, переход казахов от кочевого к оседлому образу жизни. В этих статьях описываются примитивные ирригационные сооружения, методы обработки пашни и уборки урожая. А в статьях, посвященных вопросам занятия казахов рыболовством и охотой, описываются традиционные орудия труда, разные методы рыболовства и охоты.

Ряд материалов, посвященных этнической культуре казахского народа, дает наиболее концентрированное представление о традиционной, материальной и духовной культуре казахского народа. Рассматриваются вопросы о таких этнографических особенностях культуры кочевых и оседлых народов, как жилища, пища, обычаи, верования, народные сказания и поверия, религия, семейно-брачные отношения казахского народа.

Многие сотрудники и корреспонденты газеты весьма серьезно изучали этнографию казахского народа. Среди них следует назвать Н.А.Маева, Г.С.Загряжского, Г.А.Арандаренко, Е.Александрова, А.Диваева, Ш.М.Ибрагимова. «Туркестанские ведомости» в годы своего существования превратились в некоторой степени в своеобразный этнографический орган.

В течение первых 37 лет газета неуклонно шла одной прямой дорогой, став целью своего существования изучение Туркестанского края во всех отношениях. Со второй половины 1909 года газета изменила и наружный вид, и свое внутреннее содержание, все более склоняясь к типу провинциальных газет. На страницах помещались стихи, рассказы, поэмы, фельетоны, анекдоты. До №20 1917 года «Туркестанские ведомости» были официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства. После февральской буржуазной революции, с 25 января (7 февраля) до 17 (30) апреля 1917 года газета временно остановила свое существование. С 17 апреля 1917 года ТВ становится официальным органом Ташкентского Исполнительного Комитета, а с 25 апреля – Туркестанского Комитета Временного Правительства. С 9 ноября 1917 года газета стала органом Туркестанского краевого Исполнительного Комитета, с 1 декабря – Совета народных Комиссаров Туркестанского края.

Большой вклад в дело развития газеты сделал ее первый редактор Н.А. Маев, бывший во главе газеты с 16 ноября 1869 года по 4 ноября 1892 года. Его одновременно замещали С.Баумгарт и М.Грулев. Редакторскую эстафету продолжали: С. А. Геппенер – с 22 апреля 1900 года по 29 мая 1901 года, которого одновременно замещали М.Грулев, С.Баумгарт, С.Геппенер; Н.Г.Маллицкий – с 5 ноября 1901 года по 9 января 1907 года, которого замещали Е.К.Михайловский, И.Филиппов; Е.К. Михайловский – с 11 января 1907 года по 22 августа 1909 года (его замещал И.Филиппов); М.В.Левин – с 22 августа 1909 года до конца 1914 года, его одновременно замещали Е.Михайловский, И.Филиппов, К. Прединский, А.Орел, И.Д. Пчелко. С 1914 г. по 1916 г. редактором был А.Скворцов, с №1 1917 года – В.П. Наливкин; с №87 – А.Л. Липовский; с №162 – В.С. Ельпатовский; с №166 – В.П. Наливкин; с №209 – И.Е. Бельков, с №235 – В.Л. Подпалов; с №247 – Ф.Колесов [9].

В газете принимали активное участие ученые с мировым именем Н.А. Северцов, А.П. Федченко, И.В.Мушкетов, В.В.Бартольд, Л.С.Берг, а также многие другие исследователи, которые внесли серьезный вклад в изучение и развитие края. Над газетой работали лучшие интеллигентные силы молодой окраины, такие как А.Г. Арандаренко, А.П. Хорошкин, Д.Л. Иванов, В.Ф. Ошанин, Н.Н. Пантусов, Н.В. Дмитриевский, М.Н. Ростиславов, А.Л. Кун, Н.Ф. Петровский, Л.Ф. Костенко, А.Д. Гребенкин, Ш.М. Ибрагимов, Саттархан Абдул-Гафаров, П.М. Зенков, Н.С. Лыкошин, Н.П. Остроумов, О.А. Шкапский, А.Е. Снесарев, В.Л. Вяткин, А.А. Диваев и другие.

Целый ряд интересных статей на страницах этой газеты поместил лидер казахской интеллигенции А.Букейханов. Он публиковался под псевдонимами Киргиз, Туземец, Степняк, Туркестанец, Туркестанцов. Также отличается участие национальной политической элиты – С.Лапина (Л.С-ъ), А.Байтурунова (Наблюдатель), Б.Майлина (Око).

панслависты второй половины XIX века. Просуществовав довольно длительное время, «сталинская модель» рухнула в результате политики начатой М.С. Горбачевым и благополучно завершённой первым Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным. В свою очередь, распад советской системы повлек за собой изменение мирового баланса сил в пользу атлантической цивилизации. В этих условиях на первый план вновь была выдвинута проблема сохранения славянской этнокультурной идентичности, решение которой многие политические и общественные деятели увидели в образовании единого геополитического, геоэкономического и даже геокультурного пространства. Об этом свидетельствует целый ряд фактов. Так, например, Югославский кризис, первым этапом которого можно считать военные действия в Сербской Краине (1991 г.) и Боснии (1992 г.), способствовал возрождению Русского Добровольческого движения. В 1994 г. сербское правительство официально поддержало идею создания Комитета Русских добровольцев, преобразованного впоследствии в Союз Добровольцев. Последний стал неформальным представительством России в Сербии. В этом же году была основана и Международная ассоциация славянских вузов. Подписание в 1995 г. Дейтонского соглашения об урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине ознаменовало окончательный переход к «новому мировому порядку», под которым принято понимать положение в международных отношениях, установившееся после окончания «холодной войны». Несогласие славян с перспективой американского доминирования в мире нашло отражение, в частности, на Всеславянском конгрессе в Праге (1998 г.), приуроченному к 150-летию первого аналогичного съезда. Показательно, что не осталась в стороне от этих процессов и Русская Православная Церковь (РПЦ). 20 мая 1998 г. предстатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит смоленский и калининградский Кирилл от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II направил председателю Международного оргкомитета Всеславянского съезда генералу Н. Кикешеву послание, в котором говорилось, что РПЦ готова поддержать любую инициативу, способствующую сближению и укреплению межславянских связей.

Состоявшаяся в июне 2001 г. Встреча лидеров России, Украины и Белоруссии, результатом которой явилось подписание соглашения об экономическом сотрудничестве в плане введения на территориях вышеуказанных государств единой денежной единицы – рубля, была воспринята прославянскими кругами как первый крупный шаг в панславистском направлении. Параллельно с ней проводился съезд Славянских народов России, Украины и Белоруссии, поставивший своей главной задачей «развитие единых духовно-нравственных основ и принципов организационного сплочения триединого народа», а также «воссоздание политического единства восточных славян – носителей могучей и самобытной цивилизации» [1, с.193].

Таким образом, истоки и потребность в общеславянской консолидации лежат не только в нерешенности социальных и политических проблем, в неза-

рой группы, если в семье при 1 трудоспособном имелись дети в возрасте до 8 лет, инвалиды первой и второй группы при наличии 5 и более детей до 16 лет.

В настоящее время проблема экономическо-социального развития Казахстана в послевоенные годы практически не разработана. Но мнения ученых исследовавших данный вопрос в советскую эпоху и в наши дни существенно различаются. Так в советскую эпоху все рассматривалось как достижения государства, что подтверждало действенность существовавшей системы управления. Сейчас исследователи отмечаю недостатки и ошибки проводимой политики.

Литература:

1. Нейштат С.А. Экономическое развитие Казахской ССР. – Алма-Ата: Знание, 1960. – 112 с.
2. Кольцов В. Темпы и пропорции развития промышленности Казахстана. – Алма – Ата: Знание, 1970. – 236 с.
3. Кудров В. Крах советской модели экономики. – М.: Наука, 2000. – 223 с.
4. Баймагамбетов Д. Выход из кризиса. Животноводство в первые послевоенные годы // Мысль. – 2001.- №7. – С. 80-83.
5. Баймагамбетов Д. Трудовое и бытовое утстройство инвалидов ВОВ в послевоенные годы (1945-1955) //Мысль. – 2002.- №5. – С.84-87.

К.и.н. Григорьева А.А.

Восточно-Сибирская государственная академия образования, Россия

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАНСЛАВИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Актуальность темы панславизма и его региональных вариантов в Европе обусловлена общеисторическими и политологическими причинами. Процесс становления славянской государственности протекал сложно и крайне противоречиво, сталкиваясь со многими внутривосточными и внешнеполитическими проблемами, что в полной мере отразили идеология панславизма и ее эволюция.

После окончания Второй мировой войны при поддержке благодарных за освобождение от нацистского режима государств Советскому Союзу временно удалось воплотить в реальность некоторые постулаты панславизма путем образования т. н. Большого пространства, в которое были включены почти все этнически и конфессионально близкие России государства: Чехословакия, Югославия, Болгария, Румыния и т.д. Русский язык был признан на этих территориях в качестве международного, о чем, собственно, и мечтали многие российские

Авторами статей были также чиновники, врачи, учителя, военнослужащие, топографы, инженеры, агрономы, наблюдатели. Уже в 1895 году число постоянных и случайных авторов достигло 290.

Вышеуказанная программа и содержание газеты свидетельствует о том, что с самого первого дня существования перед ТВ была поставлена задача по мере возможности содействовать изучению края во всех отношениях. Надо отметить, что газета публиковала правительственные и административные распоряжения по Туркестану и информировала читателей о жизни края с точки зрения колониальных властей. И нельзя сказать, что в своем существовании газета не допускала ошибок. Последняя четверть XIX века была периодом жестоких классовых столкновений. В начале XX века в Туркестанском крае во время первой русской революций было множество столкновений народных масс, национально-освободительное движение народов 1916 года, основание партии «Алаш» и ее съезды. Эти и многие другие факты народной борьбы ТВ старались обходить. В некоторых статьях, например, «Население Туркестанского края» (1905г., №137, №165), касающихся статистики края, встречаются неверные факты, цифры. Но, несмотря на это, газета дала мощный толчок развитию печати на языках местных жителей. На узбекском и киргизском языках издавалось приложение газеты «Туркестанский листок», которое с 1883 года стало самостоятельным изданием, получившим в 1887 году название «Туркестанская туземная газета». Она выходила 4 раза в месяц: два раза на сартовском языке и два раза – на киргизском. Расходы по изданию покрывались из кредита, отпускавшегося на издание ТВ. С 1893 года, по распоряжению М.Г.Черняева (пр.29 от 30 января 1883г.), газета стала самостоятельным еженедельным изданием на сартовском языке. Редакторами ее были Ш. Ибрагимов, Х.А. Чанышев, Н.П. Остроумов, Н.Г. Малицкий [10].

Исследователи, интересующиеся Туркестанским краем, найдут на страницах ТВ обилие материалов, охватывающих все стороны жизни края. ТВ имеет большое значение как источник по изучению Средней Азии. Академик В.В. Бартольд писал: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественно-историческом и статистическом отношениях, но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого. Значительное количество статей по изучению края было помещено в официальной газете ТВ [11].

А.Алекторов в своей книге указал более 100 статей из страниц ТВ [12]. В библиографическом справочнике, составленном в 1891 году А.Н.Харузиным, было названо всего 50 статей из ТВ [13]. В советское время большой вклад в дело изучения ТВ был сделан Е.К.Бетгером, известным среднеазиатским библиографом. Е.К.Бетгер работал над росписью статей ТВ с 1870 по 1892 годы [14]. Значительную ценность представляет аннотированный указатель статей, составленный Е.А.Вознесенским и А.Б.Пиотровским [15]. Но во всех указателях отсутствуют многие весьма интересные статьи и заметки по изучению ис-

тории и этнографии края. К сведению читателей, более полный библиографический указатель статей из страниц ТВ, касающихся истории и этнографии Казахстана предоставлен в 2001 году, и в рамках Государственной программы «Мадени мура» вышли в свет серии томов «Библиотека казахской этнографии», которым в 44 томе посвящены статьи из страниц ТВ, касающиеся духовной жизни казахского народа.

Литературы:

1 Центр.Гос.Архив Узбекистана: Ф.И.-1, Оп.№35, Дело №2. –Л.66; Юбилейный номер к открытию памятника первому Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию // ТВ. 1913, №97. 4 май, – С.2; К 30-летию «Туркестанских ведомостей» // ТВ. 1900, №36. 4 мая. – С. 240.

2 Отдельное мнение члена Туркестанского Статистического комитета С.А.Идарова // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып I. – СПб, 1872.- С.229

3 ЦГАУЗ: Ф.И.-1, Оп.№1, Дело №49 а. – Л.735 .

4 ЦГАУЗ: Ф.И.-1, Оп.20, Дело 1748 /301/.

5 ЦГАУЗ. Ф.И.-1, Оп.34, Дело346, -Л.91; Предисловие // ТВ.1870. № 1.-С.1.

6 Добромыслов А. Ташкентская пресса // Средняя Азия.1910. №9, -С.146-148.

7 ЦГАУЗ. Ф.И.-1, Оп.3, Дело553/5/. -Л.52; Дело 451/5/. -Л.162; Оп.11, Дело 1866/3/. -Л.278; Дело 1873/20/. -Л.10; Дело 1865/3/. – Л.195.

8 ЦГАУЗ. Ф.И.-1, Оп.20, Дело 1748, -Л. 2,49, 61, 83л. 9, 9 аб.

9 Авшарова М.П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870-1817). – Ташкент, 1960. –С.65-66.

10 Эрназаров Т.Э. История печати Туркестана. (1870-1925). –Ташкент, 1976. – С.14.

11 Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. –Л., 1925. -С. 262.

12 Алекторов А.Е. Указатель книг, журналов и газетных статей и заметок о киргизах. – Казань, 1900. – 963 с.

13 Харузин А. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов. –Казань, 1891

14 Бетгер С.К. Роспись статей по всем вопросам, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» (1870-1892). 1926. Рукопись. Отдел редких книг и рукописей Национальной библиотеки УР им. А.Навои.

15 Материалы для библиографии Казахстана и Среднеазиатских Республик. – Л., 1927.

16 Картаева Т.Е. Газета «Туркестанские ведомости»: (1870-1917 гг.) как источник истории и этнографии Казахстана. Библио-графический указатель. – Алматы, 2001. – 48 с.; Картаева Т.Е.и др. «Туркестанские ведомости» – этнографические рассказы. Библиотека казахской этнографии. 44 том., 2-ое дополненное. Сборник комментарии– Астана, «Алтын кітап». – 2007, 299 с.

4. наличие правящей номенклатуры – чиновников особого советского типа, преданных идее и вышестоящему начальству;
5. строгая приверженность государственной идеологии и широкая пропаганда «преимуществ и успехов» реального социализма;
6. изоляция от всего мира; внешняя торговля на базе государственной монополии.

В журнале «Мысль» за 2001 г. №7 была опубликована статья Д. Баймагамбетова «Выход из кризиса. Животноводство в первые послевоенные годы», где автор рассматривал состояние животноводства в первые годы после войны.

На январь 1946 г. в Казахстане имелось 14861,6 тысяч голов всех видов скота, из них в колхозах – 10072 тысяч голов, а в совхозах – 913 тысяч голов и в прочих хозяйствах – 3876,6 тысячи голов. Только к 1947 г. в совхозах КРС приблизилось к довоенному уровню, а поголовье овец и свиней даже превышало его. Но государственная сдача мяса и молока оказалась ниже, чем в 1940 г., та же ситуация была и в 1948 г. Сказались недостаток кормов и животноводческих помещений, плохой уход за скотом. Для послевоенного развития совхозного животноводства были характерны быстрый рост поголовья и недостаточный рост продуктивности скота. Основная масса продукции производилась в подсобных хозяйствах колхозников, рабочих совхозах и других сельских жителей. В 1948 г. они производили 68% всего мяса, 81% молока, 92% яиц.

Все проблемы пытались решать за счет увеличения количества скота, ограничивалось выполнение заданий только по росту его поголовья. В результате такого планирования наблюдалось уменьшение производства животноводческой продукции, упускались из виду качество скота, его продуктивность.

В 2002 г. в журнале «Мысль» №5 выходит еще одна статья Д. Баймагамбетова «Трудовое и бытовое устройство инвалидов ВОВ в послевоенные годы (1945 – 1955)». Автор рассматривает недостатки руководства по отношению к инвалидам. Около 99581 человек вернулись с войны инвалидами различной степени тяжести. Государство практически не решало вопрос с данной категорией населения. Некоторые из них не были способны к труду, и никакие пенсии по инвалидности они не получали. Только с начала 1947 г. им было выплачено пенсии около 243 млн. рублей, но были допущены и хищения. Нарушение законодательства, допускаемых органами социального обеспечения, вызывали многочисленные жалобы. На 1948 г. поступило 67% жалоб по вопросам пенсионного обеспечения. План трудоустройства инвалидов был выполнен только на 55%. Отдельные комитеты даже не вели учета вернувшихся с полей сражений. Врачебно-трудовые экспертные комиссии не правильно ставили группу инвалидности. План выпуска протезно-ортопедических изделий в 1945 г. выполнялся всего на 80%. От сельхоз налога и обязательной поставки сельхоз продукции государству освобождались следующие категории населения: инвалиды ВОВ первой группы при наличии в семье только 1 трудоспособного, инвалиды вто-

1940-х – начала 1950-х гг. идет заметный рост посевных площадей. В 1950 г. в рамках программы экстенсификации сельскохозяйственного производства посевные площади в Казахстане увеличились (в сравнении с 1945 г.) на 1,6 млн га и составили 7854,3 тыс. га и в течении последующих лет ежегодное увеличение посевных площадей (до 1954 г.) составляло по сравнению с предыдущим показателем 5–10%. В 1954 г. началась широкомасштабная целинная компания, где динамика посевных площадей была более значительной.

Кольцов В. «Темпы и пропорции развития промышленности Казахстана» (1970 г.) приводит положительные результаты в развитии промышленности республики. В послевоенной время в Казахстане началось строительство крупнейших промышленных предприятий – Карагандинский металлургический завод (г. Темиртау), Актюбинский завод ферросплавов. Первую продукцию дал завод Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода, воздвигался комплекс объектов крупнейшего медеплавильного комбината в Джезказгане, интенсивно эксплуатировались Карагандинское и Экибастузское месторождения угля. Были введены в строй новые нефтепромыслы в Эмбенском районе – Каратон и Мунайлы, что позволило в 1950 г. на 52% увеличить добычу нефти по сравнению с довоенным уровнем. Начала работать первая очередь Каратауского горно-химического комбината.

В 1940–1950-е гг. Казахстан являлся одним из крупнейших звеньев военно-промышленного комплекса СССР. Во многих городах Казахстана функционировали крупные заводы, специализирующиеся на выпуске военной продукции. Наряду с развертыванием широкой инфраструктуры военно-промышленного производства, в КазССР в этот период начиналось строительство атомного полигона недалеко от Семипалатинска, ракетного – в районе Балхаша, а несколько позже – космодрома Байконур.

В современной историографии к этой проблеме подходят с критической точки зрения. Исследователи связывают экономические и социальные проблемы с политикой самого государства, а главным недостатком выделяют саму административно-командную систему, которая нуждалась в существенных преобразованиях.

В настоящее время практически не существует монографий по данной теме, поэтому главным источником информации по данной теме служат отдельные издания, а особенно периодическая печать.

Так Кудров В. в книге «Крах советской модели экономики» (2000 г.), определяя суть «советской модели экономики», обозначает следующие составляющие элементы:

1. однопартийная система с полным контролем со стороны партийных органов всех сторон экономической и социальной жизни;
2. государственная собственность на средства производства;
3. централизованное управление и планирование экономики;

К.и.н. Зыкова Н.Л.

Иркутский государственный лингвистический университет, Россия

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В истории России XX века первая мировая война явилась роковым рубежом и пробудила к жизни разрушительные силы, толкнувшие империю в водоворот социальных потрясений, изменивших основы государства. Первая мировая война изменила также психологию российского общества. Особенно это сказалось на мобилизованных в армию в основной своей массе крестьян, ставших солдатами поневоле. Их восприятие военной действительности выражалось в песнях, частушках, в которых солдаты-крестьяне выплёскивали свои ощущения от отчаянной бравады до чёрной меланхолии.

Накануне первой мировой войной русская армия в основе своей состояла из мобилизованных крестьян. Попадая на фронт, солдаты-крестьяне всё происходившее естественно воспринимали через призму своего крестьянского мышления. Базовыми ценностями, конечно же, для них являлась принадлежность к своей родной земле, деревне, семье. Именно с этими убеждениями крестьянин шёл на фронт. Поэтому образы родной земли особенно часто звучат в солдатском фольклоре первой мировой войны. Это выражалось в таких рифмах, как «земля мне мать-отец, война мне зол конец», либо в памяти вставало «деревце весёлое и зелёное». Фразы «земля-матушка» или «война-горе» также часто фигурирует в солдатских песнях [1, с. 87].

Главной психологической травмой для солдат, которую нанесла им война, был их отрыв от семьи – детей, жён. Эти переживания также являлись очень популярной темой военного фольклора. В родном доме солдат видел источник силы, что так же выражалось в рифмах «только бы взглянуть на родимую сторонку, а там бы снова в бой» [3, с. 24]. Находясь вдали от родины, солдат волновала мысль о том, хорошо ли живётся его семье, здоровы ли дети, верна ли ему жена.

Отношение солдат-крестьян к воинской службе также выражалось в песнях. Воинское дело они сравнивали с крестьянским трудом на полях, но с некоторой военной спецификой. Это также можно проследить в песенных фразах, типа «Пашню пашем мы в глухую ночь, не сохой – штыками, бомбами, не цепом молотим – пулями, по немецким по головушкам» [3, с. 135].

Популярным мотивом фольклора о войне был также патриотизм русского солдата. Начало Первой Мировой войны российское общество встретило с настроением патриотизма, её считали справедливой, освободительной и даже сравнивали с войной 1812 года. Очевидец тех лет, французский посол, Морис Палеолог, описывают обстановку в России в то время следующим образом: «Всех объединил общий патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации – многотысячные толпы в разных городах России несли

русские национальные знамёна, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы, звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» непрерывно исполнялся и на улицах, и во всех собраниях. Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы» [4, с. 35]. Однако этот патриотизм имел различные мотивы.

В начале войны среди солдат преобладало настроение удальства, желание показать свою храбрость, что выразилось в следующей частушке:

Собирай-котесь, ребята, кто к военной службе гош.

Зададим мы немцу перцу, пропадёт он ни за грош!

Сомнения в победе русских войск не возникало, это видно из следующего куплета:

Мы с Японией буянили, с Германией идём

Кулаки у нас большие, мы нигде не пропадём [5, с. 10,12].

Таким образом, в одних частушках он проявляется как бравада, насмешка над «пулей-дурой». Подобные настроения были распространены в среде новобранцев и выражались следующей пословицей: «Мы ничего не признаем. Пуля летит германская, мы говорим – пчела, снаряд рвётся, мы говорим – гром гремит». В других песнях патриотизм – это уже правое дело, война за некую «правду» [6, с. 135]. Война собрала много добровольцев, которые служить шли с охотой, о чём свидетельствуют соответствующие частушки:

Сдадут, сдадут меня в солдаты, никакой нет льготушки,

Теперь с Германией война, служить иду с охотушки.

Или:

Пойдём, товарищ, добровольцем, будем родине служить:

Распроклятого австрийца будем вместе с тобой бить [5, с. 18].

Распространенным мотивом военных песен также являлась помощь братским народам. Показательна фраза из песни «борьба за честь и свободу обиженных стран, за славу народа, за братьев славян» и т.п. [1, с. 281]. Защита славянских народов, которых притесняют иноземные державы, казалась исполнителям частушек вполне правомерной, что они охотно выразили следующими рифмами:

Австрияк спознался с немцем, обижают всех славян,

Не дадим славян в обиду мы, француз и англичан.

Все славяне частушками воспринимаются как братья и сёстры:

Ты не трогай, немец, русских, ихних братьей и сестёр,

Не даст русский их в обиду, и тесак его остер.

Система пропаганды очень быстро сумела создать в умах солдат-крестьян, никогда не слышавших о Сербии, образ «Сестры Сербии», что также выразилось в частушке:

Приказал нам царь Российский сестру Сербию спасать,

И пошли мы с австрияком, дальше с немцем воевать [7, с. 227, 228].

Герман М.В.

Многопрофильный колледж Северо-Казахстанский государственный университет им.М.Козыбаева, Казахстан

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОЙ ССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ 1946 – 1958ГГ. МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ

После окончания Великой Отечественной войны Казахстан начал выходить из глубокого экономического кризиса. И из-за неумелого руководства страной многие проблемы, как экономического, так и социального характера остались не решенными. Для выхода из сложившейся ситуации в 1946 г. был принят четвертый пятилетний план развития, а в 1947 г. была разработана денежная реформа. Четвертый пятилетний план предусматривал первоочередное развитие отраслей тяжелой и оборонной промышленности. Сюда направлялись значительные финансовые средства, материальные и трудовые ресурсы. Одним из условий выполнения плановых заданий выдвигалось максимальное использование достижений научно-технического прогресса. В результате проведения денежной реформы пострадали, прежде всего люди, которые не хранили сбережений в сберкассах, но имели наличные деньги: среди них подавляющее большинство составляли не «спекулянты», а рабочие высоких разрядов, техническая интеллигенция, сельском хозяйстве и др.

В послевоенный период экономика Казахстана испытывала большие трудности. Крупной проблемой стало обеспечение промышленных предприятий рабочей силой после возвращения эвакуированного населения в западные регионы СССР. Заметно выросла текучесть кадров, снизилась трудовая дисциплина, резко упала производительность труда.

Главными недостатком всей политики государства оставалась административно-командная система с ее плановой экономикой, которая привела к упадку всей страны, а особенно сильно отразилась на жизни населения.

Проблема экономического и социального развития не в советской, не в временной историографии практически не разрабатывалась.

Так в советской историографии все экономические и социальные вопросы рассматривались с положительной точки зрения, возвышением деятельности коммунистической партии и умелого руководства лидера государства.

Нейштат С.А. «Экономическое развитие Казахской ССР» (1960 г.) рассматривает сельскохозяйственное развитие страны. Острая проблема обеспечения страны продовольствием (в первую очередь хлебом) привела к экстенсивному решению. В декабре 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». И с конца

Литература:

1. Заднепровский Ю.А. Александр Натанович Бернштам // КСИА, 1960. Вып. 80. С.5-16
2. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек. Т.1. 1997; Т.2. 1998
3. Бернштам А.Н. Археологические работы в Семиречье // КСИИМК, 1940. IV. С.42-48
4. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. А., 2006
5. Бернштам А.Н. Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. А.-А., 1948.
6. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Могильник эпохи бронзы Семиречья Кульсай // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. / Мужвужовский научный сборник. А., 1993. С.19-27
7. Бернштам А.Н. К вопросу об усунь // кушан и тохарах // СЭ, 1947. №3. С.41-47
8. Рыскулов Т.М. На каком языке говорили саки? // Евразийский народ саки. –Алматы: «Болашақ балапандары», 2006. С.242-247
9. Бернштам А.Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК, 1946. Вып. XIII. С.110-118
10. Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карга-линка // КСИИМК, 1940. V. С. 23-31
11. Бернштам А.Н. Берккаринская пряжка // КСИИМК, 1947. Вып. XVII. С.9-11
12. Бернштам А.Н. Археологические работы в Южном Казахстане // КСИИМК, 1949. Вып. XXVI. С. 131-133
13. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып.2. С.59-99

SUMMARY

The article is devoted outstanding archeologist, ethnographer A.N.Bernshtam and his scientific works. The author of this article on the basis of study scientific legacy of this academician arrives to opinion that A.N.Bernshtam is prominent in the filed of antique history of Kazakhstan.

Вся эта палитра чувств изменялась в ходе первой мировой войны: от безудержного патриотизма в её начале до глубочайшей депрессии и равнодушия в конце.

В фольклоре первой мировой войны встречается образ идеального командира, «отца солдат». В характеристиках, данных солдатами своим командирам, вырисовывается героический облик военачальника. С этим образом фольклорная традиция связывает имена самых разных генералов русской армии. Таким является генерал А.В. Самсонов (1859-1914), в начале I мировой войны командующий 2-й армией Северо-Западного фронта. Он погиб во время Восточно-Прусской операции 1914 года [8, с. 237]. В частушках отношение солдат к его смерти описывается следующим образом:

Жалко было командера, был бедовый генерал,
Как дитё любил солдат, навсегда сожалевал [7, с. 229].

Те же принципы задействованы и при создании образа генерала П.К. Ренненкампа, по вине которого операция в Восточной Пруссии провалилась. Он командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. После неудачных военных действий Ренненкампа был отстранён от командования, а после расследования уволен в отставку [8, с. 109]. Несмотря на эти обстоятельства, в солдатских частушках Ренненкампа характеризуется как храбрый генерал:

Что ты вылупил, брат, бельмы? Нету тут твою Валгельма,
Ранемкан, наш генерал, все портки с него содрал.

В текстах встречаются имена генералов Н.В. Рузского [8, с. 160] и А.А. Брусилова [8, с. 606] В частушках они характеризуются как «бравый» и «храбрый» генералы:

Генерал Брусилон бравый нас повёл на немцев лавой,
Рузский храбрый генерал его к Львову уже гнал [7, с. 229].

В целом, можно отметить, что частушка, при всей её ориентированности на отражение сиюминутных событий, рисует образ не конкретного человека, а идеализированный образ русского полководца – храбреца и удалца. Однако первая мировая война принципиально отличалась от баталий прошлых веков, в которых богатство и храбрость одиночек были нередко определяющими. Новое время вместо образа «одинокого рыцаря» предлагало образ коллективного «мы».

В военном фольклоре также имеются образы отдельных родов войск, участвовавших в I мировой войне. Прежде всего, это казаки. В начале XX в. в России имелось 11 казачьих войск. В первую мировую войну казачье население выставило свыше 200 тысяч человек [8, с. 34]. В частушках казаки показываются не иначе как храбрецы, brave молодцы:

Немцу ноченька не спится: казака очень боится,
Наш казак-то не дурак, знает ладить с немцем как!

Также можно видеть в частушках и престижность артиллерийских войск: Мой-от милый на войне, служит в артиллерье.

Пришло от милого письмо – узнали все в деревне [5, с. 24].

Упоминается в частушках и пехота, являвшаяся в годы первой мировой войны главным родом войск. Например, в сухопутных войсках пехота составляла 75%, артиллерия – 15%, кавалерия – 8%, а вспомогательные войска (авиация, связи, инженерные и т. д.) – 2% [9, с. 25]. В одной из песен служба в пехоте описывается следующим образом:

Нету хуже той напасти, как служить в пехотной части,

Пешки день-деньской идёшь, только ляжешь, гложет вошь [2, с. 32].

Как видим, рисуя образ пехоты, частушка опирается на конкретные, весьма непривлекательные, реалии военного быта. Неотъемлемой частью текстов, связанных с описаниями боевой жизни, являются военные сооружения, а также всевозможные виды оружия. В сборнике Б. Глинского, выпущенном в 1915 г., приведён целый цикл частушек, посвящённых военной технике, озаглавленный как «артиллерийские частушки». Вот пример некоторых из них, где можно узнать о таких видах сооружений как окопы, волчьи ямы, заграждения:

Мой папашенька в окопах, во германских пулемётах.

С пулемёта вдарили, мого папашу ранили.

Или:

Окопался немчин, позарыл сотни мин, волчьих ям, заграждений, фугасов.

А наш бравый солдат не боится машин, бьёт штыками с плеча дураплисов [7, с. 224].

Ещё одним направлением военного фольклора явился «образ врага», в качестве которого выступил «немец». Естественно, что центральное место в нём занимают австрийский император Франц-Иосиф I и германский император Вильгельм II. В частушках они выступают как главные виновники развязывания войны и главные представители государств, воевавших против русских:

Здесь австриец, там пруссак, а мы их этак, мы их так.

Франц-Иосифу по шее, а Вильгельма по башке.

В частушках просматривается негативное отношение к немцам и австро-венграм. Презрение к ним проявляется в эпитетах, которыми одевают врагов русские: «проклятые», «распроклятые», «немецкий пёс». Через прозвища «австрияки», «немчура», «немецина» также выражалось пренебрежительное отношение к врагам:

Уж как наши-то ребята не боятся немчуры;

Как поймают супостата, оттаскают за вихры! [5, с. 12].

Фольклор приписывал врагам все негативные качества, какие могут быть у солдата, и в первую очередь, трусость:

Охи, ахи, охи, ахи! Трусы все те австрияки,

Немцы тоже все трусы, только храбрые усы.

В других частушках враги сравниваются с нечистой силою:

Австрийцы – кровопийцы, немцы – дьяволы:

Перебили всех мальчишек, последних ранили.

В заключений хочется сказать, что научное наследие А.Н.Бернштама значительно и разнообразно. Он плодотворно занимался изучением древней истории Казахстана, тем самым оставив свой след в мировой историографии. Ввел в науку разные археологические культуры, выдвигал различные теории по проблемам древней истории Центральной Азии. Основные положения археологических культур остаются в силе и до настоящего времени, несмотря на огромный материал, накопленный за прошедшие после выхода работ А.Н.Бернштама десятилетия. Уточнения, неизбежные при развитии научных знаний, касаются главным образом частностей и не является окончательным вердиктом.

Характерной особенностью творчества А.Н.Бернштама является умение подойти к раскрытию проблемы пронизательно, с тем новым, зачастую неожиданным поворотом. Ученый умел перейти от описания археологических объектов и артефактов к широкой исторической проблематике, выдвигая тем самым новые концептуальные взгляды на ту или иную проблему. Его труды являются образцом не только памятников культуры, но и широкого исторического анализа древних обществ – от вопросов древней экономики до художественного творчества.

Важно отметить и его неутомимую организаторскую деятельность. Им организованы такие археологические экспедиции, как Семиреченская археологическая экспедиция, Южно-Казахстанская археологическая экспедиция и т.д. Последняя из них, например, соединилась комплексно с полевыми исследованиями Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (руководитель А.Х.Маргулан) на севере Каратау, в долине нижнего течения Чу, соединилась также с маршрутами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (руководитель С.П.Голстов) за р. Сырдарья. Таким образом, огромная территория была освоена археологически. Плодотворность этой идеи была подтверждена дальнейшими полевыми исследованиями.

На протяжении всей творческой жизни А.Н.Бернштам уделял немалое внимание реконструкции социальной структуры общества обитателей степей, их перемещениям, политической истории, взаимосвязям с соседними народами. Особое место занимали проблемы контактов древних народов, реконструкции идеологических представлений, закономерности построения композиций древнего искусства. О нем уже написано в Казахстане немало статей, несомненно, число их будет увеличиваться, так как огромный вклад его в историческую науку Центральной Азии трудно переоценить. Мы убеждены, что в этот год в новых трудах об этом исследователе историографический анализ его научных изысканий будет значительно шире.

только при организации комплексного изучения и дальнейшем усовершенствовании археологической методики. Некоторые наблюдения, основанные на сходстве стилевых особенностей изделий, могут привести к разрешению многих проблем. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные естественных наук.

А.Н.Бернштам после второй мировой войны несколько лет плодотворно изучал археологические памятники Южного Казахстана. Им в 1947 г. организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция на базе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Маршрут экспедиции был намечен ученым так, чтобы начать с территории, где оборвались работы в 1940 г., т. е. с западных границ долины р. Талас [12]. Главной задачей экспедицией было собрать материалы по культуре и истории кангюй. Поэтому маршрут экспедиции определялся по письменным источникам. Отряды экспедиции побывали во всех известных памятниках, вели стационарные работы на территории эталонных археологических объектов. В ходе работ на Южном Казахстане обнаружены несколько сот археологических объектов истории и культуры, исследованы несколько десятков памятников, раскрывшего перед нами своеобразную культуру древних кангюйцев. Извлечены из кангюйских курганов многочисленные хозяйственно-бытовые предметы, орудия труда, оружия, украшения и т.д.

В итоге А.Н.Бернштамом была выделена культура кангюй (отрарская), позже названная казахстанскими археологами отрар-каратауская (Байпаков и др.). Сейчас на основе работ последних лет выделяется арысская культура (Подушкин) кангюй. Системно изучаются типы поселений и городищ, древние города и курганы. Следует отметить, что А.Н.Бернштам древних кангюй связывал с «казахским племенем канглы». Пожалуй, принадлежность к тюркским народам кангюйцев с тех пор неоспоримо доказано. В своей статье «Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана» А.Н.Бернштам рассмотрел основные пути этногенеза казахского народа в древний период и роль кангюйских племен в этом вопросе [13]. Здесь учтены им не только сведения древних авторов, но и богатейший археологический материал. Памятники предшествующего времени обогатили наши знания, позволили по-новому поставить и разрешить проблему этногенеза тюркских народов. Им замечено, что: «1. В истории казахского народа ясно выступает древняя связь западных и восточных областей Казахстана. Андроновская культура явно документирует эту общность II тысячелетием до н.э. Эта общность не утрачивается и позднее в I тысячелетии до н.э. Органические связи племен Казахстана с глубокой древности объясняют древнее происхождение народного имени, получившего общенародное признание лишь к XV в. 2. Огромное значение в издавна складывавшихся этнокультурных связях Казахстана играл бассейн Сырдарьи, основными обитателями которого в послескифский период были кочевники – кангюй. Кангюй соединяли запад и восток Казахстана и играли значительную роль и за пределами стараны» [13, 98].

В текстах всё время противопоставляется русский солдат и немец/австриец, причем русские изображаются в наилучшем виде, как полная противоположность противников. Отмечается храбрость и смекалка одних, трусость и глупость других. Например:

Вы послушайте, ребята, немцы глупы, как телята,
А казак Крючков провор – десять разом заколол!
Хоть и хитёр немец прусский, крепок духом солдат русский!
Он и хитрость переважит, и на деле всё докажет [5, с. 14].

Солдатские частушки остроумно подмечали все особенности быта немцев и австро-венгров, добродушно подтрунивая над их образом жизни, который был совсем не похож на жизнь русского солдата-крестьянина, для которого всё иностранное было в диковинку:

Ну какие с них вояки, шей да каши не признают,
А заместо нашей каши у накладку кофей пьют. [7, с. 237].

Однако если внимательно перечитать многочисленные частушки, ярко выраженной ненависти к врагу, хоть его и называли «колбасники», «поганая немчура», все эти настроения не несли. По сути, русские солдаты не видели в немецкого носителя зла. Он был для них скорее чужаком, таким же горемыкой, попавшим на фронт по необходимости. Более того, в отдельных песнях можно видеть даже уважение к их стойкости, перемешанное с добродушным подтруниванием над собой: «Ты германец, ты германец, научи нас воевать. Возьми Ригу и Варшаву, мы не будем унывать». У русских солдат, скорее больше причин было недолюбливать своего царя. Чем дальше затягивалась война, тем больше солдаты ожесточались. «Шапкозакидательские» настроения, характерные вначале, сменяются пессимистическими. Ряд поражений, нанесённых русской армии в 1915 году, привел к деморализации солдат, что сразу же отразилось в частушках.

Немцы забрали Варшаву, бог, помилуй Питерград!
В Питерграде много учится молоденьких ребят [5, с. 39].

Нельзя не обойти и тему тягот солдатской жизни. Фольклор тех лет, говорит о жестоком отношении высших чинов к рядовым солдатам. Например, следующие строки:

Нету хуже взводного, для кого невгодного,
Всё ругается, да бьёт, да со свету сживёт.
По окопу немец шкварит, по сусалам взводный жарит,
Не житьё, а чисто ад, я домой удрать бы рад [2, с. 65, 54].
Фольклор описывает все тяготы солдатского быта:
Мы сидим в глубоких ямах, на нас дождик льёт, росит,
И как засыпят пулемёты, ну, поверьте, что за жизнь.
Вы обшиты и обмыты и весёлые кругом,
А нас кусают паразиты, сами ловим их и бьём.

Таким образом, перед нами воссоздается реальная картина жизни, проводимая в непрерывных походах и боях. Как следствие рождается следующий портрет солдата:

Посмотри теперь, мамаша, своего сыночка,

На башке нема волосьев, во рте ни зубочка [2, с. 75].

Хотелось бы отметить ещё один момент в военном фольклоре – это восприятие первой мировой войны солдатами как чего-то страшного и непонятного. Первая мировая война была войной технологий, и новое оружие пугающе действовало на психику солдат. Поэтому в фольклоре мы практически не встречаем ничего, чтобы указывало на воспевание того или иного военного достижения. Война воспринимается, прежде всего, как смертельная опасность: на войне убивают, калечат, она погубила тысячи жизней, а виноваты в этом германцы, что также выразилось в частушках:

Много ёлок, много ёлок, много вересиночек.

За проклятого германца много сиротиночек.

По мере втягивания России в войну в армии нарастали антивоенные настроения. Эти настроения выразились в следующих частушках:

Ты Германия, Германия, включай скорее мир!

По второму ягодинке воевать не отдадим! Или:

Распроклятые германцы, бросайте воевать!

Я, молоденький мальчишка, хочу дома побывать.

Окончания войны ждали и в тылу. Россия понесла в ходе войны огромные людские потери, многие семьи лишились своих кормильцев. Народ, мечтал только о мире. Об этих чаяниях говорит следующая частушка:

Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!

По последнему милому всё равно не отдадим

Выход России из первой мировой войны и подписание мирного договора в Брест-Литовске с Германией было также отмечено очередной частушкой:

Слава богу, утишается в Германии война.

Может, в живности вернётся ягодиночка моя [7, с. 86].

Таким образом, военные частушки и песни периода первой мировой войны дают нам широкие возможности для воссоздания более полной картины её воздействия на российский общество и отношения к ней русских солдат. Военный фольклор – это ценный источник, который помогает исследователю лучше познать психологию русского солдата периода первой мировой войны. Он также составляет неотъемлемую часть российской культурной традиции устного народного творчества XX в.

Литература:

1. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Т.2. Л., 1927.
2. Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990.
3. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Т.1. Л., 1927.

распространением власти западнотюркского каганата. В эпоху раннего средневековья термин «усунь» становится атавизмом, т. е. образным выражением, о чем свидетельствует текст Тонькока. Оно сохранилось до сегодняшнего дня у казахов Старшего жуза.

Нынешних сторонников концепции «исседон – усунь» в данное время стало мало. В большинстве работ, вышедших за последнее время, положение, выдвинутое А.Н.Бернштамом, просто забывается или игнорируется. А оно с несомненностью свидетельствует в пользу предположения ученого. Ссылаясь, на сообщения античных историков многие исследователи, саков, савроматов и скифов, и даже кангюйцев и усуней считали ираноязычными. А.Н.Бернштам одним из первых предположил, что древние кангюйцы были тюркоязычными. После него некоторые ученые специально изучали язык древних жителей раннего железного века. Некоторые специалисты считают, что даже саки были тюркоязычным народом [8].

Периодизация и хронология памятников раннего железного века является одним из ключевых вопросов в отечественной историографии. Памятники эпохи саков и усуней, раскопанные А.Н.Бернштамом во многочисленных районах Жетысу от Таласа до Или дали ученому выделить несколько хронологических групп: 1. Карачако (р. Или) и Чуйские курганы V-VI вв. до н.э. Датируются стрелами скифского типа и наременными бляхами; 2. Берккара-1 (хребет Каратау) и Нарынские курганы IV-III вв. до н.э.; Датируются бронзовой пряжкой с изображением льва, глотающего птицу (гуся), а также пряжками без язычка; 3. Берккара-2 и Усуньские курганы, раскопанные М.Воеводским и М.П.Грязновым в долине рек Чу и Каракола (Иссык-Куль) II в. до н.э. – I в. до н.э. Датируются инвентарем сарматского типа, в частности ажурными серьгами с зернью и бусами. 4. Карачоко-2, Каргалы-2 (р.Или) I в. до н.э. – II в. н.э. Этому времени принадлежит выдающееся произведение искусства Жетысу – золотая диадема из Каргалинского ущелья [9, 112].

В свою очередь, Каргалинская диадема детально проанализирована А.Н.Бернштамом [10]. Он полагал, что в семантике изображений нашли отражение культовые влияния Ирана и Китая; датировал диадему I в. до н.э. – II в. н.э. Позже исследователи уточнили датировку каргалинского захоронения: это уже II в. до н.э. Удалось сопоставить диадему с коронами Тилля-тепе в Бактрии, сарматского захоронения в кургане Хохлач, сакской в Семиречье (курган Иссык), Уландрыка в Горном Алтае [4, 168]. А.Н.Бернштам предположил, что это украшение принадлежало шаманке. Им выяснен основной сюжет, изучена техника изготовления и т.д. Также ученым обращено углубленное внимание на некоторые предметы Берккаринского могильника, особенно на одну замечательную пряжку [11]. Автор на основе многочисленных источников, как письменных, так археологических, реконструирует историю ювелирного искусства и религиозно-мифологические представления древних племен. Проведенные его исследования по раннему железному веку Жетысу позволяют поставить многие вопросы, разрешение которых возможно будет

А.Н.Бернштам на археологическом материале хотел проследить линию развития исторических процессов на территории республики. Самые ранние памятники им зафиксированы в Жетысу, и относятся к эпохе бронзы (Узунагаш, Алексеевское и др.). В своем труде «Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк» много внимания уделял этому периоду показав тем самым особенности курганов: «эти были искусными мастерами по камню, о чем свидетельствуют погребальные сооружения в курганах, добротные сделанные из каменных плит. На глубине 2-2,5 м в грунте высекалась продолговатая яма, стены которой обкладывались хорошо тесаными плитами камня толщиной до 1,1 м, размерами в среднем 0,6х0,4 м; швы заливались глиняным раствором. После того как покойника укладывали в такой каменный ящик, он перекрывался аналогичными плитами. Чтобы грабитель не проник к погребальной камере, яма засыпалась огромными валунами до уровня поверхности земли. И только затем воздвигался курган правильной формы в виде сегмента шара. В земляную насыпь составной частью входили мелкие валуны и галька. Такие сооружения обнаружены нами при раскопках курганов по р. Каргалы» [5, 4]. Раскопки, проведенные в Жетысу в последние десятилетия, подтвердили некоторые теоретические предположения А.Н.Бернштама по погребальному обряду населения эпохи бронзы. Здесь уже выделены археологические культуры – кольсай, бигаш [6]. Своеобразие этих культур объясняется в первую очередь природно-хозяйственным комплексом, так как, многие строительные материалы в ущельях Заилийского Алатау были одинаковыми в тот период, и это, несомненно, отразилось на инфильтрации культурного комплекса. В итоге А.Н.Бернштам одним из первых пришел к мнению о том, что на основе культуры эпохи бронзы развивалась сакская культура, затем на ее основе складывается усуньская.

В отечественной историографии название древних этносов носит дискуссионный характер. А.Н.Бернштам пытался раскрыть содержание и реальное звучание некоторых этнонимов. Например, в своей работе «Археологический очерк Северной Киргизии» А.Н.Бернштам рассматривал исторический термин «исседон-усунь». По мнению автора, наличие разных наименований усуней в древности объясняется тем, что исседоны – это название восточной ветви массагетов, данное античными авторами. Когда усунь с тохарами перешли на запад и ин-формация античных авторов стала более правильной (тем более, что усунь были господствующим родом такого крупного политического образования), то они дали более близкую к истине транскрипцию усунь вместо исседон – асии [7, 45]. В раннем средневековье когда согдийцы стали ираноязычными хозяевами склонов Тяньшаня, тохары стали синонимом южной группы иранских племен. Автор считает, не случайностью, ношение верховных владетелей кушан титула – «ябгу». Этот термин усуням был известен уже в I в. н. э. Многие казахстанские исследователи (Агеева, Пацевич и др.) в свое время поддерживали концепцию А.Н.Бернштама о том, что исседоны являются усунями. Этноним усунь, еще отмечаемый китайскими посланцами Гао-Мин и Тунюань в 436 г., исчезает в VI в. с

4. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991.
5. Симаков В.И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные. Пг., 1917.
6. Солдатские письма 1917 г. Сборник. М., Л., 1927.
7. Современная война в русской поэзии. Вып.2 / Сост. Б.Глинский. Пг., 1915.
8. Советская военная энциклопедия. М., 1976-1979. Т.1. С.606; Т.4. С.34; Т.7. С.237, 109, 160;
9. Сазонов О.Н., Сенченков В.А. Русская армия в I мировой войне. СПб., 1997.

К.и.н. Латыш Ю. В.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ПЕРЕСТРОЙКА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СССР: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Перестройка и исчезновение Советского Союза стали знаковыми событиями, точкой бифуркации, определяющей развитие человечества в последние четверть века. Одной из главных причин распада СССР стало национальное возрождение в советских республиках, которое часто влекло за собой межнациональные конфликты.

В историографии все еще превалирует романтизированное видение Перестройки. На Западе она кажется радостным временем перемен, которое увенчалось чередой «бархатных революций» в Восточной Европе, падением Берлинской стены, окончанием «Холодной войны», распадом «империи зла». В постсоветских странах эти события видятся несколько иначе. Перестройка выступает как время национального пробуждения и борьбы за независимость. В то же время, не всегда исследователи вспоминают, что именно последний коммунистический эксперимент запустил процессы, повлекшие за собой ряд кровавых конфликтов.

Чешский историк М. Грох выделил в национальном движении три фазы: А – культурного пробуждения; Б – национальной агитации; В – массового движения. В условиях гласности и свободного доступа к СМИ на территории СССР национальные движения за несколько лет прошли путь, который народы Европы проходили на протяжении всего XIX века.

В СССР национальный вопрос считался решенным. Официальная пропаганда постоянно навязывала тезис о дружбе народов. Отказавшись от ленинского видения национальной политики, И. Сталин построил многонациональное государство на базе русской идентичности. В годы Великой Отечественной войны произошла перестройка идеологии в свете замены интернационализма советским

(в первую очередь, российским) патриотизмом. В послевоенные годы русификация значительно усилилась, начиная приобретать черты официальной идеологии [1]. Появление термина «советский народ» де-факто означало, что декларируемое «слияние наций» будет происходить путем русификации.

В литературе бытует мнение, что в условиях демократизации общества возникновение сепаратистских движений было неизбежно [2]. Однако в дальнейшем мы намерены показать, что к межнациональным столкновениям часто приводила недалёковидная политика М. Горбачева и его окружения.

Главнейшей причиной межнациональных конфликтов, их спусковым крючком был национализм, который, по меткому выражению советского экстремьера Н. Рыжкова, стал «самой зловещей и разрушительной силой», «мощным тараном» для разрушения страны [3]. При всей многозначности понятия «национализм», мы исходим из определения, зафиксированного в «Кратком оксфордском политическом словаре», и понимаем под «национализмом», прежде всего, утверждение приоритета национальной идентичности над требованиями класса, религии и человечества в целом [4].

Первой вспышкой национального протеста в СССР стали Алматинские выступления 1986 г. Смещение с должности многолетнего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, члена брежневского Политбюро Д. Кунаева и назначение (без каких-либо консультаций с местными элитами) на его место русского Г. Колбина привело к уличным беспорядкам, в ходе которых прозвучали и антироссийские лозунги. 16 декабря 1986 г. срочно созванный Пленум ЦК КП Казахстана за 18 минут принял отставку Д. Кунаева и избрал «рекомендованного» ЦК КПСС Г. Колбина. Главной причиной случившегося стало упорное желание М. Горбачева и Е. Лигачева видеть во главе республики русского [5].

Немецкий историк А. Каппелер считает, что М. Горбачев просто не придавал надлежащего значения взрывоопасности национальных движений [6]. По нашему же мнению, главная ошибка М. Горбачева и его соратников в национальном вопросе заключалась в том, что в новых условиях, декларируя демократические ценности, советское руководство действовало с помощью устаревших методов кадровой политики, грубо навязав Казахстану руководителя, ни дня не работавшего в республике, при этом даже не посоветовавшись с казахскими коммунистами.

Поскольку все требования протестующих сводились к замене русского Г. Колбина казахом, руководство СССР считало, что выступления были организованы Д. Кунаевым и его сторонниками. Очевидно, центр сделал ложные выводы относительно того, с какими процессами столкнулась Перестройка. В дальнейшем Москва продолжила насильственные действия в отношении республиканских партийных организаций. В ответ на это в республиках росла популярность Народных фронтов, в которых активизировалось правое, националистическое крыло. Радикализация Народных фронтов привела к кровавым межнациональным столкновениям.

могильника и открытых катакомб весьма важно для истории Средней Азии, этногенеза ее современного населения и, в частности, ее тюркоязычных народов, так как в могильнике представлен наиболее древний средне-азиатский монголоидный тип» [3, 46]. В свое время его некоторые оппоненты (Сорокин) ставили под сомнение существование этой культуры, позже уникальность культуры была доказана другими учеными (Кожомбердиев и др.). К сожалению, на территории Казахстана, особенно по Таласской долине памятники кенкольской культуры почти не изучаются, хотя отдельные объекты были известны даже по исследованию Чардаринской археологической экспедиции на юге РК. Требуется систематизированная работа по поиску памятников кенкольской культуры, которые достоверно укажут на истинный ареал распространения кенкольской культуры.

Говоря о кенкольской культуре, следует упомянуть о проблемах истории гуннов (сюнну), так как зияющий пробел в археологии Центральной Азии связан с ними. В свою очередь, А.Н.Бернштам выделяет три случая проникновения гуннов на территорию Средней Азии: *первое* – середина I в. до н.э., когда Чжи-Чжи шаньюй откочевал на р. Талас; *второе* – I в. н.э., когда гуннов разбил китайский полководец Дэу-сян, они вместе с племенами сяньби откочевав в Семиречье основали владение юебань; *третье* – в 123 г. н. э. китайские чиновники сообщают о набегах гуннов.

В мировой историографии хунны (сюнну) исторически изучены в достаточной степени. Если в Восточной Сибири они выделены археологически, то значительно хуже дело обстоит в Казахстане. А между тем сюнну сыграли в политической жизни древнего Казахстана огромную роль. Конечно, сейчас казахстанскими археологами выделяются памятники «коргантасского типа» (Бейсенов и др.) в Центральном Казахстане, указывающие на ранние проникновения хуннов, также в свое время акцентировалась внимание на памятники «кулажоргинского этапа» (Черников и др.) в Восточном Казахстане, близкие к памятникам сюнну, также были открыты памятники хуннов в Приаралье и в Западном Казахстане [4, 204-207]. Эти данные и археологические изыскания последних лет требуют систематизации культуры сюнну в Центральной Азии в целом.

Следует отметить, что свои археологические исследования А.Б.Бернштам на территории Казахстана начал в 1933 году. Он организовал Семиреченскую археологическую экспедицию (САЭ), тогда же им была проведена предварительная рекогносцировка по долинам р. Чу, Талас. В 1936-1940 гг. САЭ планомерно изучалась часть территории Кыргызстана, Казахстана (историко-культурный регион Жетысу), в итоге многолетних работ были обнаружены сотни археологических объектов от эпохи бронзы до XIX в. Помимо стационарных работ средневековых городищ (Тараз, Текабкет, Сусы, Куль, Сарыг, Баласагун, Койлык и др.) были произведены и раскопки курганов в могильниках около ауылов Каргалы, Карашоқы, Жуантобе и др.

он воспринял прекрасную научную традицию передовой востоковедческой школы, виднейшими представителями которой были С.Е.Малов и А.Н.Самойлович. По совету названных ученых он занимался изучением древнетюркской рунической письменности, в которых отражены многочисленные проблемы средневековья Центральной Азии. В 1935 году А.Н.Бернштам защищает кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв.», где была раскрыта социальная структура тюркского каганата. Находясь в годы второй мировой войны в Киргизии А.Н.Бернштам занимался исследованием по истории кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания. Эта работа была защищена в качестве докторской диссертации в 1942 году [1]. Специалисты отмечают, что это работа – первое обстоятельное исследование многовековой истории кыргызского народа.

Заслуги А.Н.Бернштама в разработке периодизации археологических памятников Кыргызстана, изучении проблем происхождения кыргызского народа, социально-экономические проблемы древних тюрок поистине общеизвестны. Об этом уже много раз писали кыргызские ученые. В 1997–1998 гг. отдельные работы А.Н.Бернштама в виде двухтомника были переизданы в Кыргызстане, куда были включены избранные труды по археологии и истории [2].

Как известно, А.Н.Бернштам в свое время побывал во всех странах нынешней Центральной Азии. В течении двадцати лет (1936–1956) он изучал археологические памятники на территориях бывших советских среднеазиатских республик. Специалисты высоко оценили среди наиболее важных археологических заслуг ученого – изучение могильников эпохи бронзы в верховьях р. Арпа на юге Кыргызстана, открытие сакской, гуннской и кангюйской культур на территории Средней Азии. Помимо этого следует выделить – раскопки объектов раннего железного века в отдаленных и труднодоступных районах Памира, архитектурных сооружений и оседлых поселений некоторых историко-культурных долин, а также исследования многочисленных памятников и артефактов (отдельных находок и т.д.) старины. Таким образом, ежегодный весь массив археологических изысканий А.Н.Бернштама доказывает, что он существенно продвинул вперед изучение истории и культуры Центральной Азии в середине XX века.

Исследование отдельных районов (Ферганская долина и т.д.) позволило ему одновременно поставить и приступить к решению крупных проблем истории Центральной Азии в целом. На основе археологических источников он изложил краткую историю нескольких регионов, ввел новые археологические культуры. Одной из них считается кенкольская культура, материалы которой введены в науку в конце 30-х годов прошлого столетия. Тогда же работы над Кенкольским могильником (Таласская долина) дали блестящий материал по истории кочевников раннего железного века, населением которого были гунны, хотя А.Н.Бернштам об этом писал с осторожностью: «Историческое значение

Резонансные события в Тбилиси 9 апреля 1989 г. тоже имели характер межнационального конфликта. Антиправительственные выступления начались как движение против права на самоопределение абхазов.

В июне того же года произошли менее известные события в Узбекистане, получившие название «черный июнь». В Ферганской долине произошли кровавые столкновения между узбеками и турками-месхетинцами, депортированными сюда в 1944 г. из Грузии.

Положение абхазов и осетин в Грузии, тюрк-месхетинцев в Узбекистане убедительно опровергает утверждение о равенстве и братстве народов Советского Союза. Представители этих народов преимущественно не могли рассчитывать на получение высшего образования, среди них почти не было национальной интеллигенции (ученых, писателей). В то время как грузины выступали против русификации, абхазы и осетины видели в них самих угнетателей. Но представители Народного фронта Грузии отказывали им в праве на самоопределение. Здесь сработал исторический закон, известный со времен Венгерской революции 1848–1849 гг., когда угнетенная нация, ведущая освободительную борьбу, одновременно сама угнетает национальные меньшинства.

Наиболее резонансным стал армяно-азербайджанский конфликт, повлекший кровавые события в Нагорном Карабахе и Баку. В результате этих событий контроль над республиками перешел к националистическим боевикам. Исследователи отмечали, что Перестройка вызвала возрождение ислама в Центральной Азии и на Кавказе [7], что добавило в костер межнационального противостояния конфессиональный фактор. Кратковременное восстановление контроля над Баку со стороны центра в январе 1990 г. ничего не изменило.

По мнению некоторых ученых, армяно-азербайджанский конфликт стал событием, предопределившим распад СССР [8]. По мнению других, эту роль сыграли действия силовиков у Вильнюсского телецентра. Но здесь мы не будем останавливаться на ситуации в Прибалтике, так как она детально освещена в литературе [9].

В целом, ответственность за возникновение межнациональных конфликтов лежит не только на власти, но и на лидерах Народных фронтов. Появление во главе национальных движений неуравновешенных личностей типа З. Гамсахурдиа, А. Эльчибея, В. Ландсбергиса, не имевших к тому же никакого опыта управленческой работы, не могло не повлиять на то, что события в Грузии, Азербайджане, Литве имели кровавый финал. Оппоненты прямо обвиняют их в принесении ритуальных жертв на алтарь будущей независимости. В то же время, в республиках, где к власти пришли умеренные лидеры, способные контролировать свои эмоции и имеющие опыт руководящей работы (Украина, Казахстан, Белоруссия) независимость удалось обрести мирным путем.

Существующее убеждение в решенности национального вопроса в СССР [10] привело к тому, что среди руководителей разного ранга не нашлось людей, хорошо знакомых с реальными проблемами отдельных народов. Тем

более не нашлось готовых рецептов их решения. Национальная политика центра не была системной и не успевала за событиями. Только в сентябре 1989 г., после ряда межнациональных столкновений, М. Горбачев констатировал, что Перестройка «буквально выплеснула» на поверхность общественной жизни множество проблем в сфере межнациональных отношений.

Власть была напугана масштабностью выступлений. Невразумительная позиция М. Горбачева, избегавшего принятия непопулярных решений, развернутая оппозицией травля армии и других силовых структур вели к тому, что необходимые решения принимались с опозданием. В результате, власть на местах оказывалась парализованной и лишенной возможности влиять на ситуацию. Чаще всего во время межнациональных конфликтов М. Горбачев оказывался за границей. Поскольку его часто сопровождали представители так называемого «демократического крыла» в партии А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, В. Медведев, пресса обрушивалась с критикой на так называемых «консерваторов»: Е. Лигачева, Н. Рыжкова и др. Безусловно, М. Горбачев контролировал процесс, и ни одно решение о применении силы не принималось без его ведома. Но ответственность позже перекладывалась на местную власть, силовиков, «консерваторов» и некие «антиперестроечные силы», а глава партии и государства делал вид, что ничего не знал. Например, в Литве и Латвии, лидеры местных Компартий М. Бурокаявичюс и А. Рубикс были осуждены к длительному тюремному заключению, хотя не могли отдавать приказы силовым структурам. Видя нежелание М. Горбачева «подставиться», другие руководители тоже не хотели брать на себя ответственность, подменяли принятие решений говорильней на многочисленных заседаниях и ждали прямых указаний.

Смещение партийных лидеров Украины, Грузии, Азербайджана и приход на их место малоизвестных и малоавторитетных людей, зато преданных лично М. Горбачеву, привел к полной потере контроля над этими республиками. В атмосфере хаоса и полнейшего недоверия республиканская номенклатура стремительно теряла власть, которую часто захватывали организаторы массовых беспорядков и этнических чисток. В некоторых республиках вместо коммунистической власти возникли режимы далекие от демократии, проводившие политику притеснения национальных меньшинств. Это привело к созданию самопровозглашенных республик на территории Грузии, Молдовы, Азербайджана.

Литература:

1. Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. – М.; Харьков, 2004. – С. 364.
2. Грабовський С. Національне питання і «перестройка» (об що перечепися реформи Горбачова) // Генеза. – 1995. – № 1. – С. 215–217; Капусцінський Р. Імперія; [Пер. з пол. Н. Антонюк]. – Львів, 2003. – С. 117.
3. Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. – М., 2007. – С. 33.

4. Короткий оксфордський політичний словник / [Пер. з англ.; За ред. І. Макліна, А. Макмілана]. – К., 2006. – С. 432–433.
5. Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. – М., 2007. – С. 53.
6. Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія. Розпад; [пер. з нім. Х. Назаркевич, наук. ред. М. Крикун]. – Львів, 2005. – С. 292.
7. Yaacov Ro'i, Islam in the Soviet Union: From World War II to Perestroika. – Columbia University Press 2000.
8. Столяров К. Распад. От Нагорного Карабаха до Беловежской пущи. – М., 2001.
9. Martha Brill Olcott, The Lithuanian Crisis // Foreign affairs. Summer 1990: <http://www.foreignaffairs.com/articles/45711/martha-brill-olcott/the-lithuanian-crisis>
10. Чешко С. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. – М., 1996; Ronald Suny, Incomplete Revolution: National Movements and the Collapse of the Soviet Empire // New Left Review, 1991, I/189, September–October: <http://www.newleftreview.org/?page=article&view=1652>
11. Горбачов М. С. Перебудова – партія – соціалізм: Промова у Києві на пленумі ЦК Компартії України, 28 вересня 1989 р. – К., 1989. – С.14.

Байгунаков Д.С.

доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и музеелогии Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы)

А.Н. БЕРНШТАМ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Александр Натанович Бернштам (1910-1956) является одним из крупных востоковедов и археологов, изучавших прошлое Центральной Азии от эпохи бронзы до позднего средневековья. Его научное наследие говорит о том, что круг научных интересов ученого очень широк. И действительно, его глубоко интересовали вопросы этногенеза, ранняя история и культура тюркских народов Средней Азии и Казахстана, включая исследования в области этнологии, лингвистики, архитектуры, фольклора, нумизматики и эпиграфики. Чтобы провести по ним объемный историографический обзор требуется немало сил. Поэтому, в данной статье мы хотим, лишь вкратце остановиться на научных изысканиях ученого по древней истории Казахстана, выявив тем самым некоторые концептуальные взгляды ученого на ту или иную проблематику.

Свою научную деятельность Александр Натанович начал в студенческие годы в качестве этнолога тюркских народов, а в годы аспирантуры (1931-1934 гг.) получил солидную лингвистическую подготовку. Как историк-востоковед